

М. ЖИЖКА
РАДИЩЕВ

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ
1934

Annotation

В настоящем издании представлен биографический роман жизни и творчестве великого русского писателя философа и поэта Александра Николаевича Радищева (1749-1802).

- [М. Жижка](#)
 -
 -
 - [ДО ОТЪЕЗДА В ЛЕЙПЦИГСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ](#)
 - [ЗАГРАНИЧНЫЙ ПЕРИОД](#)
 - [ПРАКТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В РОССИИ](#)
 - [ПЕРО ПУБЛИЦИСТА НА СЛУЖБЕ ГРАЖДАНСКОЙ ДОБРОДЕТЕЛИ](#)
 - [ТРАГЕДИЯ РЕВОЛЮЦИОНЕРА-ОДИНОЧКИ](#)
 - [В СИБИРИ](#)
 - [ВОЗВРАЩЕНИЕ НА РОДИНУ](#)
 - [ПОСЛЕДНЯЯ НАДЕЖДА](#)
 - [НЕ САМОУБИЙСТВО, А УБИЙСТВО](#)
 - [ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ](#)
 - [СПИСОК ПРОИЗВЕДЕНИЙ А. Н. РАДИЩЕВА](#)
 - [БИБЛИОГРАФИЯ](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)

- [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
-

М. Жижка РАДИЩЕВ

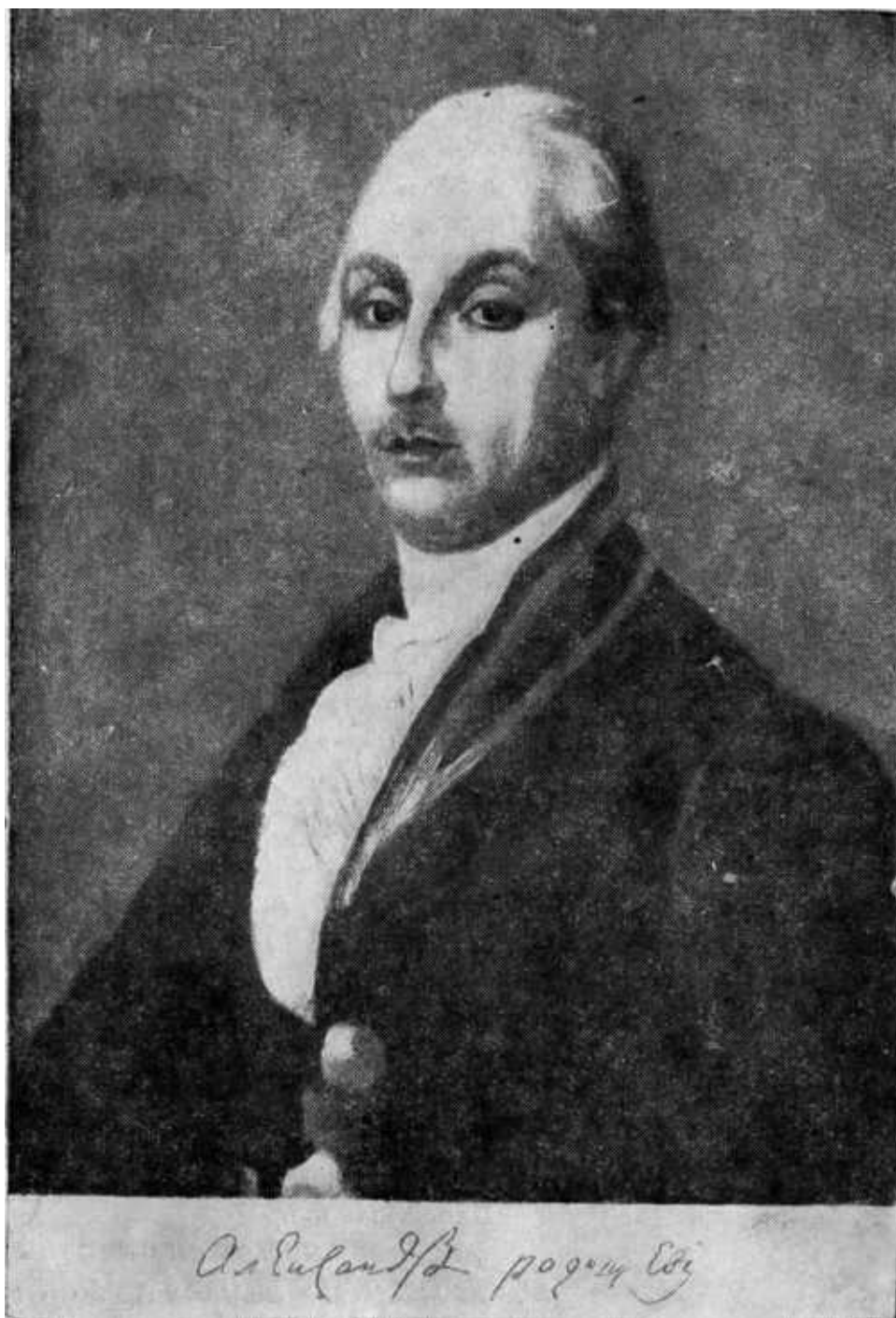
Красным партизанам села Николина-Балка и их славному командиру Семену Михайловичу Буденному посвящает эту книгу автор.

„Различие обыкновенных умов от изящных состоит в том, что одни приемлют все, что до них доходит, и трудятся над чуждым изданием, другие, укрепив природные силы свои учением, устраняются от проложенных стезей и вдаются в неизвестные и непроложенные. Деятельность есть знаменующая их отличность, и в них то сродное человеку беспокойствие, становится явно. Беспокойствие, произведшее все что есть изящное и все уродливое касающееся обоюдно до пределов даже невозможного и непонятного возродившее вольность и рабство, веселие и муку, не щадящее ни дружбы, ни любви, терпящее хладнокровно скорбь и кончину, покорившее стихии, родившее мечтание и истину, ад, рай, сатану и бога“.

Радищев. Житие Федора Вас. Ушакова.

„Человек не пресмыкаться должен по земле, а смотреть за ее пределы“.

Радищев

Гравюра Вендрамини с портрета работы художника Алексеева.
Хранится в Саратовском музее им. Радищева

ДО ОТЪЕЗДА В ЛЕЙПЦИГСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Александр Николаевич Радищев родился 20 августа 1749 года в семье саратовского помещика Николая Афанасьевича Радищева. Имение отца Радищева находилось в селе Преображенском, в 12 верстах от г. Кузнецка.

Николай Афанасьевич принадлежал к той группе дворянства, которую князь Щербатов удачно назвал «дворянством среднего достатка». Дворянство этого типа, начиная со второй половины XVIII века, постепенно втягивалось в новые товарно-капиталистические отношения, тормозом на пути развития которых стояло крепостное право и монархия Романовых, как юридическое выражение этих отношений. Эта обуржуазивающаяся часть русского дворянства постепенно разорялась и потому вынуждена была искать выхода для разрешения новых хозяйственных задач, с одной стороны, в частичном освобождении крестьян от крепостной зависимости и в ограничении монархии «фундаментальным законом» (Радищев, Панины, Воронцовы, Фонвизин), с другой — в усилении крепостного нажима на крестьян, в развитии промышленно-предпринимательской деятельности дворянства на основе крепостного труда (кн. Щербатов).

Эта часть среднего дворянства выдвигала целый ряд либеральных, конституционно настроенных идеологов, которые, однако, в своих политических стремлениях не выходили за пределы дворянской точки зрения и дворянских интересов по всем главнейшим вопросам, а потому оппозиционность и либерализм их были весьма умеренные.

Настроениями этой части дворянства питался и Радищев, но в своем выступлении он стал на революционно-буржуазную точку зрения, от которой были чрезвычайно далеки его либеральные современники.

В первой четверти XIX века самыми яркими выразителями интересов этой части дворянства явились декабристы. В выступлении декабристов, в их политических идеалах и практических стремлениях, наконец в причинах их поражения, как в зеркале, отразились все сильные и слабые стороны этой группы дворянства.

Отец Радищева для своего времени был образованным человеком. Он знал латинский, немецкий, французский и польский языки, имел большую

домашнюю библиотеку, занимался богословием, историей и много читал. Современники передают, что он настолько гуманно относился к своим крепостным крестьянам, что во время Пугачевского бунта они, в благодарность за это, не выдали своего барина пугачевцам, который и спасся благополучно в соседнем лесу вместе с детьми.

По словам П. А. Радищева, деревенские бабы, чтобы Придать барчатам вид крестьянских детей, «вымазали им руки и лица сажей».

Если такие факты действительно имели место, то из этого еще нельзя сделать заключения о наследственном и раннем свободолюбии Радищева, как это пытались делать некоторые исследователи. Для нас все это имеет второстепенный интерес. Важно заметить, что отец Радищева, как человек образованный, старался дать хорошее образование и своему сыну.

Русской грамоте Радищев научился к шести годам. Учил его дядька, Петр Мамонтов, по псалтырю и часослову.

Мамонтов, по прозвищу Сума, рассказывал сказки Радищеву живо и увлекательно. В своей богатырской повести «Бова», написанной им после ссылки в селе Немцове, Радищев пишет, что он слышал эту сказку от «старинного от дядьки моего, Сумы любезна». Начиная эту сказку, Радищев боится, что у него не хватит воображения, а потому призывает на помощь своего старого учителя.

Петр Сума, приди на помощь
И струею речи сладкой
Оживи мою ты повесть.

Сума, по свидетельству Радищева:

Человек был просвещенный.
Чесал волосы гребенкой,
В голове он не искался,
Он ходил в полукафтанье,
Борода, усы обриты
Табак нюхал и в картишки
Играть мастер

Словом, это был человек, как говорит Радищев, «нового покроя». Другой учитель был француз, который обучал Радищева французскому

языку. Впоследствии оказалось, что это был беглый солдат, мало образованный и любивший выпить. Естественно, что как от дядьки Сумы, так и от француза, Радищев получил весьма скудные сведения о «науках и искусствах». Он мог бойко читать по псалтырю и объясняться по-французски.

В усадьбе своего отца Радищев жил до девяти лет.

Вот все, что можно сказать о жизни Радищева в помещичьей усадьбе. Можно еще добавить, что отец Радищева имел до 2 000 душ крепостных и многочисленное семейство: 7 сыновей и 4 дочери. «Александр Николаевич, — пишет сын Радищева, Павел, — был старший и любимец своей матери, Феклы Степановны, женщины отличной кротостию нрава».

Из писем А. Радищева, написанных им после возвращения из ссылки, видно, что хозяйство отца Радищева стремительно разорялось и «барские каменные постройки даже в развалинах своих, — как он пишет, — ничего готического не представляли». По возвращении из ссылки Радищев нашел большую сумму долгов, а леса, пустоши и деревни, доставшиеся ему в наследство, — заложенными и проданными. Сам Радищев вынужден был жить в простой крестьянской избе, сквозь крышу которой, во время дождя, протекала вода.

Такая судьба постигла в то время не одно хозяйство отца Радищева. Большинство среднего дворянства разорялось. Дворянские гербы тускнели и, как говорит Фонвизин, были «бедностью унижены».

Экономическую эволюцию хозяйства помещиков Радищевых лучше всего можно охарактеризовать стихами Пушкина из «Родословной моего героя». Перефразируя начало, можно сказать, что Радищев...твердо ведал,

Что дед его великий муж, —
Имел двенадцать тысяч душ,
Из них отцу его досталась
Осьмая часть, и та сполна
Была давно заложена
И ежегодно продавалась;
А сам он жалованьем жил
И регистратором служил.

Таково расстояние между дедом Радищева (крупным помещиком) и внуком (чиновником сената).

Десяти лет Радищев был отправлен в Москву, к родственникам своей матери, Аргамаковым. М. Ф. Аргамаков состоял в должности куратора Московского университета. Он приглашал на дом профессоров университета и под их руководством, с одной стороны, и домашнего гувернера француза, с другой, — Радищев получил образование вместе с детьми Аргамакова.

Домашним учителем у Аргамакова был политический эмигрант (бывший советник Руанского парламента эпохи Людовика XIV). Он бежал в Россию от преследований правительства Людовика XV. Это был образованный человек и опытный политический деятель. В связи с этим некоторые биографы (Якушкин) склонны предполагать, что знакомство Радищева с французской просветительной философией начинается с этого времени. В нашем распоряжении нет никаких документов, свидетельствующих о свободолобивом стремлении Радищева в это время, но, конечно, возможность таких влияний на молодого Радищева — не исключается. Политические эмигранты, бежавшие из Франции в Россию от преследований реакции, несомненно, способствовали пропаганде прогрессивно-освободительных идей среди русского дворянства.

Под влиянием эмигрантов-республиканцев, как известно, находился Герцен, а во времена Радищева — граф Павел Александрович Строганов, гувернером и руководителем которого был швейцарец Жильбер Ромм, — во времена Французской революции, в 1789 году, член Законодательного собрания, деятельный член Конвента и изобретатель революционного календаря.

В биографии Радищева важно, как говорит Плеханов, «обнаружить обстоятельства, вырвавшие его из-под влияния угнетателей и возбудившие в нем сочувствие к угнетенным». Вот почему мы сознательно придаем такое большое значение обстоятельствам этого рода. Но если к этому времени Радищев не был знаком с французской просветительной философией, то в семье Аргамаковых он получил основательное образование, чему способствовали обстоятельства, о которых мы говорили выше.

В 1762 году Радищев был определен в Пажеский корпус и готовился стать оруженосцем и телохранителем ее императорского величества. Здесь он прозанимался четыре года.

Пажеский корпус представлял собой в ту пору аристократическое военное учебное заведение, куда определяли «исключительно детей дворянских достоинств». Это были дети «столбовых» дворян, князей и графов.

В Пажеском корпусе занимались, главным образом, муштрой и военной выправкой. Кроме маршей и парадов, здесь изучали такие предметы, как генеалогию древних дворянских родов, геральдику, церемониалы и проч. Сверх всего этого питомцы корпуса должны были уметь сочинять «короткие и по вкусу придворному учрежденному комплименты». Учителей не хватало и француз Морамбет выносил всю программу корпуса на своих плечах. Сами же пажи проводили своё время не столько за книгами, сколько в дворцовых приемных.

Они были неперенными спутниками на царских обедах, придворных балах и концертах; провожали и встречали императрицу. Естественно, что от них требовалась выправка, изящество, опрятность и благопристойность, — прежде всего.

Пажеский корпус, с его кастовой замкнутостью и военной дисциплиной, подавляющей всякую живую мысль, мог дать Радищеву одностороннее и скудное образование. Это была плохая почва для духовного роста молодого Радищева. К счастью для себя, он скоро вырвался из этой казармы на свежий воздух светского европейского образования.

За выдающиеся способности, проявленные Радищевым в Пажеском корпусе, он был выдвинут кандидатом для отправки в Лейпцигский университет.

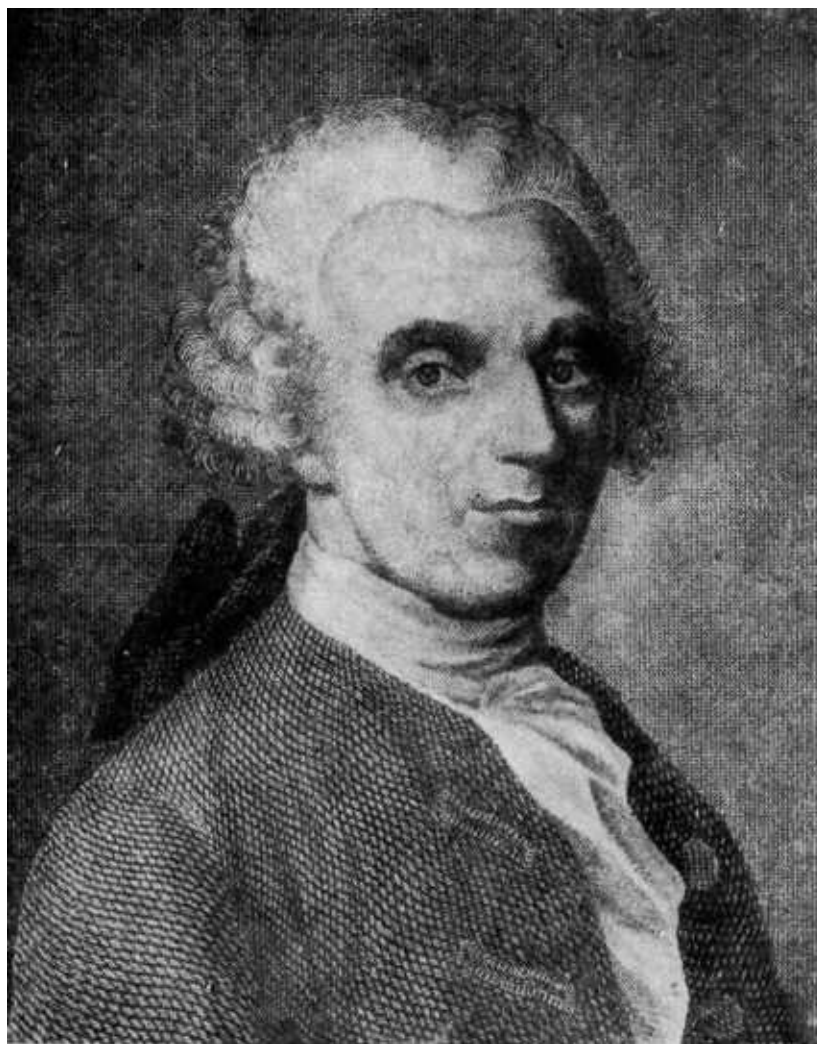
Пребывание в Пажеском корпусе дало возможность Радищеву близко наблюдать и изучить придворные нравы и быт Екатерины и ее вельмож, которых он так талантливо будет разоблачать через двадцать три года в своей знаменитой книге «Путешествие из Петербурга в Москву».

В 1767 году Радищева готовят в царские телохранители, а в 1789 году он первый выступил с открытым призывом цареубийства и народной (крестьянской) революции. Но для того, чтобы в сознании юноши совершился такой скачок, Радищеву необходимо было покинуть Россию и прожить четыре года в Европе. К моменту отъезда Радищева за границу ему было 16 лет. Он получил уже кое-какое образование, знал три иностранных языка, был знаком с историей и философией. И кроме того, у него было неограниченное желание учиться. Заграничный период жизни Радищева является самым ярким и радостным временем всей его жизни. Широкие перспективы и розовые надежды молодости тогда еще не были омрачены грустной крепостнической действительностью. Это было время, когда, по выражению самого Радищева, «все страсти пробуждаются в первый раз и делают дни блаженными... когда и самая печаль, грусть и отчаяние скользили, так сказать, на юном сердце, не проникая начальную

его твердость, когда нередко наиплачевнейший день оканчивался веселым исступлением». Всю свою жизнь Радищев с удовольствием и сожалением вспоминает время, проведенное за границей.

Общий вид Лейпцига XVIII век.

Х. Ф. Геллерт 1715–1769 гг.

ЗАГРАНИЧНЫЙ ПЕРИОД

В 1766 г. Радищев, в числе двенадцати молодых дворян, детей крупных сановных особ, был отправлен в Лейпцигский университет «обучаться иностранным языкам, моральной философии, римской истории, а наипаче естественному и всенародному праву». Такой наказ дала Екатерина II в инструкции отъезжающим студентам.

Расширяющаяся внешняя торговля и общий рост производительных сил страны усиливали потребность в европейски образованных людях, знающих иностранные языки, международное право, хозяйство и политику. Будущие студенты и должны были выполнять роль крупных чиновников, международных и внутренних торговых департаментов и коллегий.

Подробности жизни русских студентов за границей: занятия в университете, умственные настроения, бытовую обстановку и взаимоотношения с начальством, Радищев ярко описал в своей первой литературной работе «Житие Федора Васильевича Ушакова, которой мы и воспользуемся для описания этого периода в жизни Радищева.

Царское правительство строго следило за политически-нравственным состоянием студентов, посланных Лейпциг. С этой целью вместе со студентами были отпущены гофмейстер Бокум и отец Павел. Первый должен был выполнять роль светского наблюдателя, второй — роль духовного. Необходимо отметить, что и светская, и духовная власть в русской студенческой колонии за границей оказалась на редкость отталкивающей, как по своим нравственным качествам, так и по методам воспитания. Эти блюстители светского и религиозного порядка напоминали в миниатюре союз русского самодержавия с православной церковью. Те же методы воспитания при помощи палок, доноса и наушничества, то же взяточничество казнокрадство, та же невежественная грубость, ограниченность и самодурство.

Бокум был грубым и невежественным человеком, тому же пьяница и вор. Скарденничество его, воровство денег, ассигнованных на воспитание студентов, экономия за счет их желудков, не знало пределов. По выражению Радищева, он «рачил исключительно о своем кармане» и очень мало беспокоился о вверенных ему студентах. Такое «усердие» Бокума создавало отвратительную бытовую обстановку, вредно отражавшуюся на здоровье и занятиях молодежи. В своем донесении о русских студентах в

Лейпциге кабинет-курьер Яковлев писал: «Алексей Кутузов и Александр Радищев занимают одну комнату... в которой всегда сыро так как воздух порядочно не может проходить. Одеяло у Радищева казенное и ветхое... Комнату моют в год два раза. Чистота в оных дурно наблюдается. Во всяком кушании масло горькое, тож и мясо, старое, крепкое, да случалось и протухлое. Радищев, — продолжает Яковлев, — находился всю бытность мою в Лейпциге болен и по отъезде еще не выздоровел. И за болезнью к столу ходить не может, а отпускалось ему кушанье на квартиру. Он в рассуждении его болезни за отпуском худого кушанья прямой претерпевает голод».

Лейпцигский университет XVIII век

За малейшее ослушание и противоречие со стороны студентов, Бокум бил их фухтелем, давал пощечины. В своих воспитательных мерах он дошел до того, что «изобрел, — как пишет Яковлев, — специальную клетку с остроконечными перекладинами, в которой ни сидеть, ни стоять прямо не можно». Сюда он хотел сажать дворян, а «чтоб хитрому вымыслу сему нечего не доставало, то похвалялся его высокоблагородие клетку сию и в оной заключенного, подняв на блоке, через определенное тому время

повешенною на воздухе».

Бокум представлял собой тип самодура с унтер-офицерскими замашками. Он без конца хвастался своей богатырской силой и при всяком удобном случае совершал подвиги «достойные, как говорит Радищев, помещения в «Дон Кишотовых» странствованиях»» «Так, в доказательство своей силы, он позволял колотить себя своим лакеям, утверждая при этом, что ему «не больно», выпивал за один раз несколько бутылок воды и пива и выдерживал электрический ток высокого напряжения. Все это не могло не вызывать законного смеха и недовольства со стороны студентов.

Но если Бокум досаждал студентам с материально-бытовой стороны, то иеромонах Павел проявил не меньшее усердие в качестве духовного воспитателя.

Для поддержания в студентах основ христианской веры он два раза в день — утром и вечером — служил обедни; читал скучную христианскую мораль и «толковал слово божие». «Этот учитель риторики, по выражению Радищева, прошел все высшие классы богословия^и философии, знал в совершенстве все риторические правила и фигуры, но совершенно не обладал даром красноречия... добродушие, доходившее до смешного, было первое его качество, ничем другим он не отличался».

При первом же знакомстве со студентами о. Павел «почел их богоотступниками». Но «если бы можно было определить, какое каждый из нас тогда имел понятие о боге и должном ему почитании, то бы описание показалось взятым из какого-нибудь путешествия... Иной, — говорит Радищев, — почитал бога не иначе, как палача, орудием кары вооруженного, и боялся думать о нем... Другому казался он окруженный толпою младенцев, азбучный учитель, которого дразнить ни во что вменяется... иной думал, что не только Дразнить его можно, но делать все ему на смех и вопреки его велениям. Все мы однакоже, — добавляет он, — воспитаны были в греческом исповедании», и отец Павел должен был строго следить за чистотой и непорочностью верования студентов. Исправление свое он начал с того, что во время богослужения заставил их петь молитвы хором. При первом же богослужении это коллективное пение превратилось в нестройный концерт, так как каждый пел по-своему,

«Иной высоко, иной тонко, иной звонко, иной кудряво»

И «меры отца Павла, — пишет Радищев, — устроенные На приучении нас ко благоговению, превратились постепенно в шутку и посмеялище». По удачному определению Радищева, «духовник более способствовал к возродившемуся в нас в то время непочтению к духовным вещам, нежели удобен был дать наставление в священном законе».

Таким образом начальство в глазах вольнолюбивой дворянской молодежи не пользовалось, да и не могло пользоваться, авторитетом. Столкновения и препирательства между ними начались в день отъезда из Петербурга в Лейпциг и не прекращались до возвращения в Россию.

«Первый случай к несогласию нашему, — пишет Радищев, — с нашим руководителем был сам по себе мало значительный». После хорошего обеда в день отъезда Бокум угостил их весьма тощим ужином, «состоящим в хлебе с маслом и старом мясе ломтями резаном. Между тем — продолжает он — мы все были воспитаны по-русскому обряду и привычке, хотя не сладко есть, но до насыщения». Таким образом «худая по большей части пища и великая неопрятность в приготовлении оной, произвели в нас справедливое негодование». Студенты заявили протест. Бокуму не понравилась эта «вольность мыслей и твердое изречение оных», и он решил отомстить.

Бокум усиленно обкрадывал студентов, наушничал, придирался ко всякой мелочи, применял телесные наказания и давал пощечины. Студенты в свою очередь не подчинялись его распоряжениям, смеялись над ним и отцом Павлом при всяком удобном случае, жаловались в своих письмах к родителям на плохое с ними обращение и в тайне замыслили план мщения за несправедливые обиды. Так длилось около двух лет.

Высшего напряжения конфликт достиг на втором году занятий, когда потребовалось вмешательство русского посла в Дрездене князя Белосельского.

Большая часть стипендии, ассигнованной на содержание студентов, попадала в руки Бокуму и они, как мы видели из донесения кабинет-курьера Яковлева, жили впроголодь, в грязных и нетопленных комнатах. Особенно нуждались те из студентов, которые не получали из дому денег. К их числу принадлежал Радищев и Иван Насакин. Студенты, которые имели домашние деньги, вынуждены были тратить их на покупку дров, пищи, книг и проч.

Один из студентов, Насакин, находясь в большой нужде, пришел к Бокуму просить помощи, так как «не в силах, — говорит Радищев, — было ему терпеть холод ради болезненного расположения его тела». Когда он пришел к Бокуму, тот играл на бильярде и на просьбу истопить его комнату, дал ему пощечину. Незаслуженно обиженный Насакин возвратился к остальным студентам и со слезами на глазах рассказал им о случившемся.

Дальше терпеть было нельзя. Все единогласно решили отомстить Бокуму.

«И подобно как в обществе, — говорит Радищев, — где удручение

начинает превышать пределы терпения и возникает отчаяние, так и в нашем обществе начинались сходбища, частые советывания, предприятия и все, что при заговорах бывает, взаимные вспомоществования, обещания, неумеренность в изречениях; тут отважность была восхваляемая, а робость молчала... Презрение наше к начальнику нашему, — продолжает Радищев, — перешло в негодование»... Федор Васильевич Ушаков, самый старший из студентов, смелый и решительный, предлагал Насакину вызвать Бокума на дуэль и пистолетным выстрелом смыть нанесенный позор. «В общежитии, — говорил он, — если таковой случай произойдет, то оный не иначе может быть заглажен, как кровью».

Но большинство не согласилось на эту рыцарскую месть, так как имело дело с начальником. Они решили отомстить Бокуму руководствуясь естественным правом «защиты чести». «Мы в то время, — пишет Радищев, — начали слушать преподавание права естественного и остановились на разделе: «Вознаграждения за человеческие оскорбления». И руководствуясь древним законом — «око за око — зуб за зуб», решили, что студент Насакин, получивший незаслуженную пощечину от Бокума, должен отомстить ему тем же. Сказано — сделано. Когда Насакин пришел к Бокуму, между ними произошел следующий разговор:

«Насакин. Вы меня обидели и теперь я пришел требовать от Вас удовлетворения.

Бокум: За какую обиду и какое удовлетворение?

Насакин: Вы мне дали пощечину.

Бокум: Неправда, извольте итти вон.

Насакин: А если нет, так вот она и другая.

Говоря сие ударил Насакин Бокума и повторил удар».

«Боясь последствий этого скандала, они решили, — как пишет Радищев, — тайно оставить Лейпциг, пробраться в Голландию или Англию, а оттуда сыскать случай ехать в Ост-Индию или Америку».

Но Бокум предварил этот побег. По его заявлению студенты были арестованы. «Не довольствуясь, — пишет Радищев, — тем, что мы были арестованы, Бокум испросил от совета университета, чтобы над нами произвели суд. К допросам возили нас скрытным образом и судопроизводство было похоже на то, какое бывает в инквизициях или тайной канцелярии».

После вмешательства посла кн. Белосельского, студенты были освобождены из-под стражи и конфликт кончился более или менее благополучно для обеих сторон и хотя полного мира не наступило, и не могли наступить, но физические схватки между начальством и студентами,

прекратились. Бокум по-прежнему пьянствовал и рачил о своем кармане, «а мы, — пишет Радищев, — жили и не видали его месяца по два, как бы ему не подвластны».

Пребывание Радищева за границей самым непосредственным образом способствовало его знакомству с учением французской материалистической философии, под знаком которой проходила вся последующая его литературно-общественная деятельность.

Это было время, когда идеи этой философии совершали свое победное шествие в борьбе со старым феодальным порядком. Париж был центром, откуда они широким потоком разливались по всей Европе. В 1778 году Вольтер находил, что «вся Франция, и даже Европа сделалась энциклопедистами, и что от С.-Петербурга и до Кадикса, от Ледовитого океана до Венеции революция против церкви — совершившийся факт».

Идеи философского материализма, на суд которого были призваны все старые понятия, традиции и верования, с молниеносной быстротой проникали в самые отдаленные уголки Европы, несмотря на густую цепь цензурно-полицейских запрещений и поповских заклинаний. Необычайно простые и понятные по своему содержанию, стройные по изложению, смелые и революционные в своих практических выводах, эти идеи везде находили горячих сторонников и смелых пропагандистов. Либеральные профессора, пузатые лавочники, буржуазные журналисты, писатели, студенты и ремесленники — все были захвачены подкупающей простотой этих идей и всячески старались направить их острие против феодально-аристократических привилегий в защиту политических и материальных интересов буржуазии.

Не избежали этого влияния и русские студенты, проходившие курс юридических наук в Лейпцигском университете.

Кроме официальной программы университета, где читали лекции либеральные профессора (Платнер, Галлерт и друг.) — по логике, естественному, генеральному, международному и политическому праву, истории и философии, большинство студентов (главным образом Радищев и Ушаков) усердно занималось на дому, читали материалистов (Гельвеция, Мабли, Монтескье и Руссо), брало у професоров на стороне дополнительные лекции и, как пишет Радищев — «подолгу беседовали с римлянами», восхищаясь республиканскими героями Плутарха и Квинта Курция.

Федор Васильевич Ушаков вместе с Радищевым «упражнялись, — как он пишет, — денно и ночью в чтении... солнце, восходя на освещение

труда земнородных, нередко заставляло нас беседующими с римлянами».

Что же привлекало русских студентов в древней истории Рима? «Не льстец Августов и не лизорук меценатов (Гораций) прельщали нас, но Цицерон, гремевший против Катилины, и колкий сатирик, не щадящий Нерона». В латинском языке им нравилась «сила выражений», а в истории — борьба республиканских героев с монархическими.

Знакомству с идеями французской просветительной философии содействовали и сами преподаватели. Значительно позже Радищев с восхищением вспоминал лекции профессора Геллерта (преподавал словесные науки) который говорил, что «призвание писателя заключается в том, чтобы пером своим служить истине и добродетели».

Петербургским наказом Екатерины и официальной программой университета не были предусмотрены такие авторы, как решительный демократ аббат Мабли и материалист Гельвеций, между тем как книги их жадно читались русскими студентами и, по выражению Радищева, они «в оных мыслить научались».

Самый близкий товарищ Радищева по университету, Федор Васильевич Ушаков, в своих письмах, «касающихся до первой книги Гельвецкого сочинения о Разуме», так отзывается об этой книге: «Вы, — говорит он, — обращаясь к какому-то неизвестному другу, вселили в меня неутолимое рвение к исследованию всех полезных истин и отвращение непреодолимое ко всем системам, имеющим основание в необузданном воображении их творцов и омерзение к путанице высокопарных и звонких слов, коими прежде отягощал я ум свой... от Вас познал я удивления достойного сочинителя, коего книгу Вы благоволили прочесть со мною. После чего я три раза читал ее со всевозможным вниманием и для того только воздерживаюсь хвалить его, 'что я уверен, что хвалить такого мужа, как Гельвеций, должен только тот, кто сам заслужил уже похвалу... скажу только то, что удивляясь его проницательности, ясности и изящности его слога, я нередко сожалел о его краткости».

С книгой Гельвеция «О Разуме» познакомил студентов какой-то проезжий русский офицер. «По его совету, — пишет Радищев, — Федор Васильевич (Ушаков) и мы за ним читали сию книгу, читали со вниманием и в оной мыслить научались».

Знакомству Радищева с идеями просветительной философии много содействовала его дружба с Ушаковым.

Федор Васильевич Ушаков был старше всех по возрасту и выделялся среди русских студентов, находившихся в Лейпциге, незаурядными умственными способностями, трезвостью мышления и стойкостью

характера. По описанию Радищева это был живой, остроумный молодой человек, с душой, «свойственной к философским размышлениям». Это он был коноводом во всех студенческих историях, происходивших между ними и начальством, Его-то главным образом и невзлюбил Бокум за «твердость мыслей и смелое изречение оных».

Наперсник вельможи Теплова, имевшего доступ ко двору, Ушаков, благодаря придворным связям и личным способностям, быстро пошел вверх по иерархической лестнице чинов. И ко времени отъезда за границу он имел чин коллежского асессора и блестящую карьеру в будущем. Но его, как видно, мало удовлетворяла перспектива придворного баловня. При одном известии о командировке в Лейпцигский университет, он, не задумавшись, сменил блестящий мундир офицера Кирасирского полка на скромную куртку студента, а бюрократические дела департамента — на увлекательные научно-философские книги. Из начальника, имеющего в своем подчинении целую канцелярию, ради университета, он пошел под начальство глупого Бокума и глупого попа о. Павла. Для того, чтобы не задумываясь пожертвовать реальными привилегиями в настоящем ради гадательного будущего, — для этого нужно было обладать решительным характером и быть глубоко неудовлетворенным (духовно) окружающей обстановкой. Ушаков был именно таким человеком.

По приезде за границу Ушаков усердно и напряженно работал над пополнением своего образования. По свидетельству Радищева он буквально пожирал «бесчисленное количество книг», «весь отдался учению, от коего единственно ожидал себе отрады». Важно заметить, что чтение Ушакова было строго обдуманно. «Сие чтение, — пишет Радищев, — располагал он всегда соответственно тому, что преподаваемо нам было в классах, соображая мнение по тому или другому вопросу авторов прочитанных книг со мнениями своих учителей, он (Ушаков) старался отыскать истину в среде различья оных».

Таким образом Ушаков рано задумался над выработкой самостоятельного мировоззрения и, как видно, критически начал относиться, как к прочитанным книгам, так и прослушанным в университете лекциям.

Кроме специальных лекций Ушаков занимался математикой, естествознанием и продолжал работать над книгой Гельвеция «О Разуме». Чрезмерное напряжение окончательно подорвало здоровье Ушакова. Он умер двадцати трех лет в полном расцвете творческих сил, оставив неоконченную работу о книге Гельвеция и массу выписок из философских книг, которые свидетельствуют о больших творческих планах Федора

Васильевича.

Ушаков готовился к диссертационной работе, для чего избрал «наиважнейшие предметы до человека касающиеся в гражданском его отношении». «В сочинении своем — продолжает Радищев — Федор Васильевич хотел разыскать следующие задачи:

1. На чем основано право наказания.
2. Кому оно принадлежит.
3. Смертная казнь нужна и полезна ли в государстве».

Излагая доводы Ушакова против смертной казни Радищев пишет, что Федор Васильевич хотел доказать, что «при определении наказаний иной цели иметь не можно, как исправления преступника или действия примера для воздержания от будущего преступления... смертная казнь в обществе не только не нужна но и бесполезна».

Из этих коротких выписок видно, что в вопросах наказания преступников Ушаков следует учению материалистов XVIII века, утверждавших, что «люди по своей природе не злы, не добры» и что «человеческий характер зависит от физических и гражданских условий, в которых они воспитываются», что гражданские законы должны воспитывать человека в духе добродетели, просвещать и «нагибать разум людей ко благу» а не только наказывать, что необходимо прежде чем наказывать преступника, «уничтожить, причины, по рождающие зло» и т. д.

«Опричь малого сочинения «О Разуме», ничего более не найдено в бумагах Федора Васильевича. Выписка из многих книг, — продолжает Радищев, — хотя без связи свидетельствует, что он располагал свое чтение со вниманием. Кто может определить, — спрашивает он, — что с ним потеряло общество? Определить могу я, что потерял друга».

До самой своей смерти Ушаков не бросал учения и только полное истощение сил «отвлекло его от упражнения в науке».

За день до смерти он призывает врача и просит его сказать ему откровенно, есть еще надежда на выздоровление или нет. «Не думай, — говорил Ушаков врачу, видя что тот колеблется, — не мни, что, возвещая мне смерть, встревожишь меня безнадежно или дух мой приведешь в трепет. Умереть нам должно; днем ранее или днем позже, какая соразмерность с вечностью».

«До сего, — говорит Радищев, — человеколюбивый врач колебался в мыслях своих, откроет ли ему грозную тайну, зная, что утешение страждущего есть надежда. не покидающая человека до последнего издыхания».

Но видя упорное желание больного знать истину о своей болезни,

сказал ему, что через сутки он умрет.

«Услыша приговор свой из уст врача, Федор Васильевич не встревожился ни мало», он взял руку врача и сказал: «Нелицемерный твой ответ почитаю истинным знаком твоей (ко мне) дружбы. Прости в последний раз и оставь меня».

Простившись с товарищами, он позвал к себе Радищева, отдал ему свои бумаги и просил «употребить их как ему захочется». «Прости теперь последний раз; помни, что я тебя любил, помни, что нужно в жизни иметь правила, дабы быть блаженным, и что должно быть твердо в мыслях, дабы умирать бестрепетно».

Перед самой кончиной Ушаков просил товарищей дать ему яду, но те не согласились. Он умер от «антонова огня»... «Из миллионов единый исторгнутый не приметен в обращении миров», — говорит Радищев.

Эта чисто стоическая твердость духа перед лицом и смерти и последние поучения Ушакова произвели сильное впечатление на молодого Радищева. Позже он часто повторяет слова Ушакова: «Надо быть твердого убеждения в мыслях, чтобы умирать бестрепетно». Последующая жизнь показала, что из одиннадцати русских студентов, один Радищев оказался достойным и последовательным учеником Ушакова, с таким чувством и горячей любовью написавший очерк о жизни и смерти одного из лучших русских людей второй половины XVIII века.

Кончилось золотое время юношеских надежд, увлечений и розовых перспектив. Европейски образованным человеком Радищев, вместе с другими русскими студентами возвращался на родину, где и должен был приступить к практической деятельности на пользу отечества..

«На окончательном экзамене, — пишет сын Радищева Павел, — он не старался блеснуть знаниями». И только одни его учителя знали «что он знал более, чем другие». Кроме глубокого знания международного законодательства и права, которое он усердно изучал в Лейпциге, он усиленно занимался химией, биологией и особенно философией.

Владея в совершенстве пятью иностранными языками, Радищев был хорошо знаком со всей мировой литературой по философии. Все классические авторы; греческие, латинские, итальянские, немецкие, французские и английские — были ему известны, равно как и все русские. Обо всем этом свидетельствуют не только его современники, но и литературное наследство писателя.

По возвращении в Россию этот всесторонне развитой и образованный человек, полный юношеского энтузиазма, должен был исполнять должность протоколиста Сената: переписывать жалкие мысли урядников

благочиния, этих — по выражению Радищева — «гонителей истины, разума и всего великого и изящного на земле».

Не о скучной работе переписчика мечтал Радищев, занимаясь в Лейпциге. Он готовил себя к большой политической деятельности и искренне желал отдать все свои силы и знания на пользу родине в духе истинной добродетели.

ПРАКТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В РОССИИ

За время четырехлетнего пребывания его в Лейпциге он плохо был знаком с настоящим состоянием дел на родине. Когда он уезжал в Лейпциг, Екатерина II справляла «медовый месяц» либерализма. Шум, поднятый в связи с созывом Комиссии для сочинения нового уложения, переписка с французскими философами (Вольтер, Д'Аламбер), приглашение в Петербург Дидро, губернские реформы, учреждение суда совести и формальная отмена пытки, разговоры о веротерпимости, отмена слова «раб» — все это дало повод русским и иностранным писателям принять эту волчицу в овечьей шкуре за истинное воплощение «разума на престоле», за образец просвещенной монархии, к утверждению которой были направлены усилия большинства материалистов-просветителей.

В русской и иностранной печати заговорили о наступлении новой эры. «Заря благоденствия рода человеческого занялась на севере. Владыки вселенные, законодатели народов, спешите к полуночной Семирамиде и, преклонив колена, поучайтесь». — Так писал западный писатель Грим по поводу так называемого либерализма Екатерины.

Еще с большей наивностью приняли этот либерализм русские писатели.

Поэт Державин в задушевных и восторженных выражениях славил «великие дела великого царствования». В своем стихотворении «Фелица» он писал по адресу Екатерины II:

Слух идет о твоих поступках,
Что ты не мало не горда,
Любезна и в делах, и в шутках,
Приятна в дружбе и тверда....
Еще же говорят не ложно,
Что будто завсегда возможно
Тебе и правду говорить.
Неслыханное также дело,
Достойное тебя одной,
Что будто ты народу смело

И всем, и въявь и под рукой,
И знать и мыслить позволяешь,
И о тебе не запрещаешь,
И быль и небыль говорить.

«Век Екатерины — говорит Фонвизин — ознаменовав дарованием россиянам свободно мыслить и изъясняться». Один из героев Фонвизина, Стародум, так оценивает доекатерининские времена ужаса: «Я сам — говорит он — жил большей частью тогда, когда каждый, слушав двоих так беседующих, как я говорил с Правдиным, бежал прочь от них трепеща, чтобы не сделали его свидетелем вольных рассуждений о дворе и дурных вельможах. А что касается — продолжает Фонвизин устами Стародума — о критике дурных нравов на улице, то и думать нечего». Но это в прошлом.

А теперь «Екатерина продолжает он — расторгла сии узы. Она, отвергая пути к просвещению, сняла с рук писателей оковы и позволила везде заводить вольные типографии, дабы умы имели повсюду способы выдавать в свет свои творения».

«Теперь, — воскликнул он в восторге, — писатели могут возвысить громкий голос свой против злоупотреблений и предрассудков, вредящих отечеству, так что человек с дарованием может в своей комнате, с пером в руках, быть полезным советодателем государю, а иногда спасителем сограждан своих и отечества».

Это общее преклонение и восхищение «перед разумом на престоле» разделял и Радищев, четыре года находившийся за пределами родины — в Лейпциге^[1].

Только незнанием истинного положения дел можно объяснить первое восхищение Радищева царствованием Екатерины и те патриотические чувства, которые он переживал тогда вместе с другими студентами.

«Вспомни нетерпение наше видеть себя паки на месте нашего рождения, вспомни о восторге нашем, когда мы узрели между, Россию от Курляндии отделяющую. Если кто бесстрастный ничего иного в восторге не видит, как неумеренность или иногда дурачество, для того не хочу я марать бумаги. Но если кто понимая, что есть исступление, скажет, что не было тогда в нас такового, кто не мог бы пожертвовать и жизнью для пользы отечества» (Разрядка наша). Налицо таким образом искренние и неподдельные патриотические чувства.

Гельвеций 1715–1771 гг.

Ж. Ж. Руссо 1712–1778 гг.

Но, по свидетельству самого Радищева, разочарование в родине и отечественных порядках наступило слишком быстро. «Признаюсь, и ты, мой любезный друг, в том же признаешься, что последовавшее по возвращении нашем на родину жар сей в нас гораздо умерило». Самодержавно-крепостническая действительность со всеми злыми последствиями вылилась ушатом холодной воды на разгоряченные головы юных патриотов.

При более внимательном и критическом рассмотрении оказалось громадное противоречие между либеральной фразой и истинным положением дел в стране. «Мягкосердие» на престоле писало разумные законы, а «лютость» чиновников и помещиков над крестьянами превзошла

все возможные пределы «прежних времен». Под шумок либеральных фраз одна за другой узаконялись льготы дворянству и купечеству за счет невероятной эксплуатации крестьянства, которое буквально было отдано на разграбление помещикам, откупщикам и земским начальникам. Формально было отменено название «раб», и вместе с тем около миллиона казенных крестьян Екатерина раздала своим любовникам, закрепостив Украину и польские провинции. Также формально была уничтожена пытка, проповедывалось просвещение, а искренний поборник просвещения, издатель Новиков, был посажен в Шлиссельбургскую крепость, писатель Княжнин умер под розгами. Вся внешняя и частично внутренняя торговля России находилась в руках иностранцев, на содержании которых находились сенаторы и министры. Провинциальные чиновники по три месяца не получали содержания, а взятки «строгие были запрещены», но «от канцлера до последнего протоколиста все крало и было продажно». Напыщенная рекламность, казенное благополучие и невероятная пышность двора зиждились на разорении и вымирании крестьянства. На эту политику крестьянство ответило пугачевским восстанием, охватившем большую часть территории России и явившимся кульминационным пунктом в развитии классовых противоречий между дворянством и крестьянством. Такая социально-экономическая обстановка в стране противоречила даже самым умеренным принципам естественного права и гражданской добродетели. Эти противоречия между словом и делом, чудовищная социальная несправедливость не могли укрыться от зоркого и критического взгляда Радищева. Все это значительно умерило его «патриотический жар».

Мировоззрение и темперамент Радищева совершенно исключали равнодушное отношение его к действительности и спокойную работу в качестве чиновника правительствующего сената. По описанию самого Радищева характерные черты людей суть следующие: «одни приемлют, — говорит он, — все, что до них доходит, и трудятся над чужим изданием, другие, укрепив природные силы свои учением *отстраняются от проложенных стезей* и вдаются в неизвестные и непроложенные. *Деятельность* есть знаменующая отличность и в них то сродное человеку беспокойство становится ясно. Беспокойство, произведшее все, что есть изящного и все уродливое, касающее обоюдного до пределов невозможного и не понятного. возродившее вольность и рабство, веселие и муку, не щадящее ни дружбы, ни любви, терпящее хладнокровно скорбь и кончину, породившее стихию, мечтания и истину, ад, рай, сатану и бога»(Разрядка наша).

С какой же стороны проявил себя человек, для которого благородная и возвышенная деятельность является характерной особенностью?

Человеку, проучившемуся четыре года за границей, усвоившему принципы естественного права разума и добродетели, приходилось работать в обстановке, которая на каждом шагу противоречила самым умеренным принципам этого права, в окружении тупых и ограниченных взяточников и карьеристов из приказных. Все эти люди не только не равны были ему, как он пишет, «в познаниях, но и душевными качествами иногда ниже скотов почестся могут; гнушаться их будешь и ненавидеть, но ежедневно с ними обращаться должен». Работая в качестве чиновника, Радищев видел вокруг себя «согбенные разумы и души, и самую мерзость».

Для таких людей «в делах житейских важно не образование, ум и знание дела (как он думал), а расчет и уловка». Благоразумие, а иногда «один расторопный поступок, — говорят они, — в отношении начальника далее возводят стяжающего почести, нежели все добродетели и дарования совокупно». Вот как описывает Радищев практическую философию чиновников. «Они думают и нередко справедливо, что для достижения своей цели нужна приязнь всех тех, кто хотя мизинцем до дела их касается; и для того употребляют ласки, лесть, ласкательство, дары, угождения и все, что вздумать можно, не только к самому тому, от кого исполнение просьбы их зависит, но ко всем его приближенным, как то к секретарю его, к секретарю его секретаря, если у него оный есть, к писцам, сторожам, лакеям, любовницам, и если собака тут случится, и ту погладить не пропустят» ^[2]. Это был проложенный и обычный путь, по которому двигалась служилая дворянская молодежь вверх по иерархической лестнице чинов. Радищев не мог пойти по этому пути. Он глубоко презирал лесть, пресмыкательство и высоко ценил мужество, самостоятельность и человеческое достоинство. «Старайтесь, говорит крестецкий дворянин, один из героев «Путешествия», детям, уходящим на службу, — во всех ваших деяниях паче всего заслужить собственное свое почтение; дабы обращая в уединении взоры свои во внутрь себя, не только не могли бы вы раскаиваться о сделанном, но взирали бы на себя со благоговением. Следуя сему правилу удаляйтесь, елико то возможно, даже вида раболепствования... и так, — заключает он, — да не преступит нога ваша порога, отделяющего раболепство от исполнения должности. Не посещай николи передней знатного боярина, разве (только) по долгу звания твоего».

Радищев служил честно, но никогда не прислуживался. Он ненавидел карьеристов, крючкотворцев и взяточников и первый в истории русской литературы правдиво и метко описал нравственные качества и психологию

чиновников, этих, По выражению Ленина «Иудушек, которые пользуются своими крепостническими симпатиями и связями для надувания рабочих и крестьян... и представляют из себя самую реакционную отечественную бюрократию, которая de facto и правит государством Российским».

Радищев жил и работал в «чиновничьей монархии».

Но самое замечательное в этой характеристике, как правильно отметил Плеханов, то, что Радищев нравы русской бюрократии рассматривает как неизбежный результат существующего политического строя. «Призер самовластья государя — говорит Радищев — не имеющего закона на последования ниже в расположениях своих других правил, кроме своей воли или прихотей, понуждает каждого начальника мыслить, что пользуясь уделом власти беспредельной, он такой же властитель частно, как тот в общем. И сие столь справедливо, что нередко правилом приемлется, что противоречие власти начальника «А» есть оскорбление верховной власти». «Иначе и быть не может по сродному человеку стремлению к самовластью и Гельвециево о сем мнение ежечасно подтверждается». Вывод таков, что дурные примеры деспотизма и самовластья царя заразительны и что «каков поп, таков и приход».

«Блаженны, — говорит он в «Путешествии», — в единовластных правлениях вельможи, блаженны украшенные чинами и лентами. Вся природа им повинуется».

Но что же делать дальше? Терпеливо ли сносить деспотизм и тиранию начальства? Приспособлять ли идеалы естественного права и добродетели к самодержавно-крепостническим порядкам и, не обращая внимания на окружающие несправедливости, продвигаться вверх по иерархической лестнице чинов и рангов?

Или выступить на борьбу за правду и истинную добродетель?

«Что благороднее — сносить ли гром и стрелы Враждующей судьбы или восстать

На море бед и кончить жизнь борьбою?»

Что было «благороднее»? Об этом у Радищева не было двух мнений. Теория естественного права на этот счет не оставляла никаких сомнений: «понеже добродетель есть вершина деяний человеческих, — говорит он, — то исполнения ее ничем не долженствует быть препинаемо. Не бреги обычаев и нравов, не бреги закона гражданского и священного, столь святые в обществе вещи, если исполнение оных отлучает тебя от добродетели. Не дерзай никогда нарушения добродетели прикрывать робостью благоразумия» и твердо решил «восстать на море бед и кончить жизнь борьбою».

Но прежде чем бросить открытый вызов врагу, ему предстояло еще пройти длительный иску́с в качестве царского чиновника и рядового литературного работника.

После службы в сенате в 1774 году Радищев работает обер-аудитором [3] при штабе графа Брюсса. Но прослужив год, в 1775 году вышел в отставку в чине секунд-майора. В том же году, через своего лейпцигского товарища Рубановского знакомится с семьей его старшего брата, на дочери которого, Анне Рубановской, он и женился в 1775 году. Рубановские долго противились этому браку, надеясь на брак с кем-нибудь из близких ко двору, — сообщает сын Радищева Павел, — но любовные взаимоотношения зашли так далеко, что родители вынуждены были согласиться на брак с бедным и малоизвестным чиновником.

Все это время Радищев занимается литературной работой, причем «до женитьбы, — пишет он, — я более упражнялся в чтении книг, до словесных наук касающихся... Родясь с чувствительным сердцем, опыты своего письма обращал я на нежные предметы... но неудачно. Когда же я женился, то все любовное вранье оставил и наслаждался действительным блаженством, не занимаясь ничем более, как домашними делами». Два года после женитьбы Радищев нигде не работает. Он переживает первые годы семейного счастья, посещает английский клуб и занимается литературными переводами.

Свою литературную деятельность Радищев начал переводами с французского на русский.

В 1772 г. в Петербурге по инициативе Екатерины II организуется вольное переводческое общество, куда и был приглашен работать Радищев. Это было задолго о Великой французской революции. Тогда еще не видно было окончательных плодов французских материалистов и по выражению масона А. М. Кутузова монархи веселились сочинениями Вольтера, Гельвеция и им подобных... ласками награждали их, не ведая, что по русской пословице согревали змею в своей пазухе, теперь (март 1792 г.) видят следствие слов, но не имеют уже почти средств к истреблению попущенного ими».

Под влиянием Пугачевского восстания и Французской революции средство для истребления «упущенного зла» Екатерина нашла очень быстро, — как только разразилась революция 1789 года. Этими средствами являлись: общее гонение на материалистов, цензурные запрещения, изъятие «крамольных» книг из публичных библиотек, сжигание и репрессивные преследования последователей материалистической философии. Выражением этой боязни «французской заразы» явилось

распоряжение правительства, запрещающее читать публично весьма умеренный наказ Екатерины о сочинении нового уложения. Но это случилось значительно позже, а в начале царствования Екатерины сочинения Вольтера, Гельвеция и Руссо были настольной книгой многих венценосных особ и вельмож, претендовавших на звание просвещенных людей. Княгиня Е. Р. Воронцова-Дашкова, президент Академии Наук, книгу Гельвеция «О духе» прочла два раза. Князь Д. Н. Голицын, русский посланник в Париже, напечатал в Гааге книгу Гельвеция и посвятил ее Екатерине. Сама Екатерина ведет переписку с Вольтером и Руссо, приглашает Дидро в Петербург, покупает у него библиотеку и «покровительствует» философии. Словом, родовитая знать увлекалась учением материалистов, переводила их на русский язык и до поры до времени восхищалась «Вольтеровыми насмешками и Руссовыми опровержениями».

Отрывки из энциклопедии материалистов и сочинения Вольтера, Гельвеция, Гольбаха, Д'Аламбера издавались не только в Петербурге, но даже в Тамбове. Болотов в своих записках (т. III) с ужасом рассказывает о князе Сергее Вас. Гагарине (действительном тайном советнике и шталмейстере 1782 года) «...я нашел его читающего французскую, известного безбожника Гельвеция книгу, не только удивился, но и содрогнулся узнав, что и старик сей, по примеру многих заражен до глупости вольтерианством и находясь при дверях самого гроба, не переставал обожать Вольтера, сего Гельвеция и других подобных им извергов и развратителей человеческого рода».

Как понимали учение французских материалистов и просветителей русские вольтерианцы? По весьма понятным причинам «обожание» это было весьма умеренным и не выходило за пределы дворянских интересов. Болотов и князь Щербатов тоже были европейски образованными людьми и имели свое представление о «естественном праве» и «добродетели», однако это не мешало одному с ужасом отвернуться «от безбожников и развратителей рода человеческого» и применять средневековые пытки над крепостными в качестве управляющего имениями князей Бобринских, а другому (Щербатову), печатно опровергать «химеру французских гвилософов о равенстве» и доказывать, что «естественное право — это право одним дворянам владеть всеми естественными богатствами и крестьянами». У большинства русских вольтерианцев и «поклонников просвещения» крепостная практика великолепно уживалась с теорией «естественного права», а чтение памфлетов против тирании и рабства сменялось наказаниями на конюшне розгами своих крепостных.

После Пугачевского восстания даже наиболее последовательные из либералов (Фонвизин и др.) подобно Кутузову убедились, что они «действительно согрели змею на своей груди» и с ужасом отвернулись «от французской заразы».

Так Фонвизин, во время первого своего заграничного путешествия следующим образом отзывался о французских философах, учением которых он увлекался в молодости: «корыстолюбие несказанно заразило все состояния, не исключая и философов нынешнего века... Даламберты и Дидероты, в своем роде такие же шарлатаны, каких я видел всякий день на бульваре. Все они народ обманывают за деньги и разница между шарлатаном и философом только та, что последний к сребролюбию присовокупляет еще безмерное тщеславие... Вот каковы те люди, — говорит он в заключение, — из которых Европа многих почитает великими и которые можно оказать всей Европе повернули голову».

Таким образом, французская революция наглядно показала русским вольтерьянцам и либеральным барам, какие нежелательные для них выводы делает французская буржуазия из «Вольтеровских насмешек» и «Руссовых опровержений». Разнюхав классовый смысл учения материалистов, они перестали «громить» в печати против деспотизма и бросились в объятья монархии.

Тем легче и быстрее удалось правительству истребить «упущенное зло».

Но среди этой непривлекательной галереи вольтерьянцев-крепостников мы находим светлую и мужественную личность Радищева, последовательного и неутомимого пропагандиста идей просветительной философии в России, начавшего свою литературную деятельность переводами Мабли.

В учении Мабли Радищева привлекал необычайный политический радикализм французского: аббата. Этот представитель левого крыла французской просветительной философии являлся большим авторитетом для Радищева во все время его деятельности и, как говорит М. Н. Покровский, — «монархомахия Радищева и ведет свое начало от Мабли». Уже к этому времени Радищев почувствовал настоятельную потребность высказать свои политические взгляды и убеждения. Так, переводя слово «Despotisme» выражением! «самодержавство», он говорит, что «самодержавство есть наипротивнейшее человеческому существу состояние. Мы не можем дать над собой неограниченной власти, поскольку закон, как извет общей воли, не имеет другого права наказывать преступников опричь права собственной сохранности. Если мы живем под

властью законов, то это не значит, что мы оно должны делать неотменно, мы находим в этом выгоды. Если мы уделяем закону часть наших прав и нашей природной власти, то делаем это для того, чтобы она употребляема была в нашу пользу: о сем мы делаем с обществом Безмолвный договор. Если он нарушен, то и мы освобождаемся от нашей обязанности. Не правосудие государя дает народу, его судии, тоже и более над ним право, какое ему дает закон над преступниками. Государь есть первый гражданин народного общества»

Это примечание является самым ранним проявлением политических идей Радищева, высказанных им в печати. Уже здесь он излагает идеи естественного права «Договорного отношения между государем и народом», смело и определенно выявляя свое отрицательное отношение к самодержавию, как к системе. В этот промежуток времени Радищев вел философскую переписку со своим лейпцигским товарищем, известным масоном Кутузовым, приглашавшем его в тот период в масонское общество мартинистов. Радищев не согласился.

Написанную им историю Российского Сената, он сжег до опубликования. Писал, как говорит он сам — «стихи на нежные предметы», но чистым музам не подвезло. Радищев забросил «любовное вранье» и уничтожил все написанное.

Окружающая обстановка толкала его к журнально-публицистической деятельности, а нужда и необходимость зарабатывать кусок хлеба, гнала его в мир чиновников, которых он ненавидел всеми фибрами своей души.

В 1777 году Радищев был определен на вакантную ассессорскую должность в Коммерц-коллегию, где и проработал около двух лет.

В Коммерц-коллегии он близко сошелся и подружился с Александром Романовичем Воронцовым, председателем Коллегии.

Дружба Радищева с А. Р. Воронцовым носила политический характер. Воронцов все время находился в оппозиции ко двору Екатерины II. Это был известный англоман и либерал, мечтавший об ограничении монархии «фундаментальными законами» и частичном освобождении крестьян (наделение их недвижимой собственностью и законная защита имущественных прав крестьян). Воронцов выражал чаяния той части среднего дворянства, которое было захвачено процессом капиталистического развития, начинало заниматься промышленной деятельностью, втягивалось в товарно-рыночные отношения и постепенно обуржуазивалось. Толкаемое новыми экономическими задачами, оно мечтало о конституционной монархии на манер Англии после «славной революции», когда «король царствует, но не управляет». Из среды этой

части дворянства, как мы уже отмечали, вышли декабристы; ее же интересы до некоторой степени выражал и Радищев в своем выступлении.

Но Воронцов и другие англomаны безусловно не разделяли полностью политических идеалов Радищева в отношении самодержавия и крепостного права. Этой части двор листва совершенно чужд политический радикализм и решительность Радищева. Он сам удачно назвал их «сочувственниками», «мнения коих о многих вещах различествуют с моими». Таким «сочувственником» и был А. Р. Воронцов, принявший горячее участие в дальнейшей судьбе Радищева. Таков был и Кутузов, известный масон и товарищ Радищева по Лейпцигскому университету и другие.

Для всей служебной деятельности Радищева характерна неподкупная честность и добросовестность в исполнении служебных обязанностей. Работая в Коммерц-коллегии, он в течение года занимается внимательным чтением журналов и определений Коллегии. В своем покаянном письме к экзекутору Шешковскому во время судебного следствия, Радищев пишет: «Когда я был определен в Коммерц-коллегию, то за долг почел приобрести знания, до торговой части карающиеся. Возобновил чтение истории коммерции: изучал российское законоположение о торговле».

«Он, — как говорили о нем чиновники, — старался вникнуть в существо дел и постигнуть законы течения оных».

Во время службы Радищева в таможене управляющему Далю было поручено составить тарифный устав. Не обладая ни знанием языков, ни специальным образованием, Даль не мог выполнить этой работы и поручил ее Радищеву. Последний для этой цели на сороковом году жизни выучил английский язык и изучил его настолько хорошо, что мог в подлинниках читать Мильтона и Шекспира. Награды (за составление устава) получил Даль, хотя вся работа досталась на долю Радищева, но «он, — говорит сын Радищева, — был как Аристид, и не искал богатства».

О неподкупности и честности Радищева-чиновника свидетельствует и целый ряд других фактов. Так, сын его Павел в своих воспоминаниях об отце пишет: «Во время пребывания Радищева в Илимском остроге, местные чиновники осаждали квартиру Радищева и все время домогались подарков, говоря: «Ну-ка, починай кубышку». Ибо все эти господа — пишет он — каждого меряя на свой аршин, воображали, что Радищев сослан за взятки, — а он вот какой взяточник — продолжает Павел Радищев, — в бытность его директором. С.-Петербургской таможни попался русский купец с контрабандой. Она состояла из дорогих материй, парчи и т. п. Он является в кабинет Радищева, просит, чтобы пропустили его товар и подает ему большой пакет с ассигнациями. Его велели

вытолкать. На другой или третий день приезжает жена этого купца к г-же Радищевой, бывшей в постели после родов, и по обычаю кладет ей золотой под подушку «на зубок». Поговорив о своем деле, она отправляется, но вскоре заметили, что в углу другой комнаты оставлен большой кулек, набитый дорогими материями, на порядочную сумму. Сейчас сажают человека верхом с кульком, велят догнать купчиху и бросить ей кулек на дрожки. Однакож купец нашел протекцию у кн. Потемкина и выхлопотал, чтобы ему возвратили товар».

Мы уже знаем, что для Радищева «вершиной человеческих деяний является добродетель». «Добродетели, — говорит он, бывают частные или общественные». «Побуждения наши к общественным добродетелям начало свое имеют в человеколюбивой твердости души». «Упражняйся в частных добродетелях, дабы мог удостоиться исполнения общественных».

Случай для проявления «човеколюбивой твердости души» не замедлил представиться. «В начале службы Радищева в Коммерц-коллегии, — пишет Якушкин, — рассматривалось дело пеньковых браковщиков, несправедливо обвинявшихся в упущениях по должности. Президент и вице-президент (Беклемишев), все члены Коллегии признали обвинение справедливым. Только младший член Коллегии — Радищев — не присоединился к общему приговору. Он подал особое мнение, совершенно не согласное с вполне определенным решением президента. Беклемишев долго уговаривал Радищева отказаться от своего мнения, но Радищев стоял на своем и твердо заявил, что он лучше готов подвергнуться гонению и оставить В службу, чем согласится допустить несправедливый приговор. Когда дело было доложено Воронцову, тот сначала рассердился, полагая, что несогласие с общим мнением вызвано какими-нибудь корыстолюбивыми целями, но все-таки внимательно прочел мнение Радищева, а потом захотел лично видеть и выслушать доводы младшего асессора. После разговора с Радищевым президент изменил свой взгляд и браковщики были оправданы.

К немалому удивлению перепуганных чиновников победа осталась за младшим членом Коллегии. Браковщики были оправданы, а президент Коллегии Воронцов обратил внимание на умного, смелого и талантливого члена Коллегии, который, по выражению чиновников, — «прямодушием своим приобрел совершенную его (Воронцова) доверенность и за оказанное упорство награжден чином надворного советника».

Но «общественной добродетели», стонущей в цепях рабства и тирании, от этой частной победы было не легче. Для Радищева это было только частное упражнение для широкого литературного выступления на

борьбу с общественным злом. Необходимость такого выступления он чувствовал, так как очень скоро убедился, что «малые и частные неурядицы в обществе, связи его не разрушат, как дробинка, падая в пространство моря, не может возмутить поверхность воды». Своим литературным выступлением (изданием книги «Путешествие из Петербурга в Москву»), Радищев и хотел всколыхнуть это море социальных несправедливостей и «частных неурядиц». Это выступление он рассматривал, как выполнение «гражданского долга» и «общественной добродетели» перед родиной.

В 1780 году, по рекомендации А. Р. Воронцова, Радищев поступает в петербургскую таможенную, где и работает до самой ссылки в Сибирь, т. е. до 1789 года, сначала помощником управляющего, а затем и управляющим.

Во время службы Радищева в таможене (в 1783 году) умерла первая его жена Анна Васильевна Рубановская, оставив его вдовцом на 32 году жизни с четырьмя маленькими детьми. Старшему сыну Василию было семь лет. Второму Николаю — шесть лет, дочери Екатерине шел третий год, а младшему сыну Павлу второй год.

В эпитафии, предназначенной для памятника жены, он излил свою горечь и тоску по поводу дорогой утраты, при этом он высказал сомнительную надежду на встречу со своей женой после смерти.

О если только то не ложно,
Что мы по смерти будем жить,
Коль будем жить, то чувствовать нам должно,
Коль будем чувствовать, нельзя и не любить.
Надеждой сей себя питая,
И дни в тоске препровождая,
Я смерти жду, как брачна дня:
Умру и горести забуду;
В объятиях твоих я паки счастлив буду,
Но если ж то мечта, что сердцу льстит, маня,
И ненавистный рок отъял тебя навеки —
Тогда ограды нет, да льются слезны реки.
Тронись, любезная, стенаниями друга!
Се предстоит тебе в объятиях твоих чад.
Не можешь коль прейти свирепых смерти врат,
Явись хотя в мечте, утешь тем супруга...

Эпитафию эту не разрешили выбить на памятнике покойной, вследствие выраженного в ней некоего сомнения относительно бессмертия души.

Какие же впечатления выносит Радищев за период десятилетней работы в таможене, как выглядит русская торговля и таможенные нравы в изображении Радищева?

Все письма к графу Воронцову, написанные в этот период, переполнены бесчисленными экономическими сведениями: цены на русское сырье и иностранные товары, вопросы экспорта и импорта переплетаются с описанием плутней русских и иностранных купцов, махинациями таможенных чиновников, философскими моральными рассуждениями.

«Цены на русские товары — говорит Радищев — Доселе худы», «амбары переполнены бочками с медом, сахаром и крупой». «Весь двор был наполнен товарами, выгруженными с иностранных кораблей... После обеда пошел превеликий дождь... купцы — продолжает он — спасая свои прибыли, бегают в слезах... призывают на помощь бога или его клянущих. Но не находят в молитве искупления. Причины такой тесноты — великое количество бочек сахара, выкупить который недостает на бирже денег, чему низкий курс русского рубля является не малой причиною».

Плутни купцов и взятки таможенных чиновников обычное явление. «Между разными покушениями — говорит он — недоплачивать, чтобы не сказать красть пошлину, способ прятать дорогие вещи и малопошлинные или беспошлинные товары — самый распространенный». Купцам удастся таким образом надувать казну тем более легко, что зрение чиновников «прикрыто взятками». Печальнее всего то, что взятки берут не только мелкие чиновники, но и крупные. Разница только в сумме и приемах, а суть одна и та же. «Самые те, — говорит он, — которые от худой молвы ограждают себя чванством и пышностью, с удовольствием видят, когда поверенному их обмануть удастся имея на всякий случай то убежище (совести), что не он то сделал, а его поверенный. И число сих людей гораздо больше, нежели обыкновенно думают»

Важно заметить, что и здесь, в мире таможенных взяточников, Радищев приходит к выводам, что причину «сего зла» надо искать повыше таможенных надсмотрщиков... Все следы ведут к правительственным сферам, к министрам и сенаторам, которые нарушают государственные узаконения. «И не только не всегда поступают по правилам добродетели, но не соблюдают оной и наружности».

Так например: князь Гагарин получает арендную плату за амбары, а

пеньку девать некуда «товар кладут на Голодае, оставляя платежное место впусте... Таким образом к убытку от худой цены на пеньку, — говорит он — прибавляется убыток от ненужного платежа амбарных денег Гагарину».

А вот еще факт, доказывающий, что «закон остается. не в силе». Согласно новому распоряжению, владельцы морских судов содержать таковые бесплатно, в гавани права не имеют, а между тем они это делают.

В Выборге идет спор между городским магистратом и таможенной об исполнении ныне сего узаконения». Опять нити взяток ведут в магистрат. «В обширной Российской империи, — говорит он, — где тысячи обитают кочующего народа, где с удовольствием читают Локка, Деламберта, Монтескье и Рейналя, где жил и погребен Эйлер, понятия об общих положениях не могут быть одинаковы».

Такова природа таможенных чиновников, магистратов и управителей. Но, если — по выражению Радищева — среди чиновников, и «управителей», как исключение найдутся два-три честных человека, то купцы все бег исключения плуты и мошенники.

В самом деле: «Купец, — говорит он — всегда ищет своего прибытка; и из ста тысяч один может быть найдётся, который бы наистрожайше соблюдал законы честности» (Разрядка наша).

Таким образом для практического проявления восторженных идеалов, любви к истине, честности, законности и добродетели (от которых не отказывается идеалист Радищев) не оставалось никакого места в мире торговли, которая и основана (по своей природе) на плутнях и обмане. Радищев не понимает (да и не мог понять) социальной природы торговли, и все время ратует за «честную торговлю».

Работая в Коммерц-коллегии и таможене, он близко мог наблюдать печальную экономическую действительность крепостной России второй половины XVIII века. С одной стороны, необыкновенная роскошь двора, взяточничество и казнокрадство вельмож и министров, находящихся на содержании иностранных купцов, с другой — материальное и духовное порабощение крестьянства. «С одной стороны почти всесилие, с другой — немощь беззащитная». Дворцы вельмож надменно смотрят на «хижины унижения и нищеты» крестьян. Внешняя и внутренняя торговля России того времени на 80 % находилась в руках иностранцев.

Сатирический журнал Новикова «Трутень» так высмеивал характер тогдашней торговли: «На сих днях прибыли в здешний порт корабли (из Руана и Марсея). На них следующие привезены нужные нам товары: шпаги французские разных сортов; табакерки черепаховые, бумажные, сургучные; кружева, блонды, бахромки, манжеты, ленты, чулки, пряжки,

запонки... А из Петербургского порта на те корабли грузить будут разные домашние наши безделицы, как-то: пеньку, железо, нефть, сало, свечи, полотна и хлеб». Такие объявления помещал Новиков в своем журнале. Фактическое состояние дела подтвердило, что в этом не было ничего преувеличенного.

В обмен на драгоценное русское сырье: пшеницу, лен, сало, пушнину и лес. Россия ввозила «аглицкое» сукно, вино, кофе, французские булавки, парики и шпаги. «Товары, — как говорит Радищев, — роскошь питающие, предназначенные для удовлетворения утонченных вкусов придворной аристократии. К тому же «баланс» — говорит он — от этой торговли был не в нашу пользу».

Все это не могло не раздражать Радищева, как человека, исповедующего утопические взгляды «честности и справедливости», с одной стороны, и, как раннего идеолога нарождающейся промышленной буржуазии — с другой.

Уже значительно позже, находясь в Сибири, он писал Воронцову, что «в России множество недостает мануфактур, роскошь питающих, нет ни сахару, ни кофе, ни вина и не умеют еще варить хорошего пива и долго еще будут нам платить сими товарами за наши произведения». В этом же письме он рекомендует применять в отношении торговли покровительственную политику, имеющую целью развитие отечественной промышленности и создание внутреннего национального рынка. «Запрещение иностранных мануфактурных произведений — говорит он, неминуемо родит мануфактуры дома, а без того внутренние рукоделия могут придти в запустение».

Под сложным влиянием такой действительности Радищев все больше и больше убеждался в том, что все это социальное зло является неизбежным результатом существующего самодержавно-крепостнического строя. Для борьбы с ним Радищев и начал готовиться и тем усерднее, чем больше охлаждался его патриотический жар, вынесенный из Лейпцига.

Если, в служебной практике Радищеву, благодаря необыкновенной «твердости человеколюбивой души» и настойчивости удавалось защищать невинных пеньковых браковщиков, то одному из его героев, судье Крестьянкину, даже эта «частная добродетель» не удалась.

Не будучи защищены от зверства жестокосердного помещика «гражданскими законами», доведенные до последней степени терпения издевательствами и тиранией крепостника, крестьяне убили своего барина. Они

руководствовались при этом — говорит Радищев — «естественным правом защиты своего имущества и собственной безопасности». Судья не находил «достаточно убедительных причин к обвинению преступников).. Для него «невинность крестьян была математическая точность». Но оправдать крестьян оказалось совершенно невозможно. Мягкосердие и убеждение в невинности крестьян, побудило судью «обратиться к закону», «дабы в нем найти подпору своей нерешимости». Но вместо «человеколюбия» он нашел в законе «жестокость», «несоразмерность наказания преступлению» извлекла у него «слезы», и он с ужасом убедился, что «закон судит о деяниях, не касаясь причин оные производивших». И даже больше того: за свою попытку оправдать «невинных крестьян», судья навлек на себя гнев начальства и сослуживцев. Они называли его «поощрителем убийства» и подозревали в низком происхождении. Тогда он пришел к такому выводу: «не нашел способов — говорит Крестьянкин — спасти невинных убийц, в сердце моем оправданных, я не хотел быть ни сообщником их казни, ни даже свидетелем оной, подал прошение об отставке и теперь еду оплакивать горькую судьбу крестьянского состояния»⁴⁷.

Итак, Радищев окончательно убедился, что ложкой «мягкосердия и частной добродетели» не возможно вычерпать моря социального зла, его окружавшего. Чем больше он убеждался в той истине, что служить это не только «быть свидетелем, но и участником казни» крестьян, тем энергичнее готовился выступить на борьбу с самодержавием и крепостничеством, как системой. Он хотел окончательно разбить цепи рабства, разрушить троны и алтари и на основах широкой демократии основать народную республику на принципах естественного права «совершенного законодательства», абсолютного разума и вечной справедливости. Таков конечный предел его политических идеалов.

Выполнение его представлялось Радищеву актом общественной добродетели.

Какими же средствами и методами можно было вести борьбу? Социально-экономическая обстановка, группировка классовых сил и общественного сознания

России второй половины XVIII века исключали массовую и сознательную борьбу. Оставался путь литературного выступления с горячим призывом с одной стороны к «сильным мира сего», — царю и помещикам, с другой — к самому «угнетенному человечеству», от которого (в силу целого ряда обстоятельств) Радищев был бесконечно далеко. Ода «Вольность» и «Путешествие» являются ярким выражением литературного

бунта писателя-одиночки, не связанного с массами.

ПЕРО ПУБЛИЦИСТА НА СЛУЖБЕ ГРАЖДАНСКОЙ ДОБРОДЕТЕЛИ

*«Под игом власти сей рожденный,
Нося оковы позлащенный,
Нам вольность первый прорицал».*

Радищев.

В течение восемнадцати лет Радищев скрывал бунтарские порывы и чувства под скромным костюмом чиновника. Не удовлетворенный окружающей его действительностью и практической работой, не находя достойного применения своим богатым духовным силам и возможностям, он все больше и больше уходил в литературно-публицистическую работу. За восемнадцать лет своей службы он пережил четыре должности. В течение всего этого времени он ни на минуту не переставал критически относиться к окружающей действительности и постепенно накапливал взрывчатый материал для книги «Путешествие из Петербурга

в Москву». Уже задолго до издания книги, он сотрудничает в журнале Новикова «Беседующий гражданин» и Крылова «Почта духов», переводит книгу аббата Мабли, ведет философскую переписку со своим лейпцигским товарищем Кутузовым, пишет историю сената^[4], «Житие Федора Васильевича Ушакова» и письмо к другу, жительствовавшему в Тобольске». Во всех этих работах Радищев выступает с резкой и принципиальной критикой темных сторон окружающей жизни и намечает тот круг идей, который с необычайной силой развернет в оде «Вольность» и «Путешествии». «Путешествие из Петербурга в Москву» явилось кульминационным завершением всей предшествующей литературно-публицистической деятельности Радищева. Вместе с тем — это душераздирающий крик человека, доведенного до последней степени отчаяния, и не видящего выхода из своего положения. Здесь Радищев искренне и смело высказал свои политические идеалы, бескорыстную любовь к угнетенным и ненависть к угнетателям. Но прежде чем дать политическую оценку оде «Вольность» и «Путешествию», мы остановимся на характеристике первых самостоятельных произведений Радищева,

выпущенных им в свет до издания «Путешествия».

Первой большой законченной работой Радищева надо считать «Житие Федора Васильевича Ушакова», с содержанием которой мы в основном познакомились в главе «Заграничный период».

Здесь нам стоит только отметить, что даже в этой ранней работе, Радищев вполне определенно развивает свои политические взгляды.

Частные случаи тирании Бокума над студентами он заключает таким общим рассуждением: «Человек, — говорит он, — много может сносить неприятностей, удручений и оскорблений. Доказательством сему служат все единоначальства: глад, жажда, скорбь, темницы, узы и самая смерть — мало его трогают. Не доводи его токмо до крайности. Но сего те притеснители частные и общие, по счастью человечества, не разумеют».

Радищев благословляет это неведение, так как «чем хуже, тем лучше». «Из мучительства, — говорит он, — рождается вольность».

«Не ведают мучители, и даждь господи в неведении своем пребудут ослеплены навсегда».

Он симпатизирует политическому устройству Англии после «славной революции». Англичан он называет «гордыми островитянами, кои некогда прельщенные наихитрейшим из властителей (Кромвелем), царю своему жизнь отъяти покусился судебным порядком; и для благосостояния общественного изгнали своего наследного царя, избрав на управление постороннего; кои при наивеличайшей развратности нравов, возмеря вся на весах корысти, и ныне нередко за величайшую честь себе вменяют противоборствовать державнейшей власти».

Солидаризируясь с Гельвецием в оценке деспотизма, Радищев следующим образом характеризует деятельность царей, которым потомство «в ласкательстве своем приписывает при их жизни титул «великих» (Юлий Цезарь, Людовик XIV и др.).

«Не боятся правители народов прослыть грабителями, налагая на сограждан своих отяготительные подати, — прослыть убийцами своих собратий и разбойниками в отношении тех, которых неприятелями именуют, вчиняя войну и предавая смерти тысячи воинов». В этой работе он подвергает критике «отечественную бюрократию» и затрагивает философские вопросы: словом, работа эта написана по мотивам политическим.

Следующей работой Радищева была: небольшая брошюра «Письмо к другу, жительствующему в Тобольске по долгу звания своего». Брошюра эта была написана Радищевым еще в 1782 году и появилась в печати через семь лет (в 1789 г.).

В своем замечании на это «Письмо» Екатерина II пишет: «Сие произведение такожде господина Радищева^[5] и видно из подчеркиваемых мест, что давно мысль его готовилась ко взятому пути, а французская революция^[6]** его решила себя определить в России первым подвизателем».

В этой работе, в противоположность апологетам самодержавия (Державин, Карамзин и др.), всячески превозносящим военные подвиги и внутренние реформы Петра, Радищев обращает внимание на темные стороны этой деятельности ^[7].

«Стоявшие в строю полки — пишет он — ударили поход, отдавая честь с, преклоненными знаменами, шли мимо подавшего им первый пример слепого повиновения воинской подчиненности, показывая учредителю (Петру I) плоды его трудов».

Военные реформы Петра, о которых так много писали придворные историографы, под пером Радищева звучат ядовитой иронией.

Радищев признает все-таки, что имя «великий», не в пример другим царям, Петр носит заслуженно, так как своими реформами он «первый дал стремление столь обширной громаде, которая (до этого) яко первенственное вещество была в бездействии», но тем не менее «Петр не отличался различными учреждениями, к народной пользе относящимися». Кроме того, победитель Карла XII истребил последние признаки вольности «своего отечества». Конечный вывод такой: «мог бы Петр славнее быть, возносяся сам и вознося отечество, утверждая вольность частную», (т. е. освобождая крестьян.—М. Ж.), но, — продолжает Радищев, — если имеем примеры, что цари оставляли сан свой, дабы жить в покое, то происходило это не от великодушия, а от сытости своего сана, но нет и до окончания мира примера может быть не будет, чтобы царь упустил... добровольно что-либо из своей власти, сидя на престоле».

Слова, относящиеся к характеристике «великодушия» царей, которые никогда не уступали и не уступят добровольно власти, для нас особенно ценны, т. к. вывод о необходимости насильственного свержения власти (ода «Вольность») с логической неизбежностью вытекает из этой теоретической предпосылки Радищева.

Таким образом уже задолго до издания оды «Вольность» и «Путешествия» политическое мировоззрение Радищева формировалось в определенном направлении. Французская революция 1789 года, как правильно заметила Екатерина II, послужила толчком, заставившим Радищева поднять «литературный бунт» в Петербурге изданием оды

«Вольность» и «Путешествия из Петербурга в Москву».

Аббат Рейналь

«Путешествие» Радищев начал писать в тот самый год, когда за добросовестную службу он из рук самой императрицы получил орден св. Владимира [\[8\]](#), а выпустил его в свет в 1789 году — в год Великой французской революции.

Субъективно Радищев считает, что поводом к написанию «Путешествия» явилось чтение им книги Рейналя «История об Индиях»,

которую он приобрел во время службы в таможне в «числе других книг до торгу касающихся». «Сию то книгу — говорит он в письме к Шешковскому — могу я почитать началом нынешнему бедственному моему состоянию. Я начал ее читать в 1780 или 1781 году. Слог его мне понравился. Я высокопарный его штиль почитал красноречием... я захотел подражать его слогу...» С этого времени он начал работать над «Путешествием». Смерть жены (1783) «погрузила — говорит Радищев — меня в печаль и уныние и на время отвлекла разум мой от всякого упражнения». Но в 1785 году он продолжил работу и начал писать «Повесть о проданных с публичного торгу». «В следующий год (1786), читая Гердера, я начал писать о цензуре». Вся книга была готова в «исходе 1788 года, в цензуре была в 1789 году, а начата печатью в начале января 1790 году».

Когда книга была готова, Радищев хотел издать ее в университетской типографии Новикова. Рукопись «Путешествия» попала на просмотр реакционному: ссору Брянцеву, который вымарал половину текста. Из нее были изгнаны самые сильные и острые политические места. Издавать книгу обезвреженной не было смысла; необходимо было сохранить политическую остроту произведения. Воспользовавшись правом иметь домашнюю типографию^[9], Радищев приобрел печатный станок и при помощи крепостной прислуги и чиновников из таможни, отпечатал ее в количестве 650 экземпляров.

Павел Александрович Радищев, в своих воспоминаниях об отце, так передает эпизод с напечатанием «Путешествия». «Радищев — говорит он — напечатал свою книгу в своем доме, в собственной типографии, и хотя цензура (Андрей Брянцев), вымарала множество страниц, более половины книги, он ее напечатал вполне и в таком виде по порядку подал обер-полицеймейстеру Рылееву. Этот, по совершенному своему невежеству, допустил ее к продаже».

Насколько сильно было желание у Радищева сохранить содержание книги в целости, видно из следующего. После того как обер-полицеймейстер Н. И. Рылеев, не читая рукописи, наложил резолюцию: «печатать дозволяется с разрешения управы благочиния», он включил в некоторые главы самые сильные политические места.

На допросе у Шешковского сам Радищев показал, что «напечатаны без цензуры... суть следующие места от стр. 42 до 48-й... от стр. 86 до 98-й. От стр. 105 до 112... все прибавлено, если не ошибаюсь, от 148 до 153 также все прибавлено. В повествованиях о цензуре, знаю, что прибавлено о новейших в ней положениях, но точно — что — не упомяну.

Переменен конец стр. 418, а стр. 419 почти вся. Таким образом было прибавлено 33 новых страницы, не считая поправок и «малых речений».

В начале 1790 года книга поступила в продажу сравнительно в небольшом количестве экземпляров. На предварительном следствии Радищев показал, что «отдал в продажу купцу Зотову 20 экземпляров, потом еще пять... один экземпляр подарил г-ну Козодавлеву, ему же один для г-на Державина, прапорщику Дарагину — один; ротмистру Олсуфьеву — один; иностранцу Вицману — один». Один экземпляр Радищев отослал в Берлин своему товарищу Кутузову. Остальные экземпляры книги и все «принадлежащие к ней макулатуры, черные листы и поправки» были Радищевым сожжены, после того, как Зотов был взят под стражу.

Экземпляры, отданные в продажу купцу Зотову, быстро разошлись. «Купец Зотов, — говорит Радищев, видя, что книга скоро продается, стал у меня еще просить, но я отговаривался, ибо я слышал в городе, что она худо принимается».

Потребность на книгу была чрезвычайно большая. В своих указаниях Зотов несколько раз упоминает, что «сию книгу многие стали спрашивать».

Аббат Мабли 1709–1785 гг.

Граф А. Р. Воронцов 1745–1805 гг.

Петр Богданович, узнав о выходе книги, послал своего человека к Зотову, но у него уже не было «Путешествия». Тогда он посылал человека в дом Радищева, но и там «ее не получил».

Аруа Массон в своих воспоминаниях о России пишет, что «петербургские купцы платили по 25 рублей, чтобы иметь книгу Радищева на час и тайком прочитывать».

В начале мая месяца 1790 года книга поступила в продажу: в июне Зотов был взят под стражу, 30 июня пополудню «коллежский советник и кавалер ордена святого Владимира» — Радищев был арестован и доставлен

обер-коменданту города Петербурга А. Г. Чернышеву.

Из того, что Радищев не выставил своего имени и фамилии на «Путешествии» и просил Зотова «не сказывать у кого он взял сию книгу» — видно, что он чувствовал всю опасность, связанную с выпуском «явно бунтовской книги». Сын Радищева Павел сообщает, что «отец упал в обморок, когда узнал, что его везут в крепость в распоряжение Шешковского».

Закованный в кандалы Радищев был посажен в крепость. Началась комедия судебного следствия, прошедшая четыре стадии и длившаяся два с половиной месяца.

Эти два с половиной месяца являются самой мрачной страницей жизни Радищева. Но прежде чем разобрать судебный процесс, остановимся коротко на содержании «Путешествия» и оды «Вольность».

Ода «Вольность» была написана Радищевым раньше, чем «Путешествие», но отдельно не издавалась, а с небольшими сокращениями была включена им в одну из глав Путешествия («Тверь»), «по случаю будто бы стихотворчества», говорит Екатерина своих пометках.

«По силе пафоса, по страстности вложенного в оду темперамента, по резкости ударов, направленных сразу против политического и церковного гнета, — ода «Вольность» является в полном смысле слова революционной, и представляет собой самое раннее проявление этого рода литературы в России».

Написанная под непосредственным влиянием французской революции 1789 года и более отдаленных исторических событий (английской революции 1648— 64 годов и американского освободительного движения 1776 года), «она — говорит Семенников — ясно отражает на себе страстное проявление того «духа вольности», который веял в Европе в последнюю четверть века» и озаменовался, скажем мы от себя, Великой Революцией — во Франции, эпохой «бури и натиска» в Германии, «литературным бунтом» Радищева в России.

В оде «Вольность» политический радикализм писателя проявился с особенной силой. Это кульминационный пункт в развитии политического самосознания Радищева, после которого оно уже не поднималось на такую высоту. По характеристике Екатерины эта ода «совершенно явно бунтовского и криминального намерения», «в ней Кромвелев пример приведен с похвалою и царям грозит плахю» и неудивительно, что в течение более чем столетия Радищевская ода казалась опасной для власти. Даже в начале царствования последнего Николая она могла быть

напечатана только с большими цензурными сокращениями.

Ода «Вольность» необычайно содержательна и социально целеустремлена. В ней Радищев смело излагает систему теоретических взглядов и практических требований.

Для борьбы с царем он рекомендовал революционный метод Кромвеля. Будущее общественное устройство рисовалось ему в виде союза свободных федеративных республик на началах широкой демократии.

В противоположность официальному мнению Екатерины, выраженному в наказе, о том, что большое пространство Российской империи предполагает самодержавное правление, и что всякое другое «было б вредно и разорительно для России», Радищев считает, что

«... чем далее источник власти —
Слабее членов тем союз,
Между собой все чужды части
Всех тяжесть ощущает уз...

Новое государственное устройство появляется в результате разгрома централизованной полицейско-бюрократической монархии:

В тебе, когда союз прервется,
Стончат мнений крепка власть,
Когда закона твердь шатнется
Блюсти всяк будет свою часть...
.....
Из недр развалины огромной,
Среди огней, кровавых рек,
Средь глада, зверства, язвы томной
Что лютый дух властей возжог,
Возникнут малые светила;
Незыблемы свои кормила.

Украсят дружества венцом,
На пользу всех ладью направят,
И волка хищного задавят,
Что чтит слепец своим отцом.

«Естественный устав», разумные договорные отношения между народом и правителями должны были заступить место неограниченного монарха и утвердить вечную истину, вольность и добродетель на земле.

Важно заметить, что в будущем государственном устройстве отдельные республики объединены в общий союз, сила которого должна быть направлена для борьбы с «хищным волком» самодержавия. Значит, не мирное перерождение и механический развал самодержавия, а жестокая, кровавая и беспощадная борьба с ним за торжество новых общественных идеалов.

Но по мнению Радищева для успешного осуществления этой революционной программы борьбы

Не пришла еще година
Не совершились судьбы;
Вдали, вдали еще кончина,
Когда иссякнут все беды.
Встрещат заклепы темной ночи;
Упруга власть, собрав все мочи,
Вкатясь, где потщится пасть,
Да грузным махом все раздавит,
И стражу к славеси приставит.
Да будет горшая напасть.

В оде «Вольность» в поэтических образах ясно и убедительно Радищев показывает все злые последствия рабства, которые суть: «беспечность, ленность, коварство, голод и нищета».

Покоя рабского под сенью
Плодов златых не возрастет;
Где все претит ума стремленью,
Великость там не прозябнет,
Там нивы запустеют тучны,
Коса и серп там несподручны,
В сохе уснет ленивый вол,
Блестящий меч померкнет славы,
Минервин храм стал обветшалый
Коварства сеть простерлась в дол.

В противоположность крепостническому, он изображает экономическое и моральное состояние граждан при свободном труде, создающем: богатство, мужество, независимость и всестороннее развитие личности, но...

Дух свободы, разоряя
Вознесшийся неволи гнет,
В градах и селах пролетая,
К величию он всех зовет,
Живит, родит и созидает,
Препоны на пути не знает,
Вождаем мужеством в стезях;
Нетрепетно в нем разум мыслит,
И слово собственностью числит,
Невежество развеяв в прах.

«Велик, велик ты, дух свободы!» — восклицает он — зиждителен, как сам есть бог».

Здесь резко противопоставлены две экономические системы: феодально-крепостнической и буржуазно-капиталистическая. Все симпатии Радищева на стороне последней и вся острота оды направлена на дискредитацию первой.

В своей оценке крестьянства Радищев первый в XVIII веке приходит к ясному сознанию того, что оно (крестьянство) является той революционной силой, руками которой должно быть свергнуто самодержавие. Он верит в творческие силы крестьянства и считает, что оно является единственным создателем всех ценностей на земле.

Вот как оценивает свою роль на земле восставший народ перед тем, как казнить тирана.

Покрыл я море кораблями,
Устроил пристани в брегах,
Дабы сокровища торгами
Текли с избытком в городах,
Златая жатва чтоб бесследна
Была оратаю полезна.

.....
Своих кровей я без пощады —

Гремящую воздвигнул рать;
Я медны изваял громады [\[10\]](#),
Злодеев внешних чтоб карать,
.....
Земные недра раздираю,
Металл блестящий извлекаю
На украшение твое.

Устами Радищева здесь крестьянство поднято на такую политическую высоту, когда оно более или менее ясно разбирается в целях борьбы. Вот почему через голову консервативной и реакционной русской буржуазии в своей оде он обращается с пламенным призывом царевубийства и народной революции к крестьянству, хотя боится и старается избежать пугачевщины.

Духовенство и все религиозно-культовые обряды находят самую резкую оценку на страницах оды.

И се чудовище ужасно,
Как гидра сто имея глав,
Умильно и в слезах всечасно
Но полны челюсти отрав...
.....
Призраки, тьму повсюду сеет
Обманывать и льстить умеет,
И слепо верить всем велит.

подкрепляют друг друга».

Закон се божий, царь вещает;
Обман святой — мудрец взывает,
Народ давить что изобрел.

«Нет власти, еще не от бога» — говорят попы с амвонов, между тем,
— говорит Радищев —

Власть царска веру сохраняет,
Власть царску вера утверждает,
Союзно общество гнетут.
Один сковать рассудок тщится,
Другая волю стереть стремится
На пользу общую рекут.

Среди бесчисленных од придворных поэтов (Ломоносов, Державин и др.), лесь и пресмыкательство которых спорили с пустой и надутой бессодержательностью, ода Радищева является первой, где вместо восхваления сомнительных «подвигов и добродетелей монархов» бросается открытый призыв к цареубийству.

Трудно измерить революционно-организующую роль этой оды. Можно без преувеличения сказать, что при благоприятной революционной обстановке, при идеологической подготовленности масс, она явилась бы тараном, вся тяжесть которого была бы направлена против существующего строя. Но, по выражению самого Радищева, для этого «не пришла еще година, не совершились судьбы».

Вот почему ей не суждено было, подобно политическим памфлетам ^[11] Лильберна и Дефо, сыграть роль духовного оружия в борьбе с феодализмом. Пламенный призыв к восстанию прозвучал в пустоте, среди свинцовой спячки общественного сознания, не встретив активной поддержки в окружающей среде. Вот почему он постепенно перешел в трагический, душераздирающий крик одиночки-Радищева, закованного в кандалы.

Когда скромный чиновник Петербургской таможни писал первые главы «Путешествия из Петербурга в Москву», Екатерина II предприняла

грандиозное по своим размерам и невиданное в истории по роскоши путешествие в Тавриду.

Одержав ряд блестящих побед над турками, подавив внутреннего врага — «разбойника Пугачева», абсолютная монархия в лице «почетной казанской помещицы»^[12] справляла праздник победы, все издержки которого легли тяжелым бременем на плечи крепостного крестьянства.

Нет никакой возможности хотя бы приблизительно определить цифры расходов, связанных с подготовкой этого путешествия. Специальные ассигнования сената достигали колоссальной суммы — 4 миллионов рублей, что составляло по тогдашнему курсу 700 000 фунтов стерлингов; к этому надо прибавить стоимость 76000 лошадей, оторванных на продолжительное время от весенних полевых работ для перевозки громадной свиты императрицы; починку дорог, постройку дворцов, заготовку продуктов и зданий для ночлега и отдыха по всему пути следования императрицы, от Петербурга до Крыма.

В Киеве с необычайной поспешностью строилась роскошно обставленная флотилия, а «дабы не сделалось остановки в плавании», по Днепру были взорваны скалы и на все время плавания императрицы прекратилось сообщение между жителями правого и левого берега. Везде сооружались триумфальные ворота, арки и галлерей, а во многих пунктах строились новые дворцы, закладывались общественные здания и соборы. Тогда было заложено основание города Екатеринослава, а Потемкин строил на берегу Днепра свои знаменитые декоративные деревни, вошедшие в историю, как непревзойденный образец обмана и цинизма.

Для достижения главной цели путешествия (пустить пыль в глаза иностранным представителям) администрация не щадила ни казенных, ни частных средств. По распоряжению генерал-губернаторов и наместников крестьяне деревень и обыватели городов производили побелку домов, устилали улицы сосновыми ветками и травой и должны были ожидать карету императрицы «в лучшей одежде, а особенно девки в уборе на головах и с цветами в руках... чтобы отнюдь никого в разодранной одежде не было, а паче пьяных, нищих и «калек»... дома должны быть украшены зеленью и цветами, а «в окнах на улице должны быть вывешены какие у кого найдутся портища — суконные, стамедные, ковры и полотна...».

Когда принц де Линь от имени императрицы бросал золото окружавшей карету толпе, миллионы тружеников не имели куска хлеба и крестьяне Кайгородокского уезда в своей жалобе на администрацию писали Екатерине: «недоимки накопилось осьмнадцать тысяч девятьсот пять рублей... и «за взыскание оной продают у них последних коров и

лошадей...» что «пропитание многие имеют с нуждой, хлеб едим пополам с колосом и толченою соломою, а многие едят куколь, пихтовую кору и прочее былие».

Сегюр в своих воспоминаниях пишет: «26 апреля императрица пустилась в путь по Днепру на галере, в сопровождении великолепнейшей флотилии, состоящей из 80 судов и 3 000 человек матросов и солдат. На каждой из галер была своя музыка, каждый из нас имел комнату и еще нарядный роскошный кабинет с покойными диванами и письменным столом красного дерева. Множество лодок и шлюпок носилось впереди и вокруг эскадры, которая, казалось, создана была волшебством... Города, деревни, усадьбы, а иногда и простые хижины так были изукрашены цветами, расписаны декорациями и триумфальными воротами, что вид их обманывал взор и они представлялись какими-то дивными городами, волшебными созданными замками, великолепными садами».

Толпы народа, одетого в праздничные платья, песенники в шлюпках и по берегам реки, пушечная паль-ба и фейерверки, искусственно созданные деревни, рынки, переполненные товарами, дома, украшенные гирляндами и цветами, большие стада, сгоняемые во время проезда императрицы — все это должно было свидетельствовать о богатствах страны, о довольстве ее жителей и опровергать утверждения иностранных писателей о том, что в России лишь одни пустыни и что крестьяне голодают.

Императрица и администрация всеми мерами старались убедить себя и иностранцев в том, что благосостояние и зажиточность, чистота и порядок, благочиние и приличие были правилом по всему государству.

И вот, среди всего этого казенного благополучия и декоративно-рекламного богатства, как гром среди ясного неба, выходит в свет книга таможенного чиновника, в которой с неумолимой последовательностью и беспощадной смелостью подвергается критике весь социально-экономический строй того времени сверху донизу: самодержавие и крепостничество, нравственность и религия, мораль и воспитание, полицейщина и военщина, злоупотребление властью, взяточничество и казнокрадство, взаимоотношения между родителями и детьми, цензура и духовенство, рекрутские наборы, подати, налоги и сборы, торговля и промышленность, прошлое, старые привычки, моды, нормы и традиции— все было призвано на суд разума и общественной добродетели.

«Я взглянул окрест меня, душа моя страданиями человечества уязвлена стала. Такими словами начинается «Путешествие».

Проехав от Петербуга до Москвы, он, вместо блаженства, довольства и благополучия, нашел: голод, нищету, разорение и дикий произвол

помещиков над крестьянами.

«Я зрел себя в пространной долине, потерявшей от солнечного зноя всю приятность и пестроту зелени... Не было тут источника на прохлаждения, не было древесной тени на умерение зноя... один оставлен среди природы пустынный вострепетал!»!

«Блаженно государство, говорят, если в нем царствует тишина и устройство... Когда нивы его не пустуют и в городах высются гордые здания, когда далеко простирается власть оружия его и проч». «Но все сие блаженство, — говорит он, — можно назвать внешним, мгновенным, переходящим, частным и мысленным». Потому что «устройство на счет свободы столь же противно нашему блаженству, как и самые узы... Сто невольников, пригвожденных к скамьям корабля, веслами двигаемого в пути своем, живут в тишине и устройстве, но загляни в их сердце и душу... Конец страдания их есть начало блаженства...».

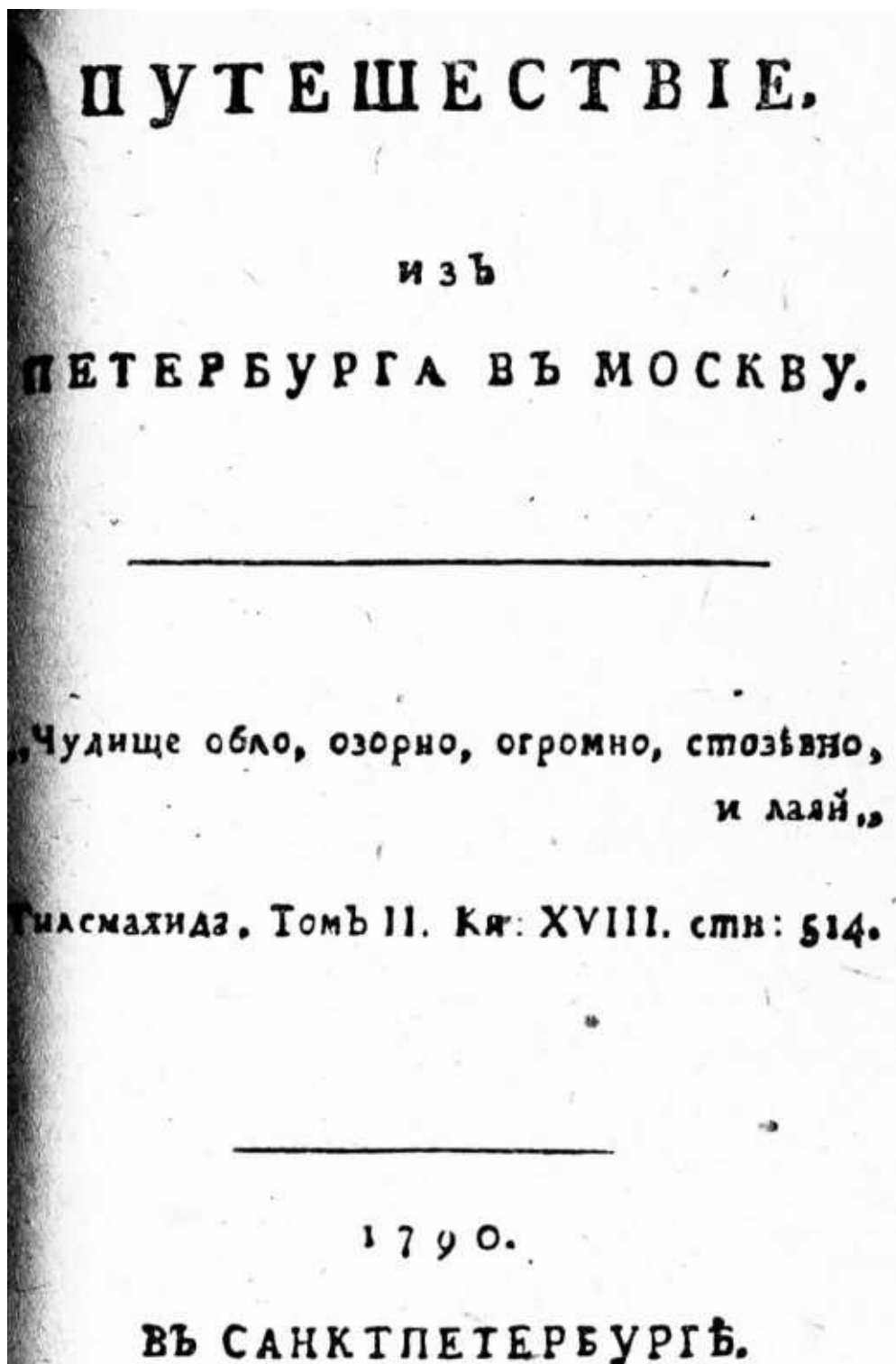
«Европейцы, опустошив Америку, утучнив нивы ее кровью природных жителей, положили конец убийствам новою корыстию». Там везде видно изобилие и богатство, нивы не пустуют, сочные луга усеяны скотом, словом, «везде видна строящая рука делателя, везде кажется вид благосостояния и высший знак устройства. Но кто же — спрашивает Радищев — столь мощною рукою нудит скупую ленивую природу давать плоды свои в толиком изобилии?» Рабы, — отвечает он.

«Жертвы знойных берегов Нигера и Синегала... ^[13] вздирают обильные нивы Америки, и мы эту страну опустошения назовем блаженною?».

«Огромность зданий, бесполезных обществу, пространные конюшни, зверинцы, дворцы, чертоги и ненужные памятники — суть явные доказательства его порабощения». «В самой славе завоеваний, — говорит он, — мы приобретаем «звук, пустое гремящее и надутливое», с одной стороны, и «истощение» с другой. «Может ли — спрашивает Радищев, — государство, где две трети граждан лишены гражданского звания и частью в законе мертвы, назваться блаженными? Можно ли назвать блаженным гражданское положение крестьянина в России? Ненасытец кровей один скажет, что он блажен, ибо не имеет понятия о лучшем состоянии». И Радищев начинает безжалостно срывать маски с лица самодержавной России, показывая жуткие картины порабощения крестьян помещиками и чиновниками.

В главе «Зайцеве» показан «корыстолюбивый и надменный помещик», который завел в своей вотчине «нравы древнего Лакедомона и Запорожской Сечи». «Он отнял у крестьян всю землю, скотину всю у них купил по цене, какую сам определил, заставил работать всю неделю на себя, а дабы они не

умирали с голоду, то кормил их на господском дворе — и то по одному разу в день, а иным давал из милости, месячину. Если который казался ему ленив, то сек розгам», плетью, батожем, или кошками... Сверх этого надевал на ноги колодки, кандалы, а на шею рогатку... сыновья помещика ходили по деревне или в поле играть и бесчинничать с девками и бабами, и никакая не избегала их насилия».

Титульный лист издания, уничтоженного правительством.

В главе «Вышний Волочек» показан другой тип «жадного и корыстолюбивого помещика», который для улучшения земледелия «уподобил своих крестьян орудиям, ни воли, ни побуждения не имеющим».

«И суть люди, — говорит Радищев, — которые взирают на утучненные нивы сего палача, ставят его в пример усовершенствования «в земледелии»

В главе «Пешки» Радищев попадает в крестьянскую избу. «Четыре стены и потолок, покрытые сажей, пол в щелях и на вершок поросший сажеею; печь без трубы... окна, затянутые пузырем, сквозь который тускло пробивается дневной свет... посконная рубаха, обувь, данная природою, онучи с лаптями для выхода. — Вот в чем почитается, по справедливости источник государственного избытка, силы, могущества».

Где же кроется причина столь несправедливого состояния?

«Тут видна, — говорит он, — алчность дворянства, грабеж, мучительство наше и беззащитное нищеты состояние. — Звери алчные, пиявицы ненасытные, что мы крестьянину оставляем? — то, чего отнять не можем — воздух. Отъемлем нередко у него не только дар земли, хлеб и воду, но самый свет. — Закон запрещает отнять от него жизнь. Но разве мгновенно. Сколько способов отнять у него постепенно! С одной стороны, почти всеисие; с другой — немощь беззащитная... Жестокосердный помещик, посмотри на детей крестьян, тебе подвластных. Они почти наги. Отчего? Не ты ли родивших их в болезни и горести обложил сверх всех полевых работ оброками? Не ты ли несотканное еще полотно определяешь себе в пользу?»

Крепостное состояние, рисуется Радищеву как «чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лаяй». Кошмаром преследует оно его везде и всюду, не давая ему покою ни днем, ни ночью. Куда бы он ни поехал, где бы он ни был, о чем бы он ни рассуждал и на что бы ни упал его утомленный взор — всюду он видит ужасы крепостного права и его «злые последствия». Здесь продают с торгоу шесть душ крепостных, там закованных в цепи отдают в рекруты. Везде и всюду произвол, насилие, беззаконие и вопиющая несправедливость.

Вот перед нами «царев наместник». Под предлогом казенного поручения он посылает курьера из Москвы в Петербург для покупки «устерсов»; выписывает командировочные... «Казначейская книга пошла на ревизию, а устерсами не пахнет» — замечает иронически Радищев.

Проезд его превосходительства через деревню нагоняет непередаваемый ужас на крестьян... Впереди бежит «гвардейский полкан... он схватил старосту за бороду и начал его бить по плечам плетью нещадно». Ему нужно 50 лошадей. Через полчаса, окруженный стражей, поднимая облако пыли, приезжает сам генерал-губернатор. «Коляска остановилась и его превосходительство предстал нам от пыли серовиден, отродию черных подобен... Дон-Кишот, конечно, увидел бы здесь нечто

чудесное». Но для Радищева это была просто ветряная мельница, увешанная лентами и орденами.

Но верхом, венчающим эти бесчисленные безобразия, является барон Дурындин, показанный Радищевым в главе «Зайцево».

На пятидесятом году жизни он связался узами брака с проституткой такого же возраста. Невеста барона Дурындина в молодости торговала собственным телом, а когда «не стала находить покупателей на свои обветшалые прелести, начала торговать чужим».

Теперь она ушла из общества своден и начала отдавать в рост деньги «своим и чужим бесстыдством нажитые». Этот частный случай Радищев заканчивает таким общим выводом: «Не дивись, мой друг! На свете все колесом вертится, сегодня умное, завтра глупое в моде. Надеюсь, что и ты много увидишь Дурындиных. Если не женитьбою всегда они отличаются, то еще чем-либо. А без Дурындиных свет, не простоял бы трех дней».

Комментарии излишни: абсолютная монархия Екатерины II не «простояла бы трех дней», не будь этих бесчисленных Дурындиных, разбросанных по военным и гражданским ведомствам, департаментам, наместничествам и воеводствам. Произвол Дурындиных является неизбежным результатом существующей политической системы. «Знатность без истинного достоинства, говорит Радищев, подобна колдунам в наших деревнях. Все крестьяне их почитают и боятся, думая, что они сверхестественные повелители. Над ними сии обманщики властвуют по своей воле. А коль скоро в толпу их боготворящую завернется мало кто грубейшего невежеству отчуждающийся, то обман их обнаруживается, и таковых дальновидцев они не терпят в том месте, где они «творят чудеса». Равно берегись и тот, кто посмеет обнаружить колдовство вельмож».

На сам Радищев, не побоялся «обнаружить колдовство вельмож», хотя и поплатился дорого за эту попытку.

Возмущение и ненависть Радищева против, дворянства буквально не имеет границ. Он развенчивает «славу», «гордость» и «честь», ядовито высмеивает привычки, бытовые и культурные традиции дворянства, называет их «коронованными рабами, которые жадной толпой пресмыкаются у трона» и «срамоту души своей прикрывают позлащенными одеждами». Свою ненависть он распространяет не только на живых, но и на мертвых, старающихся «великолепными гробницами» увековечить в глазах потомства сомнительные подвиги и «славу».

В противоположность кн. Щербатову, всячески превозносившему «мужество», «гордость» и «благородство души» родовитого дворянства,

Радищев говорит, что «родовитое дворянство ослабело личными качествами в подвигах своих... и на месте мужества водворилась надменность, самолюбие и трусость, на месте благородства души и щедроты посеялись раболепие, самонедоверие и истинное скряжничество на великое».

Какие же практические выводы следуют из этого?

Люди, полезные отечеству трудом своим и отличившиеся истинными заслугами перед народом, должны получить награду и славу, а не коронованные тунеядцы. Дворянская порода, и знатная фамилия должны уступить место чину и личным выслугам.

Деревня Пешки, около Клина XVIII век

«Пройдем степени придворных чинов и с улыбкой сожаления отვратим взоры наши от кичащихся служением своим, но возрыдаем, — говорит Радищев, видя их предпочитаемых истинной заслуге. Дворецкий мой, конюх и кучер, повар, стряпчий... тот, кто меня бреет, кормит, обувает, тот, кто пыль и грязь оттирает с обуви моей, о многих других не упомяну», все эти труженики, по мнению Радищева, и являются основой государства, истинными Сынами отечества, «они служат отечеству силами своими душевными и телесными».

«Истинные заслуги и достоинства, рачения о пользе общей да получат награду в трудах своих и едины да отличаются».

Под толчки кибитки, везущей его из Петербурга в Москву, Радищев уснул «крепко и надолго» и грезится ему, что он «царь, шах, хан, король, бей, набаб, султан», словом «нечто сидящее во власти на престоле». Вокруг царского престола, сделанного из чистого золота и окруженного символами

власти и величия, с «робким подобострастием» стояли чины государственные, а в некотором отдалении представители нации и толпа простых смертных. Царившее молчание кругом, рабско-покорное выражение лиц, окружающих престол, свидетельствовали о власти над всеми. Все ожидали какого-то необычайного происшествия. Между тем, царя одолевала тяжелая скука. «Обращенный сам в себя и чувствуя глубоко вкоренившуюся скуку в душе от насыщающего скоро единообразия происходящую, царь долг отдал естеству и, разинув рот до ушей, зевнул во всю мочь». После этого «события» толпа оживилась, некоторые горько плакали, другие еле сдерживали улыбку радости — все были охвачены каким-то непонятным смятением. Смотря безразличным и равнодушным взглядом на поведение толпы, царь не мало был удивлен этой беспричинной радости и смятению, которое вызвало лишь тупую улыбку на его лице; после этого он «очхнул весьма громко». Этого было достаточно, чтобы народ в один голос начал кричать; «да здравствует наш великий государь, да здравствует на веки».

Затем под гул одобрений и рукоплесканий толпы царь начал отдавать приказы своим министрам, касающиеся внешней и внутренней политики государства. Эти распоряжения были проникнуты «разумом», «добродетелью» и «милосердием».

В этот день «лести и веселья» щедрая рука царя раздала не мало подарков и наград за труды и подвиги достойные. «Особенно большие подарки, — говорит Радищев, — получили те из министров, которые противоречили делам царя, а улыбкой и словами предупреждали его желания». Все радовались и восхищались мудростью монарха, только одна «истина хижин» в образе женщины не разделяла этого веселья. Она стояла в стороне от всех. Ее строгое и суровое лицо выражало ненависть и презрение ко всему происходящему. Вместо смеха она выпускала глухие вздохи скорби и сожаления. То была странница «именующая себя Прямовзоровой и глазным врачом, обязанность которой говорить всем горькую правду, не исключая коронованных особ».

Утомленный работой, опьяненный славой и собственным величием, в окружении придворной свиты, царь направился обедать. В это время к нему подходит Прямовзорова и говорит следующее: «Постой царь, и подойди ко мне — я врач, присланный к тебе и тебе подобным — да очищу зрение твое». Посмотрев в глаза царю, она в ужасе воскликнула: «какие бельма!.. на обоих глазах бельма!.. А ты столь решительно судил обо всем», сказав это, она сняла с глаз царя толстую плену.

«Ты видишь, — оказала она царю, — что ты был слеп и слеп совершенно. Я есть истина, открывающая глаза царям. Мое постоянное жительство в хижинах смертных. Я не могу жить в чертогах царских, так как стража, обсевшая их кругом, стоглазно следит за мной и воспрещает мой вход в оные. Уходя я хочу заметить тебе следующее, — продолжала Прямовзорова: «если из среды народной чуждый всякой мзды и надежды поведает тебе мое имя (т. е. истину. М. Ж.) и будет порицать дела твои, помни, что это есть твой искренний друг. Не вздумай его казнить яко общего возмутителя⁷⁵. Ну, а теперь глазами, очищенными от бельм, посмотри, что делается вокруг и как исполняются твои законы, и благодетели, которые ты так щедро даешь народу».

Картина, представшая взорам прозревшего царя, была весьма печальна: «Одежды его столь блестящи, были замараны кровью и омочены слезами. На перстах виднелись остатки мозга человеческого; вокруг царя стояли «скареды», вся внутренность которых сгорала черным огнем жадности и ненасытности. Во взорах их виднелась «хищность, коварство, зависть, ненависть». Военноначальник, посланный царем на завоевание, утопал в роскоши и веселии. «Воины почитались хуже скота, никто не радел о их здравии и прокормлении; большая часть умирала их от небрежения начальников или от ненужной строгости». «Корабли, назначенные в дальнее плавание, видел я при устье пристанища; отпущение казни и прощение преступников, чем царь особенно гордился, — едва были заметны в обширности гражданских деяний». «Законы царя направлялись в другую сторону, неправильно толковались, нарушались и медленно исполнялись. Милосердие мое сделалось торговлею и тому, кто больше давал (взятки) стучал молоток жалости... В городе я прослыл не милосердным, отпускающим вин, а обманщиком, ханжею и пагубным коммерсантом... «Щедроты царя изливались не на государственные надобности, как-то: вспоможение нищего, одевание нагого, прокормление алчущего, а на богатых убийц и предателей, нарушителей общественной доверенности и на женщин, кичащихся своим бесстыдством».

В этой картине разложения самодержавия нет ничего преувеличенного. В своих секретных мемуарах о России, Аруа Массон дает такую характеристику государству Романовых: «Около двадцати олигархов разделяли между собою Россию... они или сами грабили, или предоставляли грабить другим, или оспаривали друг у друга добычу, захваченную у несчастных... Начиная с самого фаворита и кончая последним чиновником, все смотрели на государственную собственность,

как на мачту с призами, которые надо добыть, и бросались на нее с редким бесстыдством. Ничто не сравнится, — продолжает он, — с ничтожеством сильных мира сего в царствовании Екатерины: лишенные знаний, убеждений, возвышенных чувств и честности, они не имели даже той хвастливой чести, которая так же далека от истинной честности, как лицемерие от добродетели; бесчувственные, как колоды, лихоимцы, как мытари, хищные, как лакеи и продажные, как субретки в комедиях, они были поистине сволочью империи».

Среди этих мошенников и шарлатанов царь по своим преступлениям занимает первое место. «Он, — говорит Радищев, — является первейшим в обществе убийцей, первейшим разбойником, первейшим предателем и нарушителем общественной тишины».

Радищев по заслугам растравляется с монархом. Он казнит царя руками восставшего народа.

Возникает рать повсюду бранна.
Надежда всех вооружит;
В крови мучителя венчанна
Омыть свой стыд уж всяк спешит.
Меч остр, я зрю, везде сверкает,
В различных видах смерть летает.
Над гордою главой царя.
Ликуйте склепаны народы!
Се право мщенье природы
На плаху возвело царя.

Потом восставший народ произносит последний приговор над тираном:

Злодей злодеев всех лютейший!
Превзыде зло твою главу.
Преступник, изо всех первейший!
Предстань, на суд тебя зову!
Злодейства все скопил в едином,
Да ни единая прейдет мимо
Тебя из казней, супостат!
В меня дерзнул острить ты жало!
Единой смерти за то мало. —

Умри, умри-же ты стократ!

Таким образом борьбу с царем, представляет Радищев, как массовое движение крестьянства, а не как типичный для того времени дворцовый переворот, совершаемый кучкой заговорщиков.

Совершенно понятно после этого, почему ода «Вольность» не могла быть напечатана даже в царствование последнего Николая.

Если в своем отношении к самодержавию Радищев пришел в конечном счете к выводам о необходимости казни царя и замены самодержавия республиканским строем, то в вопросе освобождения крестьян он — «надежду полагал на бунт от мужиков», в творческие силы которых он условно верил.

Но «бунт мужиков» Радищев считал крайней мерой, чреватой многими нежелательными последствиями; вот почему он все время старается уговорить помещиков и царя мирным путем освободить крестьян.

Доказывая невыгодность крепостного права для хозяйственного развития, обращая внимание помещиков на несправедливость крепостного состояния крестьян с точки зрения морали, указывая на неизбежность крестьянского восстания, он хочет всем этим убедить помещиков освободить крестьян. «Неужели, — говорит он, обращаясь к помещикам, — не будем мы толико мужественны в побеждении наших предрассудков, в попрании нашего корыстолюбия и не освободим *братию нашу из оков рабства...* (Разрядка наша). Идите, — говорит он, — идите возлюбленные мои в жилища братии вашей и возвестите о премене их жребия..., оставьте гордое различие, познайте ваше равенство с земледельцем и убежденные общей пользой лобзайте братию нашу... забудем прежнее злодейство и да возлюбим друг друга искренне».

Такой чисто христианской проповедью Радищев хочет убедить помещика освободить крестьян.

По этому поводу Екатерина иронически замечает: «угovarивает помещиков освободить крестьян, да никто его не послушает». Позже Радищев и сам убедился в правильности этих слов.

Крепостника трудно было убедить чувствительной проповедью о том, что невыгодно и несправедливо «угнетать себе подобных». Он по-своему понимал «равенство» и «собственную пользу» и крепко держался за крепостное право. Тогда вместо доказательств «от собственной пользы» и доводов морали Радищев пускает в ход угрозы и призраком пугачевщины

хочет напугать помещиков. «Страшись, — говорит он, — помещик жестокосердный, на челе каждого из твоих крестьян вижу я твое осуждение».

«Не ведаете ли, любезные наши сограждане, коликая нам предстоит гибель, в какой мы вращаемся опасности... Поток, загражденный в стремлении своем, тем сильнее становится, чем тверже находит противостояние. Прорвав оплот единажды, ничто уже в развитии его противиться ему не возможно... Таковы суть братия наша в узах нами содержимые ждут случая и часа... Смерть и суровость нам будет посул за нашу бесчеловечность... и чем медлительнее и упорнее мы были в разрешении их уз, тем стремительнее и упорнее они будут во мщении своем».

По мнению Радищева час расплаты близок, «опасность уже вращается над головами нашими»... крестьяне только ждут «часа удобства»... «уже время вознесши косу, ждет часа удобства и первый льстец или любитель человечества, возникши на пробуждение несчастных, ускорит его мах».. В своем мщении «крестьяне» неумолимы, они не будут щадить ни пола, ни возраста» и будут искать «веселения, мщения», нежели пользу сотрясения уз... Блюдитесь!»

Необходимо начать освобождение сверху силами правительства и помещиков, пока оно не началось снизу, силою крестьян. Таков вывод из всех этих рассуждений.

Но русские крепостники в лице абсолютной монархии Екатерины II и не думали расставаться с крепостным правом. Вскоре Радищев и сам начинает убеждаться в справедливости слов Екатерины II и видит, что его действительно «никто не послушает». Чем больше Радищев теряет надежду на освобождение крестьян силами самих помещиков, тем больше ожидает освобождения снизу, при помощи силы самого крестьянства. «Из мучительства, — говорит он, — рождается вольность». Значит, чем хуже, тем лучше.

«Надежда на бунт от мужиков» в глазах Радищева являлась одним из самых решительных средств добиться свободы. Мера эта нежелательна, вынуждена, но она совершенно необходима и логически вытекает из сложившейся общественно-политической обстановки.

Эта надежда часто выливается в открытый призыв к бунту. «Богатство сего кровопийца (помещика), — говорит Радищев, — ему не принадлежит, оно *нажито грабежом* и заслуживает строгого в законе наказания», а потому «сокрушите орудия его земледелия, сожгите его риги, овины, житницы и развейте пепел по нивам, на них же совершалось его

мучительство». «Но крестьянин в законе мертв, сказали мы... нет он жив, жив будет, если того захочет».

Важно заметить, что Радищев не только допускал возможность освобождения крестьян революционными методами, но условно верил в творчески, созидательную силу крестьян.

«О! Если бы рабы тяжкими узами отягченные, яряся в отчаянии своем, разбили железом вольности их препятствующим головы наши, головы бесчеловечных своих господ и кровью нашей обагрили нивы свои! Что бы тем потеряло государство?» спрашивает Радищев.

Из его ответа видно, что в этом случае крестьяне положительно ничего бы не потеряли. «Скоро бы из среды их — продолжает он — исторгнулись великие мужи для заступления избитого племени; но были бы они других о себе мыслей и права угнетения лишены. — Не мечта сие, но взор проникает густую завесу времени, от очей ваших будущее скрывающую; я зрю сквозь целое столетие». (Разрядка наша).

Но социально-экономическая обстановка того времени совершенно не способствовала ни освобождению сверху, ни освобождению снизу. Если царь и помещики отнюдь не были намерены освобождать крестьян, то и крестьянская революция, теоретическую возможность которой Радищев допускал, в успех которой верил и которой вместе с тем боялся, тоже не была способна сокрушить оковы рабства. Не только потому, что крестьянство, по выражению Ленина, «находилось в положении загнанного люда, способного на тупое отчаяние, а не на разумный и стойкий протест и борьбу», но и потому, что крестьянская война была исторически бесплодна и не была способна уничтожить экономической базы самодержавия. «Отдельные крестьянские восстания, — говорит Сталин, — даже в том случае, если они не являются такими разбойными и неорганизованными, как у Стеньки Разина, ни к чему серьезному не могут привести. Крестьянские восстания могут приводить к успеху только в том случае, если они сочетаются с рабочими восстаниями. Только комбинированное восстание с рабочим классом может привести к цели».

Целью той революции, которую проповедывал Радищев, была ликвидация феодализма и утверждение буржуазно-капиталистического общества. Рабочего класса в то время, как организованного целого, не было, он только формировался из среды крепостного крестьянства. Переворот могла осуществить только революционная буржуазия в союзе с угнетенным крестьянством и городской беднотой. Сила буржуазии заключается в этом случае в том, что она несет новый капиталистический способ производства и распределения. Крестьянство же не несло такого

нового способа производства. Но как мы уже не раз отмечали выше, в России того времени буржуазии, как революционной силы, крепкой экономически и организованной политически, не было. В отсутствии этой силы и включается социальная трагедия буржуазного революционера Радищева.

«Глубоко и сознательно Радищев ненавидит чиновничество, духовенство и дворянство, из среды которого он вышел. Он хочет окончательно порвать всякую связь с этими мытарями, лихоимцами, гвардейскими полканами, баранами дурындами; он бежит душной обстановки пошлости и ограниченности рабовладельцев к угнетенному страждущему человечеству; вырабатывает в себе новое рационалистическое мировоззрение, очищает свою психологию от сословно кастовых привычек, представлений и предрассудков. На протяжении всей книги мы старались показать, благодаря каким личным и общественным обстоятельствам Радищев стал на сторону угнетенного крестьянства. Но дворянин по происхождению и царский чиновник по положению, он остро и болезненно чувствует «вековую вину» перед земледельцем. Его мучает внутренняя совесть и сознание того, что сам он, вольно или невольно, принимал участие в грабеже и казни крестьянства. Ясное сознание того, что «иногда бывал помещиком и я» заставляет его искрение каяться перед народом. «Углубленный в размышлениях о зверствах помещиков над крестьянами, я нечаянно, — говорит он, — обратил взор мой на моего слугу, который сидя на кибитке передо мной, качался из стороны в сторону. Вдруг почувствовал я быстрый мраз, протекающий кровь мою, и прогоняя жар к вершинам, нудил его распространиться по лицу. *Мне так стало во внутренности моей стыдно, что я едва не заплакал.* (Разрядка наша).

Ты, говорил я сам себе, во гневе своем устремляешься на господина, изнуряющего крестьянина своего на ниве своей, а сам не то же, или хуже того делаешь. Какое преступление сделал бедный твой Петрушка, что ты ему воспрещаешь пользоваться усладителем наших бедствий, величайшим даром природы — сном. Он получает плату, сыт, одет, никогда я его не секу ни плетью, ни батожем (О! умеренный человек!) и ты думаешь, что кусок хлеба и лоскут сукна дают тебе право поступать с подобным тебе существом, как с чубарем... Вспомни тот день, как Петрушка пьян был и не поспел тебя одеть. Вспомни о его пощечине. О, если бы он тогда хотя пьяный опомнился и тебе отвечал бы соразмерно твоему вопросу. — А кто тебе дал власть над ним? — Закон. — Закон? И ты смеешь поносить сие священное имя? Несчастный... Слезы потекли из глаз моих, и в таком

положении почтовые клячи дотащили меня до следующего стана».

Крепостной слуга Петрушка является живой укоризной на совести Радищева, он мучается внутренне и проливает искренние слезы кающегося дворянина. — (впрочем, он не только проливает слезы.)

В главе «Едрово» Радищев встречается с крестьянскими девками. Он восхищается цветущим здоровьем и бесхитростным характером «сельских красавиц». Идеализируя быт и нравы деревни, он высмеивает городских боярыnek, развратных, пошлых и пустых, у которых «на щеках румяна, на сердце румяна, на совести румяна, на искренности сажа», мужья которых «таскаются по всем скверным девкам», а сами они «изволят иметь годовых, месячных, недельных или, чего, боже спаси, ежедневных любовников». Он приглашает городских боярыnek учиться у деревенских девок тому, как надо содержать «в естественности зубы и тело» и хочет бежать от них. «Я побегу от вас во всю конскую рысь к моим деревенским красавицам, но я еще — говорит Радищев — с городскими боярыньками. — Вот что привычка делает»...

Во второй половине XVIII века Радищев первый испытал трагическую судьбу человека, убежавшего из стана господствующего класса и посвятившего свои силы делу освобождения народа, от которого, в силу целого ряда обстоятельств, не получил и не мог получить поддержки своим идеям.

ТРАГЕДИЯ РЕВОЛЮЦИОНЕРА-ОДИНОЧКИ

*«Мне умирать? Когда тысячи побуждений
существуют, чтобы желать жизни.*

Радищев

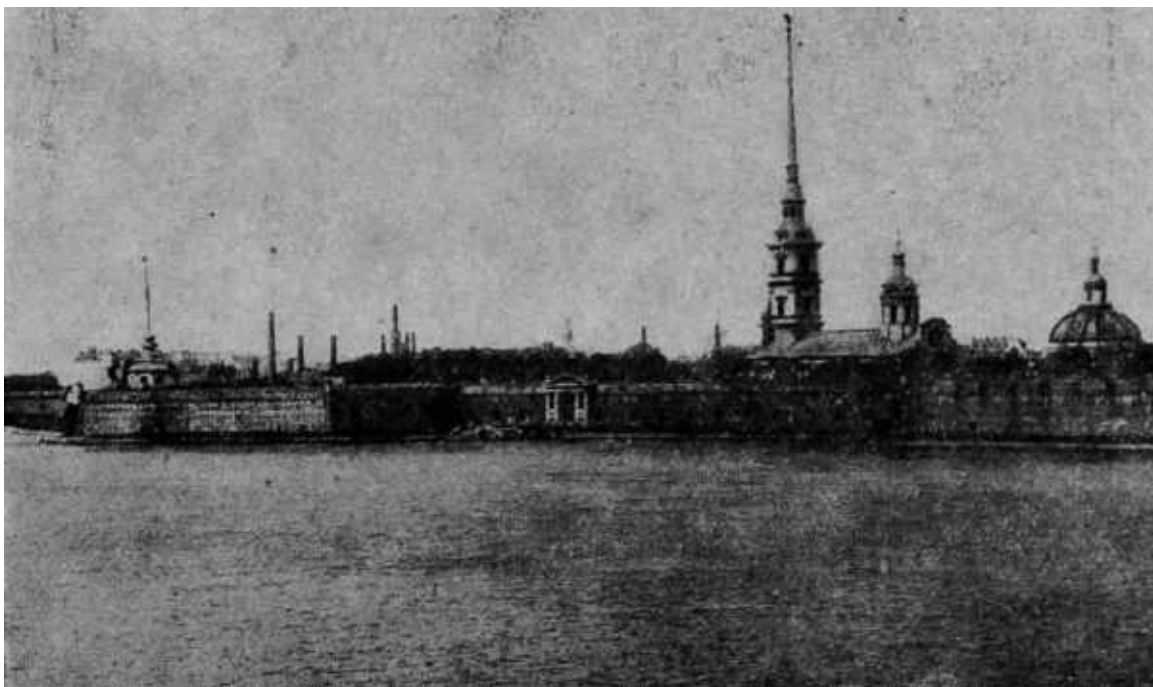
«Один дурак со страхом не знаком».

Гейне.

Вся комедия суда над русским писателем-публицистом была разыграна под руководством и при живейшем участии главного дирижера — Екатерины II. Она была истинным руководителем и вдохновителем всего дела. Энергия, настойчивость, которую она проявила при этом, достойна агента тайной канцелярии или третьего отделения. Лесть и угрозы, провокация и подкупы — все было пущено в ход для того, чтобы найти сообщников и выведать всю подноготную дела. На примерах следствия Николая I над декабристами можно оказать, что внук в этом отношении оказался достойным преемником бабушки.

А. В. Рубановская Жена Радищева

Петропавловская крепость

Все двадцать девять вопросных пунктов, предъявленных «коллегскому советнику» Шешковюким слово в слово были составлены по заметкам Екатерины на книгу Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву».

Прочитав книгу Радищева от «доски до доски», Екатерина не оставила без пометок, замечаний и оценок ни одной страницы. В них она дает общую политическую оценку книги и ее автора, указывает на возможные последствия и выводы, которые следуют из теоретических предпосылок Радищева; перечисляет те источники, откуда автор черпал свои идеи. «Екатерина не даром читала философов в молодости, переписывалась с Вольтером и Даламбером и беседовала с Дидро. Если при составлении наказа, («оградив для пользы человечества президента Монтескье»), Екатерина не могла провести в жизнь ни одной идеи французской материалистической философии, то для борьбы с этими идеями и, последствия и конечные выводы из которых для России Екатерина внимала великолепно, философские познания императрицы пригодились.

Из этих пометок видно, как широко и насколько политически остро Радищев захватил своей критикой все стороны общественной жизни того времени. Вместе с тем они являются ценным материалом для политической оценки «Путешествия».

Прочитав 30 страниц, Екатерина пишет: «Намерение сей книги на

каждом листе видно: сочинитель оной наполнен и заражен французским заблуждением, ищет всячески и выищивает все возможное к умалению почтения к власти и властям, к приведению народа в негодования противу начальников и начальства... знания имеет довольно, и многих книг читал сложения унылого и все видит в темна черном виде. Воображения имеет довольно, и на письме довольно дерзок». «Стр. 143, 144, 145, и 146 выводят снаружи предложения, уничтожающие законы и совершенно то, от которой Франция вверх дном поставлена».

Таким образом, Екатерина справедливо считает Радищева «подвизателем французской революции в России». Чем дальше мы читаем эти желчные пометки царицы, тем ярче выступает значение книги Радищева

Страницы 160–167 «служат к разрушению союза между родителями и чад и совсем противны закону божью, десяти заповедям, святому писанию, православию и гражданскому закону. И по всей книге видно, что христианское учение сочинителем мало почитаемо».

По всей книге разбросаны «вылазки против судей и придворных чинов, против дворянства и священников», «сочинитель не любит слов — покой и тишина... не любит царей и где может убавить к ним любовь и почтение, тут жадно прицепляется с редкой смелостью, Хвалит Кромвеля и Мирабо, который не единые, а многих виселец достойный... царям грозитя плахою... клонит к возмущению «крестьян противу помещиков, войск противу начальства» и, что особенно опасно, «надежду полагает на бунт от мужиков». Словом — «он бунтовщик — хуже Пугачева».

Эти замечания задолго до суда решили участь «Путешествия» и его автора. После всего сказанного Екатериной оставалось немного: подвести преступление Радищева под формальные пункты существующего законодательства.

Но, как сообщает Якушкин, следственным органам нелегко было подобрать формальные пункты в законодательстве, согласно которым можно было бы осудить Радищева к смертной казни или к десятилетнему заключению в Сибирь за издание книги, где он высказывает свои политические взгляды. Но здесь крючкотворцы из сената и уголовной палаты вышли из положения. Злодеяние Радищева было подведено под «воровские пункты». Так пункт 13 гл. 42, приведенный уголовной палатой против Радищева, буквально гласит следующее: «А которые воры чинят в людях смуту и затевают на многих людей воровским своим измышлением затейные дела и таких воров за такое их воровство казнить смертию». Или вот, например, из военного артикула^[14]: «Когда крепости или шанцы^[15]

«штурмованы будут, а начальники с солдатами уступят прежде, пока они крайнею силою учинили и прибочное свое оружие употребляли и с неприятелем какую стычку имели и от оногo отогнаны».

Из оценки Екатерины мы видели, что Радищев теоретически основательно разрушал крепость самодержавия, не оставляя камня на камне от существующего строя. Но отсюда до действительного разрушения этого строя было еще очень далеко. Сотни и тысячи лучших борцов за освобождение трудящихся, закованные в кандалы отмерили великий сибирский путь от Петербурга до Туруханска, прежде чем крепость самодержавия была окончательно разрушена. Радищев первый проделал путь от Петербурга до Илимского острога. Вот почему в галлерее мучеников за дело освобождения трудящихся ему должно принадлежать почетное место.

После ареста Радищева полиция произвела дознание «об авторах книги». Потом дело о нем перешло на следствие к экзекутору [\[16\]](#) Шешкавскому, этому, по выражению сына Радищева Павла, — «Малюте Скуратову». От него дело было направлено в палату уголовных дел... Из палаты оно перешло в сенат и наконец в совет.

Процесс закончился указом сенату от 4 сентября 1790 года, по которому Радищев как государственный преступник, «нарушивший присягу» изданием книги, «наполненной самым вредным умствованием, «разрушающей покой общественный, стремящейся произвести в народе негодование против начальников и начальства», книги, «начиненной неистовыми изречениями противу сана и власти царской», на основании государственных узаконений присуждается к смертной казни, через отсечение главы. Но «соединяя милосердие с правосудием, — писала Екатерина, — освобождаем его от лишения живота и отобрав от него чины, знаки ордена и дворянское достоинство, сослать его в Сибирь в Илимский острог на десятилетнее безисходное пребывание».

«Сентября 9-го дня 1790 года Губернское правление для дальнейшего в Сибирь в Илимский острог препровождения», постановляет — «отправить его в Новгородческое управление за крепчайшею стражею окованного через посредство управы благочиния. Об исполнении сообщить».

Оторванный от друзей, семьи и знакомых, человек «с изящным умом» и «чувствительным сердцем», по воле палачей самодержавия должен был проводить лучшие годы своей жизни в далекой снежной Сибири.

Сейчас мы вынуждены оставить Радищева в Илимском остроге с тем, чтобы разобрать следующие вопросы:

1. Отношение к «Путешествию» разных социальных групп.

глупости». К сожалению, в этом было много горькой правды.

В своих наказах и челобитных, с которыми купцы предстали в знаменитой комиссии сочинения нового уложения (1767) они не только не выступают против крепостного права, а наоборот, хотели добиться распространения его и на купцов, прося комиссию разрешить купцам не только «носить шпагу», но иметь право покупать крепостных для своих фабрик, заводов «по числу печей и станов», для личного пользования и для отдачи в рекруты.

Во всех своих наказах и речах купечество выражает свою искреннюю преданность самодержавию и все надежды возлагает на силу абсолютной монархии.

Насколько была слаба оппозиционность купечества, как незначительны были их политические требования, в какой рабской форме преданности они преподносились, видно из 6-го пункта наказа Тульского купечества, в нем оно просило «купцам за бой и бесчестье оклад против прежнего в Уложении повеленья повелеть умножить: за бесчестье первой гильдии по сту рублей, второй по пятьдесят, третьей по тридцать». Купеческая честь по определению самих купцов котировалась чрезвычайно низко. По этой справке какой-нибудь пьяный Ноздрев, отставной гвардии капитан за 180 руб. ассигнациями мог «избить и обесчестить» сразу представителей всех трех гильдий.

Совсем другим языком разговаривали идеологи третьего сословия во Франции предреволюционного периода с представителями старого порядка (Вольтер, Дидро). «Связь торгового капитала с абсолютной монархией — говорит М. И. Покровский — явление характерное для средневековья. У нас союз самодержавия с капиталом заходит далеко в XIX век». В России эта связь по наследству перешла от торговой буржуазии к промышленному капиталу, который, по выражению Ленина, «особенно склонен жертвовать своим демократизмом и вступать в союз с реакционерами». Во Франции торговая буржуазия ко 2-й половине XVIII века окончательно отпочковалась от абсолютной монархии и перестала снабжать деньгами расточительный двор Людовика Капета и «мадам Дефицит». А в 1789 году она гильотинировала старый порядок вместе с Людовиком XVI и Марией Антуанетой.

Разжиревшая на торговле хлебом и другими: продуктами крепостного труда русская торговая буржуазия была заинтересована: в сохранении крепостного права. Через монополии «кабацких» и соляных откупов тысячами экономических нитей она была связана с самодержавием и крепостным правом. Поэтому революционному союзу с крестьянством она

предпочла союз с самодержавно-крепостнической властью для совместного порабощения и грабежа крестьянства.

Таким образом о русской буржуазии второй половины XVIII века как о революционной силе не может быть речи.

Радищев и сам видел, что русская буржуазия не поддержит его в выступлении. В своем посвящении к «Путешествию» он ждал поддержки от либерального дворянства, так называемой дворянской интеллигенции, «сердца которых, по его мнению, бились с его согласно». «Но если, (говорил я сам себе, я найду ко го-либо, кто намерение мое одобрит, кто ради благой цели не опорочит неудачное изображение мыслей, кто состраждет со мною над бедствиями собратии своей; кто в шествии моем меня подкрепит, не сугубой ли плод произойдет от подъятого мною труда?... Почто, почто мне искать кого-либо? Мой друг! — говорит он, обращаясь к Кутузову, — ты близ моего сердца живешь и имя твое да озарит начало сей книги».

Но дворянская интеллигенция не оправдала надежд Радищева. Находясь в своеобразной оппозиции ко двору, либеральная часть дворянства не разделяла политических взглядов и методов борьбы Радищева. Часть из них читала втихомолку его книгу и отчасти сочувствовала ее политическим идеям, но дальше этого «сочувствия» даже эта крайняя незначительная по количеству часть дворянства пойти не могла.

Другая часть «сочувственников» из дворян с ужасом отвернулась от Радищева по выходе в свет «Путешествия». Политический радикализм, необычайная смелость, с которой он выступил против самодержавия и крепостного права, привели их в совершенное смятение. Тем не менее в дворянском кругу находились люди, сочувствующие Радищеву^[17], старающиеся смягчить гнев императрицы. (А. Р. Воронцов, княгиня Дашкова и др.). Безбородко (главный следователь по делу Радищева), сочувствуя его судьбе, давал такую оценку «Путешествию» (в своем письме к правителю канцелярии графа Потемкина В. С. Попову). «Здесь по уголовной палате ныне производится примечания достойный суд. Таможенный советник Радищев, несмотря на то, что у него и так было дел много, которые он, правду сказать, правил изрядно и безкорыстно, вздумал лишние часы посвятить на мудрствования: заразившись, как видно, Франциею, выпустил книгу «Путешествие из Петербурга в Москву», наполненную защитой крестьян, зарезавших помещиков, проповедью равенства, и почти бунта противу помещиков, неуважения к начальникам, внес вообще много язвительного и, наконец, неистовым образом впутал

оду, где излился на царей и хвалил Кромвеля».. Излагая с некоторым сочувствием содержание книги, граф Безбородко сваливал вину на цензуру и саму Екатерину, которая заигрывала первое время с философией, разрешила иметь вольные типографии. «Всего смешнее — продолжает он, — что шалун Никита Рылеев цензуровал сию книгу не прочитав, а, удовлетворяясь титулом, надписал свое благословение... с свободой типографий, да с глупостью полиции и не усмотришь как нашла».. Ниже граф замечает, что «книга сия начала входить в моду у многих шали». Вот это-то и было опасно; «но к счастью — заканчивает он, — скоро ее узнали».

Такова робкая и непоследовательная оценка этой книги чрезвычайно умеренно-настроенной частью русского дворянства. Большинство же образованного дворянства не только не сочувствовало, но относилось прямо враждебно к «явно бунтовской» книге Радищева.

Державин, которому Радищев дружески преподнес один экземпляр книги, внимательно прочел ее, подчеркнул все политически опасные места и отнес книгу Екатерине^[18].

Настроение подавляющего большинства так называемого «образованного» дворянства в отношении к Радищеву очень ярко выразил известный масон князь Н. Н. Трубецкой в своих письмах к А. М. Кутузову. Он давал такую оценку «Путешествию» и ее автору. «Теперь скажу тебе, что посвятивший некогда тебе книгу и учившийся с тобой в Лейпциге находится под судом за дерзновенное сочинение, которое, сказывают, такого рода, что стоит публичного и самого строгого наказания. Вот, мой друг, ветренная и гордая его голова куды завела, и вот следствие обыкновенно быстрого разума, не основанного на христианских правилах». Дальше Трубецкой, основываясь на христианских правилах» утешал Кутузова, чтобы тот не огорчался судьбой Радищева, так как «он точно достоин участи ему угрожающей». Нужно только вдохнуть ко управляющему всем да сделает он наказание, ему угрожающее, средством к обращению его на познание его мерзостей и на покаяние об оных».

В другом письме (от 26 августа 1790 г.) он пишет, что книга «эта такого рода, что во всяком бы месте Европы автор подвергнулся бы публичному наказанию и что она имеет основанием своим проклятой нынешний дух французов и в ней изблеваны всякие мерзости; почему мой друг, чтоб с ним (Радищевым) не случилось, то он того достоин, и, яко человека его жаль, но яко преступника, — я уверен, что и ты, быв его судьбою, не колебался бы его осудить достойному наказанию, за его мерзкое и дерзкое дело»

Из ответов Кутузова, — лучшего товарища Радищева, которому он

посвятил «Путешествие из Петербурга в Москву», видно, что тот вполне разделял взгляды Н. Трубецкого. «Вы знаете — пишет он, — мои правила: известно Вам, что я великий враг всякого возмущения и что никогда не перестану твердить, что критика настоящего правления есть недозволительное дело и не мало не принадлежит к литературе... я люблю, — продолжает он, вольность... сердце мое трепещет при слове сем, но при всем том уверен, что истинная вольность состоит в повиновении законам, а не нарушении оных»

Так оценили Радищева по выходе в свет его книги его «либеральные друзья».

Между масонами и Радищевым лежит политическая пропасть. Масоны не только не сочувствовали ни в коей степени взглядам Радищева, но как видно из переписки, прямо враждебно относились к идеям, изложенным, в «Путешествии». Их точка зрения на книгу совпадала с официальной точкой зрения Екатерины и Шешковского.

Мировоззрение Радищева было мировоззрением воинственного третьего сословия, направленное своим острием против мистики в философии и дворянских привилегий в социально-политических вопросах. Между тем, конституционно-настроенная часть дворянства желающего ограничить самодержавие «фундаментальными законами» и своеобразным дворянским советом (Воронцов, Щербатов и др.) не только не выступала против экономических и политических привилегий дворянства, а наоборот, старалась всячески расширить эти привилегии, ни словом не заикаясь при этом об освобождении крестьян и наделении их землей. Словом, тут между Радищевым и масонами дистанция, — как говорят, «огромного размера».

Активной поддержки можно было ожидать от поработщенного крестьянства. В среде этого класса накопилось много социальной ненависти и классовой мести против дворянства. Крестьянство и дворянство являлись двумя основными классами, борьба между которыми не прекращалась ни на одну минуту. Эта борьба носила острый характер восстаний, крестьянских бунтов, сопровождаемых физическим уничтожением помещиков и заводчиков, приказчиков и воевод, разграблением, поджогом дворянских гнезд.

На протяжении нескольких столетий крестьяне составляли тот золотой фонд, за счет которого удовлетворялись невероятные траты расточительного двора Романовых, интересы гвардии, купечества, чиновничества и духовенства. Крепостной труд являлся тем неисчерпаемым источником, за счет прибавочной стоимости которого кормилась эта бесчисленная масса паразитов, и эксплуататоров.

Крестьянин не только платил государственные налоги и подати, переплачивая купцам (благодаря монополии и откупам) на водке, соли и необходимых жизненных продуктах, содержал помещика с многочисленной дворней, строил храмы и монастыри, работал на крепостной мануфактуре и заводах, но и пополнял ряды царской армии и флота, и в интересах помещиков и купцов клал свои буйные головы на берегах Черного и Балтийского моря, под стенами крепости Измаил и в знойных песках Туркестана.

Немногочисленные наказания, представленные в Екатерининскую комиссию от казенных, черносозных и бывших ясажных крестьян, — ярко рисуют степень порабощения и эксплуатации крестьян со стороны помещиков, фабрикантов и царских чиновников.

Крестьяне Кайгородского уезда жаловались, что «пашенных земель недовольно», что «большие подати» и что «подушной недоимки за 23 года (по уезду) намножилось осемнадцать тысяч девятьсот пять рублей», а представители воеводской канцелярии «обер-офицеры и всякого рода чины и служащие люди взыскивают показанную доимку с крепким неупустительным принуждением». «Ямская гоньба непосильная..., а штаб и обер-офицеры и всякого звания чины, во время проезда для себя и лошадей берут всякие припасы, без платежа денег и насильно».

В результате такой политики «крестьяне Кайгородского уезда пришли в самое крайнее отягощение и скудность»

Не будучи в состоянии выносить налогового гнета произвола царских чиновников, гонимые «скудностью и голодом», крестьяне убегали из деревень и в поисках «пропитания» расходились по разным заводам для черной работы. Но они попадали при этом из «огня да в полымя». Убегая от агентов самодержавия «обер-офицеров и разного рода чинов», они попадали в руки заводчиков и фабрикантов и подверглись при этом еще большей эксплуатации и порабощению. Свой наказ в комиссию, зубцовские крестьяне заканчивали следующими словами: «по состоянию нас казенных крестьян находимся мы в презрении не только благородного дворянства, но и от самых последних служителей... не может нас обидеть тот, кто сам не захочет, а кто пожелает, то всегда чем захочет тем и обидеть может».

Известно, как отвечало крестьянство на этот, все усиливающийся гнет крепостников. Крестьянские волнения, начавшиеся при Петре III, во время царствования Екатерины вылились в грандиозную крестьянскую войну, под предводительством Пугачева. И несмотря на все это, Пугачевщина или крестьянская война, теоретическую возможность которой Радищев допускал и в успех которой он условно верил, тоже не была способна

сокрушить оковы рабства. Об этом мы уже выше говорили.

Что крестьянство не могло услышать и поддержать идеи восстания и цареубийства, изложенные в «Путешествии», об этом Радищев тоже заранее знал. «Ибо народ наш книг не читает, — говорит он на судебном следствии, — написана книга слогом для простого народа невнятным и напечатано ее мало, не целое издание или завод, а только половина».

Итак, буржуазия читала книгу Радищева «по глупости своей», мыслящая часть дворянства прочтя «дерзновенное сочинение», пришла к выводу, что автор ее «точно достоин участи ему угрожающей», а «страждущее человечество» неграмотно и «совсем книг не читает».

Тем трагичней была судьба одиночки Радищева, представшего в качестве политического преступника перед лицом светских и духовных жандармов.

Мы уже сказали, что поведение Радищева во время судебного следствия является мрачной и печальной страницей в его героической жизни.» Показания Радищева, его завещания, (написанные им во время следствия), нельзя читать без внутреннего сожаления к этому человеку... Читая все это, кажется, что мужество и настойчивость покинули Радищева у порога тюрьмы.

По всем пунктам, представленным Радищеву государственным обвинением, он признал себя виновным. Книгу «Путешествие» называет «пагубной и дерзновенной». «Намерение, — говорит он, — при составлении оной не имел иного, как прослыть смелым сочинителем и заслужить в публике гораздо лучшую репутацию, нежели о мне думали до того». «Пагубное тщеславие прослыть смелым сочинителем!» «повергло меня в беду».

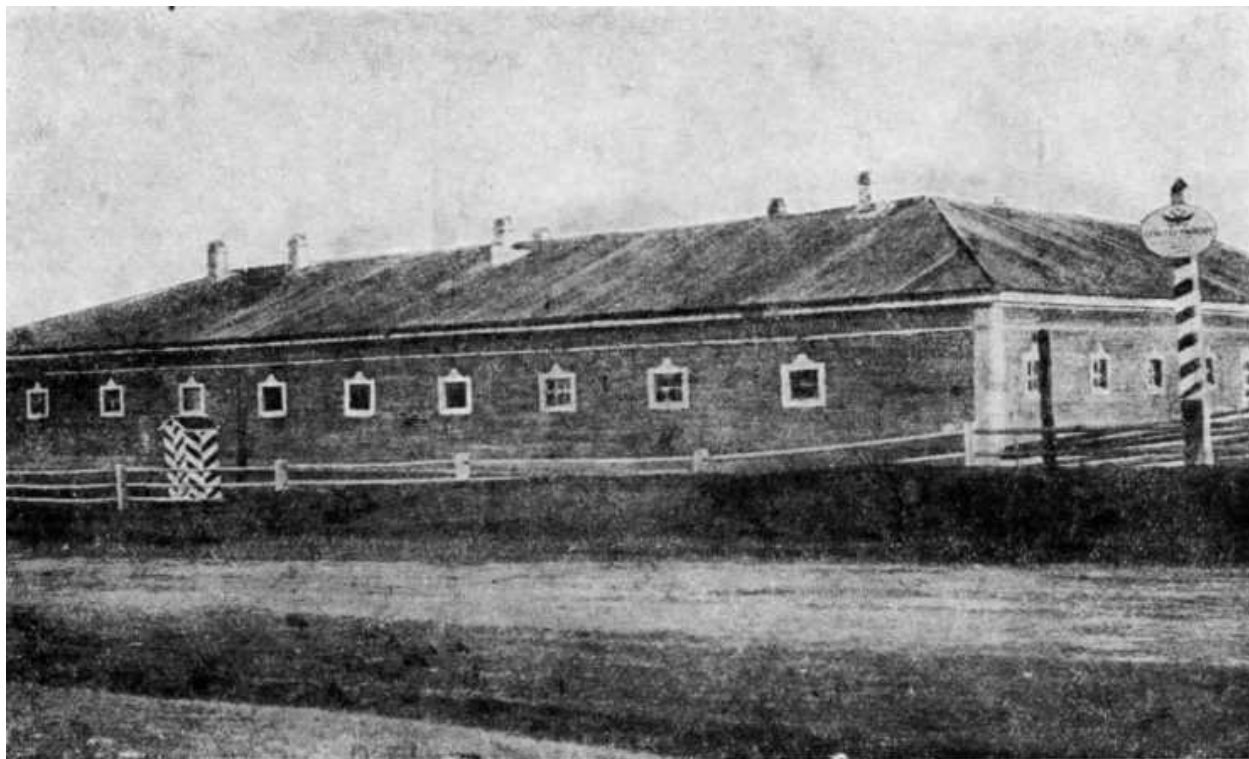
Изображая ужасы крепостного права, он хотел «устыдить злых помещиков». Признавая таким образом себя виновным, он вместе с тем высказывает и свои искренние желания, которые он не может скрыть, даже перед судом. «Желание мое, — говорит он, — стремилось к тому, чтобы всех крестьян от помещиков отобрать и сделать их вольными». «Но, — говорит он в другом месте, — в проекте освобождения крестьян помещичьих я мечтал, признаюсь, как может быть оно постепенно (сделано), ибо уверен в душе моей, что запретившей покупку деревень к заводам и фабрикам, законоположнице, начертавшей перстом мягкосердия меру работ крестьянам, приписанными к заводам, что давшей крестьянину судию из среды его, мысль освобождения крестьян помещичьих если не исполнена, то потому, что вящие тому препятствуют соображения».

Перечисляя законоположения Екатерины по крестьянскому вопросу

(изданные в пользу помещиков), Радищев наивно полагал, что Екатерина действительная хотела освободить крестьян, и потому он своими проектами разъяснял «как оно (освобождение) постепенно может быть сделано».

Сибирский этап

Этапное помещение

Об оде «Вольность» Радищев оказал: «Ода сия почерпнута из разных книг и изъявленные в ней картины взяты с худых царей, каковых история описывает: Нерона, Калигулу и им подобных... Но в дерзновении моем не подозревал николи благих государей каковы были Тит, Троян, Марк Аврелий, Генрих четвертый и какова есть в России ныне царствующая Екатерина, державу которой многие миллионы народов благословляют».

Во всех этих признаниях он старается подчеркнуть верноподданнические чувства к ее императорскому величеству, «разумные и человеколюбивые законы» которой он ревностно выполнял и будет выполнять в дальнейшем.

В своем завещании он дает детям такое наставление: «Помните, друзья души моей, помните всечасно, что есть бог, и что мы ни единого шага, ни единые мысли совершить не можем не под его всеильною рукою... Когда вы, возлюбленные мои сыновья, вступите в службу, почитайте исполнение вашей должности первойшей высшею добродетелью... Будьте почтительны и послушны непрекословно вашим начальникам, исполняйте всегда ревностно законы ее императорского величества, любите и почитайте паче всего священную ея особу и даже мысленно должны вы ей предстоять с благоговением. Старайтесь заслужить ея к себе милости повиновением и ревностью во исполнении на вас возложенного».

Дальше Радищев дает подробные хозяйственные распоряжения, отпускает свою крепостную прислугу на волю и заканчивает письмо трагическим криком человека, с часу на час ожидающего смертной казни.

«...Простите мои возлюбленные!.. Душа моя страдает и медленно умирает при мысли, что я вас не увижу... О, есть ли бы вас мог видеть хотя на одно мгновение, есть ли б мог слышать только радостные для меня глаголы уст ваших... Сон, о сон, единственное в бедствии успокоение, блаженство плачевное в несчастьи, приди на услаждение страждущего сердца...

О мечта возлюбленная! Я с вами беседую; вас держу в объятьях моих, о друзья души моей, о дети моего сердца, вы со мною, голос ваш ударяет в мое слышание... куда спешите, постойте... я отец ваш, я друг ваш... увы ее мечта» — заканчивает он безнадежным голосом человека, находящегося на грани сумасшествия.

Таким образом по всем пунктам, представленным государственным обвинением, Радищев признал себя виновным, признал, что «заблуждался» и со слезами на глазах просил покаяния. «О! милосердная государыня, внемли гласу стнящего, помилуй кающегося если исправление в человеке возможно, во мне оно последует, ибо рожден не жестокосерд, прости вслед милостивая, руку щедроты к несчастному, изведи из гибели стнящего, да при конце дней прославлю твои щедроты. О человеколюбивая монархиня, воньми слезам моим и раскаянию».

Как бы в подтверждение искренности своих слов, в крепости он пишет повесть «О Филарете милостивом»; в ней он рекомендует своим детям «упражняться в мягкосердии, непременным следствием которого является человеколюбие, благодеяние и милость».

Всем этим он хочет размягчить загрубелые сердца своих палачей и снискать у них милость к своему преступлению. «Ибо, — говорит он, — и скоты милую». Вместе с тем в этой же повести он опять проповедует разум и добродетель, пускается в философские рассуждения о «первопричинах мироздания» и познаваемости «высшего существа».

На протяжении всего следствия Радищев таким образом ни одним словом не попытался защищать идеи, высказанные им с такой страстью и убеждением в «Путешествии» и в оде «Вольность». Во время следствия он окончательно растерялся, был на грани умопомешательства, чуть не впал в религиозный маразм и потерял мужество и былую твердость души.

Но спрашивается — во-первых, мог бы Радищев вести себя иначе в той обстановке, в которую он попал и были: ли эти признания искренни? Действительно ли Радищев сжег все то, во что твердо верил и чему

поклонялся?

Из последующей жизни мы убеждаемся, что «признания» Радищева на суде были не искренни, и явились тактическим приемом, имевшим целью смягчить вину и отклонить от головы нависший топор палача.

Так, уже месяц спустя после суда, при проезде его через Томск (по пути в Илимск) любопытствующему узнать о нем, — Радищев говорит следующее:

Ты хочешь знать кто я? что я? Куда я еду?
Я тот же, что и был и буду весь мой век:
Не скот, не дерево, не раб — но человек!
Дорогу проложить где не бывало следу,
Для борзых смельчаков и в прозе и в стихах;
Чувствительным сердцам и истине на страх —
в Острог Илимский еду.

Итак, «ни скот, ни дерево, ни раб, но человек» прежде всего, едет в Илимский острог «истине на страх».

Спустя год с лишним (в 1792 г.) он пишет экономическую работу «Письмо о китайском торге», адресованное на имя председателя коммерц-коллегии А. Р. Воронцова. В этом письме он жалеет о том, что «мнения его о многих вещах... стали более известны, чем тщеславие писателя этого требует, но — продолжает он — я признаюсь охотно в превратности моих мыслей, если меня убедят доводами, лучше тех, которые в сем случае употреблены были. А на таковы (доводы) я в возражении, как автор другого, сказать не умел, как то, что сказал Галилей, отрекаясь от своих доказательств о неподвижности солнца, следуя глаголу инквизиции он воскликнул вопреки здравого рассудка: «солнце коловращается».

Здесь сам Радищев достаточно убедительно показывает, чем, какими методами были вызваны эти «признания» во время допроса. Под ударами розог, запугивания смертной казнью, Радищев, подобно Галилею не мог говорить другими «глаголами», кроме «глаголов» полицейско-самодержавной инквизиции. Он произносил эти патриотические признания и покаяния «вопреки здравого рассудка» и это он чувствовал ясно тогда, как и год спустя.

В том же письме Радищев говорит Воронцову, что он «почел бы благодеянием в своем положении, если бы ему позволено было отлучаться

от места ссылки для изучения естественных богатств Сибири. Причина сему единственное научение»... Свидетели моих мыслей будут небо и земля; а тот кто зрит в сердца тот знает, что я, чем быть бы мог и что буду».

Здесь Радищев опять подчеркивает ту мысль, что не только не отказался от своих взглядов, но что один бог (а не чиновники из уголовной палаты) может оценить достойно его выступление, духовные силы и «способности».

Но тем не менее на суде он кается, просит помилования.

Мы знаем, что духовные силы и мужество вождям, томящимся в тюрьмах, дает широкое сочувствие и активная поддержка того класса, интересы которого они защищают и который за стенами тюрьмы продолжает свою борьбу. Эта уверенность в победе дала возможность Степану Шаумяну под дулом винтовки мужественно воскликнуть: «Мы умираем за дело коммунизма — проклятье злодеям!». Эта же уверенность дает духовные силы тысячам, революционеров, томящимся в застенках капиталистических тюрем. Уверенные в победе, окруженные вниманием и активной поддержкой трудящихся масс, они стойко и мужественно переносят страдания.

Как мы уже выяснили выше, ничего похожего на такое сочувствие и поддержку со стороны поработанного крестьянства Радищев не встречал, равно как и со стороны буржуазии и «просвещенного» дворянства.

В этом кроется коренная причина его растерянности и покаяния на суде. Удивительней всего то, что Радищев сам великолепно понимал весь трагизм своего положения. В Сибири он глубоко продумал причины своего поражения и пришел к выводам, которые поражают своей правдивостью. Для успеха в борьбе нужны были «поборствующие обстоятельства».

А без того, — говорит он, — Иоанн Гус издыхает во пламени, Галилей влечется в темницу, друг ваш в Илимск заточается».

Между тем, реальные?обстоятельства» того времени прямо-таки препятствовали Радищеву. Отсюда то трагическое чувство одиночества, которое ощутил Радищев с болезненной остротой в каземате Петропавловской крепости. «Я чувствую, я один — писал он в письме к Шешковскому. — О лютое чувство! Тысячекратно сердце мое преломляется и скорбь становится не изобразимою!»

Но не отказавшись от своих идей, Радищев после ссылки все же переменил свою тактику борьбы и значительно растерял былой юношеский задор, пыл и страсть.

Очень многие исследователи Радищева (казенные профессора, лакействующие либералы и убежденные адепты самодержавия) всячески

эксплоатировали поведение Радищева на суде. Эти «объективисты» в своих работах старались уверить себя и других в том, что выступление Радищева было не «идейное», не «общественное», а личное, причиной которого были личные моменты (неудачи по службе, зависть, карьера, злоба против Екатерины). Некоторые из них и суд Екатерины над Радищевым (Павлов-Сильванский) оценивали как выражение личной мести оскорбленной Екатерины. Целью этих утверждений было смазать социально-политическое значение выступления Радищева, свести его к личным моментам.

В этом они, как раз, сходятся с оценками этого дела самой Екатерины. В своих пометках на «Путешествии» она следующим образом оценивает мотивы выступления Радищева: «Подвиг сочинителя, по которому он все написал, об заклад можно биться, тот, что вход не имеет в чертоги».

Так же точно объяснил причины выступления Радищева известный поборник самодержавия Лонгинов.

Если Павлов-Сильванский считает, что «в деле осуждения Радищева Екатерина II руководствовалась исключительно личной обидой, личным оскорблением, «раздражением»^ш, снижая тем самым глубоко социальное значение выступления Радищева, сводя его к взаимоотношению двух личностей, то Лонгинов выполняет роль клеветника с другой стороны. Он считает, что «приговор ему (Радищеву) был вынесен не Екатериной, а всей Россией». Так как, видите ли, по его мнению, и «публика (?) и народ (??) одинаково осудили Радищева», Екатерина тут совсем не виновата, даже больше того, «Екатерина, исполняя волю народа (?), всячески смягчала этот приговор».

Это «исследование» заканчивается хвалебным панегириком по адресу Екатерины и лицемерной, снисходительной жалостью к судьбе Радищева. «Будем жалеть о судьбе несчастного Радищева, но будем благоговеть перед гением и душою великой Екатерины».

Из всего того, что мы говорили выше, совершенно ясно, что выступление Радищева против самодержавия и крепостного права носило глубоко социально-общественный, а не личный характер. Субъективно Радищев так изображает причины своего протеста. «Я взглянул, — говорит он, — окрест меня — душа моя страданиями человечества уязвлена стала»... «Я узрел, — продолжает он, — что бедствия человека происходят от человека... я человеку нашел утешителя в нем самом... Тогда, — говорит он, — воспрянул я от уныния, в которое повергли меня чувствительность и страдание, и ощутил в себе довольно сил, чтобы противиться заблуждению. И — веселие неизреченное! Я почувствовал,

что возможно всякому соучастником быть в благоденствии себе подобных. Се, — заканчивает он, — мысль, побудившая меня начертать что читать будешь». Вот непосредственные, так сказать, причины выступления, корни которых уходили глубоко в социально-экономическое развитие России второй половины XVIII века.

Радищев меньше всего мог жаловаться на личные обиды. Успехи по службе он делал поразительные так, ко времени написания «Путешествия», он занимал ответственный пост директора крупнейшей в России таможни, за добросовестную службу был награжден чином коллежского советника и орденом св. Владимира 4-й степени и даже был на хорошем счету у самой императрицы. «Уверенная в непоколебимой честности и совершенном бескорыстии, — сообщав Бантыш-Каменский, — государыня удостоила его важным поручением: при начале войны с Швецией ему было поручено арестовать и описать все шведские купеческие корабли и сделать обыск всех запрещенных товаров во всех петербургских лавках и магазинах». Все это свидетельствует, что для личного недовольства не было никаких причин.

Радищев был не из тех

Кто славы, денег и чинов
Спокойно в очередь добился.

Принципы истинной добродетели, окружающая социальная несправедливость толкали его на мужественный подвиг в духе республиканских героев Плуарха.

В СИБИРИ

«Земля наша велика и обильная, а порядка в ней нет».

(Из послания русских к варягам).

«Безотраднейшая картина: горсть людей, оторванных от света и лишенных всякой тени надежд на лучшее будущее, тонет в холодной черной грязи грунтовой дороги. Кругом все до ужаса безобразно: бесконечная грязь, серое небо, обезлиственные, мокрые ракиты и в растопыренных сучьях нахохлившаяся ворона. Ветер то стонет, то злится, то воет и ревет».

Лесков.

Восемнадцатого сентября 1790 года «Русского Мирабо»^[19] закованного в кандалы и одетого в «гнусный нагольный тулуп, взятый у тюремного сторожа», отправили в Сибирь. Позади оставались родные, друзья и четверо детей — все любимое и дорогое; впереди — длинный и мучительный путь на перекладных, в соседстве с фельдъегерем; лишение, нужда и неизвестная будущность. За литературное путешествие «из Петербурга в Москву», Радищев проделал действительное и вынужденное путешествие от Петербурга до Илимского острога.

Но остался в Петербурге преданный друг, либеральный соучастник и вдохновитель Радищева, Александр Романович Воронцов; образованный, хитрый и влиятельный граф чувствовал свою вину в несчастье Радищева: у него много было на уме того, что у Радищева оказалось на языке.

Помощь Воронцова Радищеву была значительна. Везде и всюду, где представлялась возможность, он старался облегчить тяжелую судьбу бывшего «прямодушного чиновника». Перед отправкой его в Илимский острог он писал ко всем губернаторам тех мест, где должен был проезжать сосланный Радищев, «чтобы с ним обходились со всевозможным снисхождением»; передал 200 руб. ассигнациями Тверскому генерал-губернатору Осипову и просил его «снабдить Радищева пристойным и

покрытым тулупом, шубою, сапогами, чулками и прочим бельем и платьем пристойным».

Благодетения и самое живейшее участие Воронцова следовало за Радищевым до самого острога и не прекращалось до его возвращения из Сибири. «Когда все, казалось, меня оставляло, — писал он ему, я ощущал, что благодетельная твоя рука носилась надо мною». По ходатайству Воронцова в Нижнем-Новгороде с Радищева сняли кандалы, уменьшили стражу и во всех городах по пути в острог он встречал радушный прием от местного начальства, деньги, посылки и книги, присланные Воронцовым. «Я пользуюсь здесь благодаря рекомендациям Вашего Превосходительства очень хорошим приемом у губернатора» писал он из Тобольска. Воронцов назначил ему ежегодную пенсию в 800 руб., взял под свое покровительство оставшихся детей, высылал ему в острог книги, журналы, газеты, медикаменты и огородные семена.

Все письма Радищева к Воронцову начинаются и кончаются искренними и изысканными выражениями благодарности за оказываемую помощь. «Всякое мое письмо, всякая онога строка не должныствовали бы ничем иным быть наполнены, как изъявлением благодарности за милости Ваши ко мне и к оставшим по мне детям».

«Какими благодарностями я Вам обязан... Вы меня питаете, Вы меня одеваете, Вы меня развлекаете своими книгами, Вы отнимаете от моего состояния все, что оно может таить в себе ужасного. Вы выслушиваете с добротой все мои жалобы, Вы жалеете и утешаете меня... если мое несчастье было такого рода что может ожесточить чувствительную душу, то благодаря Вашей доброте, Вы, меня, человека отчужденного от себя, своих детей и близких, вернули к прежнему состоянию». «Если, — говорит он в другом письме, — наши моральные чувства могли бы запечатлеваться физическими и хорошо уяснимыми уму чертежами, то по моей смерти, вскрывая мой труп, нашли бы Ваш образ запечатленным в моем сердце».

Это участие и материальная помощь возвращали духовные силы Радищеву. Спокойный за свою семью, обласканный, как дорогой гость, губернаторами, он забывал на время кровавые кошмары судебного следствия; приходил в жизненное равновесие и то чтением, то примечаниями и наблюдениями коротал однообразный путь и «разгонял черноту мыслей».

«Душа моя болит и сердце страждет — писал он Воронцову из Перми, — и если бы не блистал луч надежды, хотя в отдаленности, если бы я не находил толикое соболезнование и человеколюбие от начальства в проезд мой через разные губернии, то признаюсь, что лишился бы может быть и

совсем рассудка». «Но благодаря вашей помощи, разум мой может иногда заниматься упражнением... Когда я стою на ночлеге, то могу читать, когда еду, стараюсь замечать положение долин, буераков, гор, рек; учусь в самом деле тому, что иногда читал о истории земли: песок, глина, камень все привлекает мое внимание... Переехав Оку, я с восхищением вскарабкался на крутую гору и увидел в расселинах оной следы морских раковин».

И хотя Радищев, как увидим ниже, не остался в долгу у сиятельного графа, тем не менее нельзя не признать благотворного влияния этой помощи в тяжелое для Радищева время.

Маршрут ссыльного Радищева лежал через Нижний-Новгород на Тобольск, Томск, Иркутск. Отсюда он должен был свернуть с большой сибирской дороги и проехать вдоль берегов реки Лены 500 верст на север до Илимского острога.

В Тобольск Радищев прибыл 15 декабря 1791 года и ласково был принят местным начальством. С прожил здесь 7 месяцев. Здесь, — сообщает сын Радищева Павел, — он пользовался величайшей свободой, как и все сосланные, он был всегда приглашен на обеды, праздники, бывал в театре; всех лучше принимал его генерал-губернатор Алябьев Александр Васильевич; Алябьеву был даже сделан выговор за то, что он ему позволил так долго прожить в городе.

В Тобольске Радищев осматривал типографию, кожевенные и кирпичные заводы; собирал сведения о судоходстве и торговле; общался с сосланными, среди которых был какой-то Пушкин^[20],

Сюда к нему приехала его свояченица Елизавета Васильевна Рубановская, мужественно разделившая с Радищевым тяжелые годы ссылки в сибирской глуши. Не вступая в официальный брак, Радищев прожил с ней около 5 лет. С нею он прижил в Сибири трех детей.

«Елизавета Васильевна была нехороша, очень ряба. Но женщина умная. Радищев много был ей обязан во время ссылки. Она его ободрила, ибо привезла ему двух его младших детей, занималась аккуратно хозяйством, делая ему жизнь по возможности приятною. Радищев всегда говорил, что эта женщина с геройскою душою».

Эта была первая из русских женщин, мужественно проложившая путь в Сибирь для жен декабристов.

Г. И. Ржевская^[21] в своих «Памятных записках» говорит, что «Искусное перо могло бы написать целую книгу о добродетелях, несчастиях и твердости духа г-жи Е. В. Рубановской, которая послужила бы к назиданию многих».

Приезд Елизаветы Васильевны и детей несказанно обрадовал Радищева. Долголетние годы ссылки скрашивались присутствием любимого друга в кругу семьи. «С прибытием сюда детей и моей сестры... мое сердце, истерзанное болью, расширяется и вновь открывается радости... Будучи уведен стечением даже для меня необъяснимыми обстоятельствами на край пропасти... в пучину тем более опасную, что она мне грозила погасанием всякого чувства, теперь я чувствую себя выплывшим из пропасти и способным еще приблизиться к общему идолу всех индивидуумов рода человеческого, к счастью... да, я буду жить еще, а не прозябать... Я рад и чувствую перемену во всем своем существе... Передо мной открывается новая жизнь, и кому я обязан за все это?».

Но вместе с радостью пришли и несчастья. «С тех пор, как я здесь, мой дом не переставал находиться без больных... в течение трёх недель меня мучает катаральная лихорадка и кровотечение носом... я пишу вам чихающий, кашляющий, харкающий... Мои дети также больны... Причиной этому ни что иное, как перемена климата, питания, питья, образа жизни и существования, если можно так выразиться».

Царские агенты донесли из Тобольска в Петербург о том, что государственный преступник Радищев задерживается в Тобольске больше, чем надо, что пользуется непозволительной в его положении благосклонностью генерал-губернатора. Алябьеву был сделан выговор, Воронцову дано предупреждение. Необходимо было поторапливаться с отъездом...

«Наконец, после разных запозданий, после многих пожеланий, безо всякой пользы сделанных относительно нашего отъезда, — мы снарядились в путь и завтра поставим парус».

Половина пути была проделана. До Илимска еще оставалось 3 500 верст.

Дремучими лесами и буераками, долинами и перелесками, пересекая необозримые степи, быстрые реки и горы, обоз из двух телег медленно двигался по пути в Илимск, останавливаясь на ночлега и перемену лошадей в прокуренных дымом; почтовых станах, в глухих сибирских селах.

В начале августа 1791 года Радищев прибыл в Томск. «После очень утомительного пути из-за постоянных дождей, я прибыл в Томск через три недели и один день по нашем выезде из Тобольска...

Большинство наших экипажей сломано и это принудило нас остаться здесь на несколько дней и запастись колесами; так как отсюда до Иркутска по меньшей мере 500 верст отвратительнейшего пути, для изображения

которого трудно найти слова».

Починив экипажи и дождавшись выздоровления Рубановской, они двинулись на Иркутск, куда и прибыли 8 октября 1791 года.

«Наконец, по многотрудном путешествии, я через 2 месяца и 8 дней прибыл в Иркутск со всей моей семьей. Дорога наша по причине худой погоды и нездоровья Елизаветы Васильевны была скучна и тягостна... В Иркутске благодеяния и милости вашего сиятельства меня предварили. Я везде нахожу здесь человеколюбие, соблезнование, ласку. От Ивана Алферьевича (генерал-губернатор Пиль) получил я книги, инструменты и деньги... Я славу богу здоров или почти здоров».

В Иркутске Радищев закупил необходимые продукты, домашнюю утварь, упаковал книги и в начале декабря уехал в Илимск, находящийся в 500 верстах от Иркутска. Река Ангара еще не замерзла, поэтому приходилось ехать вдоль берегов Лены большою якутской дорогою. Это удлиняло путь на 400 верст.

Медвежья глушь Илимска, отсутствие культурного общества, трудности сообщения с Воронцовым — все это пугало и наводило Радищева на грустные размышления.

«Оставь надежду вс як сюда входящий» — писал он Воронцову в последнем письме из Иркутска. «Напрасно я утешал себя относительно моего состояние. В жизни есть такие моменты, когда воображение лишь с трудом может возвыситься, чтобы преодолеть слишком большую реальность с помощью того, что возможно... Расстояние в 6 000 верст будет отделять меня от вас... нет регулярной почты... 3 месяца надо ждать ответа... Да, это ужасно!».

В январе месяце 1792 года Радищев вместе с семьей прибыл в Илимский острог. Два унтер-офицера следовали за ним на запятках. Они должны были наблюдать за повседневным поведением «государственного преступника».

Наступили скучные и однообразные дни ссылки; среди обширных лесов Сибири, среди диких зверей и народностей, которые от животных часто отличаются только своей членораздельной речью и которую они не умеют ценить по достоинству».

В записях дневника путешествия в Сибирь нет ни выводов, ни обобщений; в нем почти нет описания природы Сибири, лирических отступлений и того риторического многословия, которое характерно для литературного стиля Радищева. Но как «зритель без очков» он не пропускает мимо своего внимания ни одного факта и события из области социально-экономической и Культурно-бытовой жизни окружающего.

Нравы, обычаи и привычки сибирских жителей, их занятия, состояние земледелия, кустарных промыслов, промышленности и торговли; цены на хлеб, пушнину и рыбу; судоходность сибирских рек, естественные богатства гор и лесов — все привлекает пытливый ум путешественника по несчастью; обо всем он делает короткие заметки.

Если, по выражению Герцена, «Радищев в своей служебной деятельности не стоит Даниилом в передней зимнего дворца, не ограничивает свой мир тремя высшими классами», то о своем литературном «Путешествии из Петербурга в Москву» и вынужденном путешествии от Петербурга до Илимского острога он едет по большой дороге жизни; беседует с ямщиками и дворовыми, богатыми старожилами и бедными посельщиками Сибири; купцами и духовенством и в каждом его слове чувствуется жажда жизни и возвышенной деятельности, направленной для улучшения, жизни трудящегося человечества.

Из многообразных запросов, нашедших свое отражение в дневниках, — один мотив пронизывает все записи: это приглушенный протест против крепостного права, беспросветной российской отсталости, дикости, некультурности, азиатчины.

В самом деле: везде, начиная от Казани и кончая Иркутском, природа щедрой рукой разбросала дары свои. «Прекрасные леса, строевой сосняк, ель, берет за, а между тем плотничье искусство не велико, доставить бревна не умеют». «На Угу возвышенного берега выходит аспид, гранит, кварцу белого много валяется; земля черная, из которой можно добывать купорос и квасцы, а посуду делают худо — горшки делают в приказе, разваливаются, кирпичи тоже». «От Кии до Ачинска места прекраснейшие для хлебопашества и скотоводства — поляны, дубравы». «Около Красноярска находятся большие степи для хлебопашества удобные, а от Канского и до Удиска все мужики бедны, живут худо, промыслов мало». «Села Сабарки и Черемы приписаны к заводам Демидова за 250 и 280 верст... расстояние столь дальнее делает заводские работы отяготительными». «Покровских мужиков за неплатеж и недоимку податей посылают работать на винный завод, где работают и каторжные. Вся Томская округа приписана к колывановским заводам... и податей с души приходится более 7 руб.». «Сверх подушных денег крестьяне производят работу, ценою каждой душе на 2 р. 70 к. а платят буде сами не хотят от 12 до 15 руб. и самый радивой может оную (работу) едва окончить в 10 недель». Кроме этого пьяные офицеры всякого рода «чины и служивые люди» гоняют крестьян в подводы, берут взятки и не платят за корм. «Все это было бы хорошо, если бы Сибирь не была пустыней по части населения, но она долгое время

останется еще пустыней, неизменный порядок (крепостнический, добавим мы от себя) этого требует». В богатой Сибири всего много, а посельщики «весьма бедны и живут худо», «ходят бледные и оборванные». В селе Бояровке «много было посельщиков, но померли, а оставшиеся отданы за недоимку в завод».

А между тем, кругом, на тысячи километров раскинулись необычайные естественные богатства Сибири, ждущие разумной разработки. «Извилистое течение Иртыша представляет взору удивительнейшие панорамы, нескончаемые прерии, сады, рощи, луга и степи, перерезываемые озерами всевозможных форм и очертаний...» Но при всем этом Сибирь «долгое время еще останется пустыней по части населения»... «потребуются еще века — говорит Радищев в одном из писем к Воронцову, — но раз (Сибирь) будет заселена, то в один прекрасный день она сыграет большую роль в летописях мира... но для этого, — заканчивает он, — необходимо наложить на эту страну отпечаток благодетельной активности...». Для Радищева было ясно, что такая задача не под силу хищным колонизаторам и царским сатрапам.

Скоро ли кончится этот уныло-безотрадный пейзаж? Где же светлые точки? В чем же выход?

«В крутых логах мужик кажется богат. Из посельщиков (переселенцев) живущих иные довольно зажиточные. Плачевного зрелища старых и дряхлых становится гораздо меньше и можно предсказать, что если разорительная рука начальства Частного не прострет свое опустошение, если равняющаяся огню для сельского жителя, приписка к заводам не распространится на барабинских жителей, то благосостояние их будет лучше и лучше».

Радищев за наемный труд в промышленности против крепостного, а идеолог дворянства князь Щербатов — за крепостной. Купцы же в Екатерининской комиссии (1767), просили разрешения покупать деревни к заводам «по числу печей и станов».

Что представляет собой Илимск в экономическом и культурно-бытовом отношении?

Во времена воевод это был город — острог, обнесенный высокими стенами, с башнями и бойницами, куда прятались и откуда защищались царские власти от часто восстававших тунгусов. Ко времени пребывания там Радищева от всего острога осталось лишь несколько полуразрушенных башен. Расположенный в районе вечной мерзлоты, Илимск имеет суровый климат и природу бедную деревьями и не имеет удобных для хлебопашества равнин. Находясь в центре сообщающихся рек, Ангары и

Лены, он является удобным пристанищем для торговых караванов, следующих из Якутска в Иркутск.

«Во всем Илимске 45 дворов, в котором я живу является 46. Вместе с церковью и правлением эти дома составляют средину поселка. Кроме этих 45 домов еще находится приблизительно 15 пустых и необитаемых 3 на противоположном берегу реки.

Население состоит из мещан, казаков, и крестьян и не превосходит 250 душ обоего пола. Мещане имеют во главе ратушу, которая состоит из бургомистра. Казаки имеют сотника. Кроме того, здесь есть купец, который является служащим финансовой камеры для водки, здесь годичный имеется оклад приблизительно в 1 000 ведер, которые продаются вдоль Илимска; на расстоянии приблизительно от 400 до 500 верст население более 4 000 душ обоего пола».

«Здесь мало ремесленников... нет ни сапожника, ни портного, ни свечника, ни слесаря». В этом же письме Радищев жалеет, что в смысле ремесел он невежда, но, — продолжает он, — если ваше превосходительство захочет помочь несколькими книгами этого рода, то мое дело будет в шляпе».

Главное занятие немногочисленного населения — что охота на белку, после окончания которой все находятся в бездействии, «прерываемом обильным возлиянием Бахусу».

Итак, пять-шесть чиновников, да местный поп-вот и все «культурное» общество, с которым у Радищева не только не было положительного никаких общих интересов, но, пользуясь его положением ссыльного, они его всячески притесняли.

Мрачные предчувствия, переживаемые при отъезде на Иркутска, не обманули Радищева. Местное начальство все время домогалось от него подарков, угощения и взяток; эти «отбросы общества» полагали, что он сослан за взятки, считали его обладателем 40 000 рублей и говорили ему, «чтобы он открывал кубышку».

Когда домогательства становились невмоготу, Радищев снаряжал свою жену в Иркутск и просил покровительства иркутского генерал-губернатора.

По его распоряжению в Илимске Радищеву выстроили новый дом, в котором были все необходимые удобства. Здесь он сам сделал печь для плавки руды и перегонный куб для химических опытов, у него гнали водку, спирт и купоросное масло. Кроме того, он занимался деланием и обжиганием горшков.

Для облегчения своего существования он обзавелся необходимыми для содержания семьи, животными. Опыты по садоводству и огородничеству

не удавались. Суровый климат был тому причиною, но для содержания скота и показания примера в земледелии окружающему населению Радищев собирался выкорчевать участок леса.

Чем же занимался этот неугомонный и деятельный «Подвизатель Французской революции в России» в Илимском остроге? Когда идеологи английской и французской буржуазии, за свои литературные выступления попадали в Тоуэр или Бастилию, то они меньше всего были склонны заниматься религиозно-философскими вопросами. Интересы политической борьбы толкали их ум и фантазию на воинственное боевое творчество, где каждая строчка была проникнута революционным духом восходящего класса и звала возбужденные массы на борьбу со старым порядком.

Самые острые и ядовитые политические памфлеты Лильберна, Мильтона, Д. Дефо, Вольтера и Дидро были написаны ими в политических тюрьмах; правительственные запрещения и поповские заклинания были не в силах подавить идеи, ставшие «достоянием широких масс».

Совсем не то было в России.

Бодрые призывные памфлеты было писать не к кому. Сложившаяся обстановка больше располагала к религиозно-философским и научным занятиям.

В Илимском остроге Радищев развивает большую научно-исследовательскую и литературную деятельность. Здесь он написал философский трактат «О человеке, его смерти и бессмертии», экономическую работу «Письмо о китайском торге», «Очерк о приобретении Сибири» и все время вел переписку с графом Воронцовым.

В Илимском остроге Радищев занят литературными работами, чтением, научными прогулками, геологическими расколками, собиранием трав, изучением климата, врачеванием и ремеслами. Он внимательно следит за жизнью России; дает отзывы о прочитанных книгах и журналах, следит за событиями Великой французской революции, с похвалой отзываясь о Кондорсэ, пишет философский трактат, в котором разбирает сложнейшие философские проблемы, вместе с тем крепко стоит на земле и жадными глазами всматривается в окружающую его действительность.

Всматриваясь пристально в разнообразные окружающие его богатства, он высказывает необычайно талантливую и не осуществимую для того времени идею экономического районирования Сибири: «Перед глазами моими — пишет он Воронцову — прибита генеральная карта России, в коей Сибирь занимает почти три четверти. Хорошо, конечно, знать политическое разделение государства, но научней было бы сделать новое географическое разделение России, следуя в том чертам природою между

народами назначенными. Если бы Сибирь была разделена на округа естественностью обозначенные, то тогда бы из двух губерний вышла бы иногда одна, а из одной пять или шесть...» но будучи убежден, что не только осуществление этого плана не под силу самодержавию, но даже составление карты, — добавляет он иронически не исправников искусство, нужны головы и глаза Палласа, Георги, Лепехина, да без очков»...

По заданию председателя коммерц-коллегии и титулованного промышленника Воронцова, Радищев проделывает длинные экскурсии в окрестности Илимска, путешествует на реку Тунгу ему; разыскивает руду и плавит в собственной печи. «Ваше превосходительство, — пишет он, — право, когда говорит, что наша страна должна быть обильна копиями... Я уже имел честь писать Вашему превосходительству, что относительно этого (т. е. наличия медных копеек) может быть жители, которые живут близко от них и которые их знают, сохраняют глубокое молчание и мои поиски остались безрезультатными. Я надеюсь возобновить попытку и как только достану несколько кусков из копи, то произведу Опыты с помощью моей печи. В ожидании, что я смогу делать кое-что лучшее, я произвожу опыты над слюдой и глиной»

Радищев усиленно и настойчиво ищет железную и серебряную руду; между тем, хитрые сибиряки упорно скрывают от него место нахождения копеек.

Всматриваясь пристальней в повседневную жизнь жителей Сибири, он метко характеризует рутинность, косность, «идиотизм деревенской жизни».

«Во-первых, житель этой страны любит хитрость и обманывает насколько возможно даже тогда, когда его хорошо понятый интерес должен был бы заставить его любить правду... Во-вторых, что он удаляет от себя всякую новость, всякое соседство. Первое ему кажется тягостным, другое неудобным; счастливый в своей берлоге, он не любит вторжения общества... ведя изолированный образ жизни, он показывается среда ему подобных только для того, чтобы оглушить себя винными парами... Неограниченный хозяин своего охота и своих детей... он желал бы жить и умереть неизвестным...».

Но отрицательные стороны характера сибирских крестьян, скотоводов и звероловов не затмевают в глазах Радищева их угнетенного и нищенского состояния, причиной которого является эксплуатация крестьян скупщиками. В письме о «Китайском торге» он говорит, что «все сибирские крестьяне, за исключением барабинских посельщиков, живут лучше и изобильнее помещичьих крестьян (центральной России), едят мясо, а в пост рыбу. Но из этого не следует, чтобы они жили в изобилии. Один из 100

или 200 живет не в долг, другие все наемники и работают на давших им задатки. Всю свою добычу закупают заранее, а корыстолюбивые и немилосердные торговцы пользуются трудами и ими обогащаются».

Совершенно очевидно, что симпатии Радищева по-прежнему на стороне угнетенных, а не угнетателей.

В напряженном и разнообразном труде Радищев находил временное успокоение и «приближался, как он говорит, к духовному и физическому равновесию».

По своему любознательному характеру, настойчивости в выполнении! намеченной цели и редкой смелости, Радищев является прирожденным и бесстрашным путешественником, но согласно царского указа он должен был сидеть на одном месте, а за его поведением следили два унтер-офицера. В своих письмах он просит Воронцова добиться для него разрешения отлучаться от места ссылки! для изучения Сибири и пишет ему: «с самых ранних лет я чувствовал сильную страсть делать далекие путешествия и давно уже имел охоту знать Сибирь — мое желание исполнилось хотя можно сказать, очень жестоко. Чтение описаний великих явлений природы меня восхищало всегда.

Читая отчеты путешественников о Неаполе и Сицилии, я взбирался вместе с ними на Везувий и Этну. Мое сердце сжималось при рассказе о несчастях Каламбрии, но тайне я желал чувствовать себя на движущейся почве... Но если бы в другое время — я бы весело расстался с родными, детьми и знакомыми, чтобы странствовать с риском для жизни по далекой стране и видеть извержение вулкана, то в настоящее время я предпочел бы провести часок в обществе, которое для меня дорого, оставив всевозможные вулканы, не удостоив их даже взглядом».

Но все же бывают моменты, когда тоска по родине, детям и друзьям, незаслуженные обиды, повседневная нужда, придирки местного начальства и неопределенное состояние в будущем — выводят Радищева из терпения. Тогда он бросает химические опыты... берет перо и начинает изливать слезы «досады, боли и бешенства... Ах, сколько мотивов для этого!» восклицает он. В ответ на его жалобы сиятельный граф просит его не «печалиться», «набраться терпения и покаяться». «Побуждая меня к терпению и покорности, ваше превосходительство в последнем из ваших писем увещевает меня раскаяться в том, что я сделал, прибавляя при этом, что искренне и хорошо заметное раскаяние могло бы способствовать смягчению моего настоящего положения... Ах, — говорит он с досадой, — нужны ли еще унижения! Эти оковы, если они не затронули еще души, не запятнали сердца, разве они не достаточны (убедительны) для толпы...

Нужны ли поручения, что я не впаду вновь в ту же ошибку?».

Ниже мы увидим, что пятилетнее пребывание Радищева в Сибири не изменило его политических убеждений, а только загнало их во внутрь; при первом удобном случае они опять всплывут на поверхность общественной жизни. Вот почему он не мог дать Воронцову никаких гарантий в том, что он «вновь не впадет в ту же ошибку». Свои убеждения он не считал ошибкой и не намерен был от них отказываться.

Не находя достойного практического применения своим богатым духовным силам, Радищев погружался в литературную работу и не терял надежды на освобождение.

Большой запас знаний и житейская практика порядочная библиотека, давали ему возможность работать над экономическими и философскими вопросами.

К экономическим работам, написанным Радищевым в Сибири, относятся «Сокращенное повествование о приобретении Сибири» и «Письмо о китайском торге».

Если в первой работе Радищев ярко описал историю колонизации обширной и богатой Сибири русским торговым капиталом, то во второй он предлагает целый ряд практических мероприятий, которые должны превратить эту богатую пустыню в цветущую страну.

Тщательно разбирая статьи ввоза и вывоза Кяхтинского торгового поста, Радищев пришел к выводу о его невыгодности. Вот его аргументы: 1) главным источником «благополучия обширной России является хлебопашество... и скорое и беспрепятственное обращение собственного избыточества»; 2) от прекращения китайского торгового поста «много частной потери для иркутских купцов», в глазах которых «прибыль казенная не есть прибыль государственная»; 3) кяхтинский торговый пост не является основой «благополучия обширной Сибири и может заменяться другими выгодами, при производстве его (торга) не существующими»; 4) звериный промысел от прекращения торгового поста не уменьшился, «ибо — говорит он, — произведения оных находили полезные истоки не только внутри государства, Но и в чужих землях»; 5) кочевники бросают дикий образ жизни, оседают на земле, занимаются хлебопашеством, не бросая при этом звероловства как подсобной отрасли хозяйства.

И действительно, не прошло и трех лет со времени прекращения торгового поста, «как многие из поселян, увидев ненадежность звериного промысла, оставляют свои жилища и, простясь с лесами, переходят и селятся на местах изобильнейших». «Поселяне стали разводить лен в большом количестве, деревенские и городские бабы стали Прясть и ткать... В Таре и

Томске лен и полотно начинают составлять отрасль торговли». Это уже совсем хорошо. Он прямо говорит, что «подал бы совет правительству давать премии всем тем, которые желают оставлять жизнь лесную и: звероловную и селиться на местах плодоносных для упражнения в земледелии», но боится, что премии эти растекутся по карманам чиновников и что кроме злоупотреблений ничего из этого не выйдет.

Если главной статьей вывоза из России, «Кяхтинский торг питающей», являются произведения кочевой жизни (звероловство и скотоводство), которые по утверждению Радищева являются «прямым путем к невежеству», то главная статья ввоза из Китая — бумажные ткани, шелковые товары и шелк-сырец.

Какие же перемены произошли внутри страны от прекращения ввоза бумажных китайских товаров?

Во-первых, «бумажные китайские товары были заменены миткалем, полотном, нитяными тканями и крашениной ярославских и ивановских фабрик, отчего умножился расход в Сибири на русские полотна, пестряди, выбойку». «Если раньше, продолжает Радищев, простой народ Сибири ежегодно употреблял китайских даб на рубахи 2 000 000 аршин, фанзы до 300 000 аршин по цене более 200 000 рублей, то теперь весь этот ввоз заменен сибирским и российским холстом». «Запрещение иностранных мануфактурных произведений, — говорит он, — немедленно родит мануфактуры дома, а без этого внутренние рукоделия могут прейти в запустение».

Если бумажные ткани, по вышеразобранным причинам, ввозить невыгодно, то нельзя этого оказать в отношении ввоза китайского шелка-сырца и готовых шелковых тканей, которые китайцы должны делать по особому заказу по европейскому образцу. «Если полезно, говорит Радищев, благоспешествовать (покровительствовать) рукоделиям без разбору, то шелковым тканям надлежит отлично» потому что «шелковые рукоделия в России тем полезнее, что большею частью производятся сельскими жителями за их счет». Таким образом, привоз китайского шелка «способствует развитию шелкоткальных крестьянских станов», не отрывая сельских жителей от земледелия, доставляет им «довольственное пропитание». Кроме того, «китайские шелковые материи — говорит Радищев — можно продавать в подрыв европейским». Для этого только надо к китайским шелковым тканям «присовокупить европейскую форму». Тогда бы «обманутый в свою пользу покупатель приобретал прочные китайские товары вместо непрочных французских». Обманывать таким образом наивного покупателя не было бы надобности, если бы люди не

придавали такого большого значения форме, не вникая в содержание, но так как «мы довольно в том удостоверяемся ежечасно — говорит Радищев, — что доброта не только товара, но и моральных вещей основывается на мнении», то такой обман необходим.

Колонизация «обширнейшей Сибири» за счет оседания кочевого населения, превращения натурально-средневековых хозяйств с низкой производительностью труда, в товарно-производящие, расширение посевов зерновых и технических культур (пенька, лен), увеличение производства и внутреннего потребления фабрично-заводской продукции — короче: создание сырьевой базы и внутреннего рынка для отечественной промышленности, — вот социальная природа выгод, происходящих от «прекращения кяхтинского торга».

Мы все время говорили о Радищеве, как трезвом экономисте, который для своего времени правильно понимает ход экономического развития и предлагает практические мероприятия покровительственно-меркантильного характера, направленные на развитие внутреннего товарооборота и создание национального рынка. Между тем, мы должны иметь в виду, что Радищев параллельно с проповедью буржуазно-капиталистической системы старается облегчить судьбу и гнет большинства населения.

Эпиграфом ко всей экономической политике Радищева-утописта можно было бы взять следующее его положение:

«Если промысел, искусство и рукоделие какого бы рода ни было — говорит он — питает большое число людей, хотя бы оной меньшее число пускало капиталов в обращение или меньшее число производило числительных богатств, то искусство, рукоделие и проч. предпочтительнее тому, которое, обращая великие капиталы или производя больше богатств, меньшее число людей питает».

В этом отрывке сконцентрирована вся философия Радищева-утописта, до сих пор еще неосвободившегося от идеальных стремлений обленить судьбу землепашцев мерами капиталистического характера.

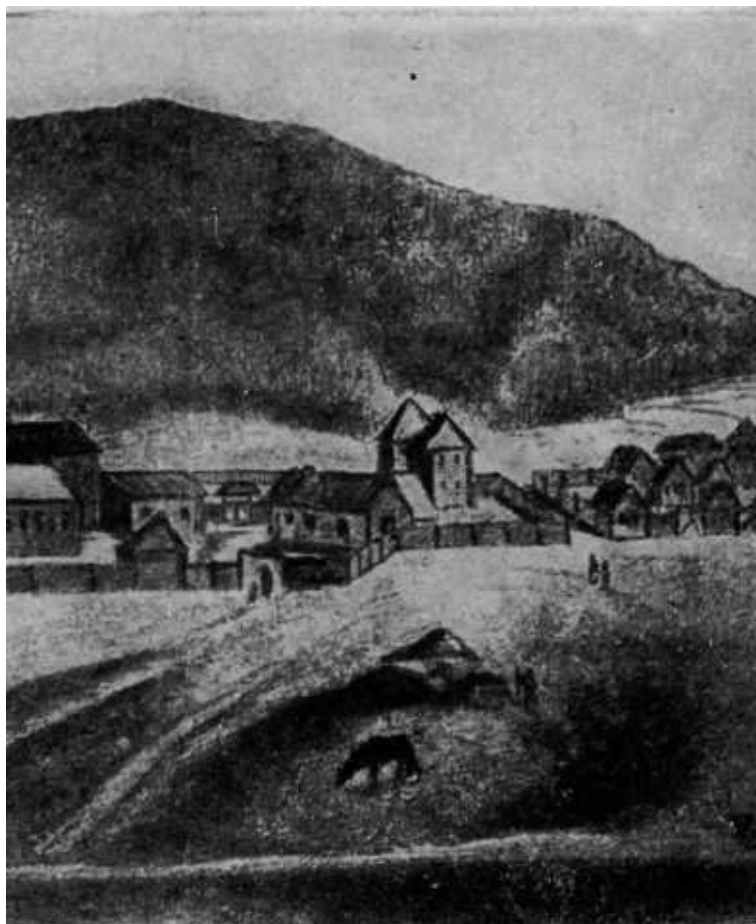
Исходя из этих ложно-утопических, хотя субъективно идеальных побуждений, он предлагает реакционную по своему содержанию, грубую и отсталую по форме эксплуатацию, — систему домашнего капиталистического производства. Комбинирование земледелия с домашним производством является его идеалом. Каждый крестьянин должен иметь ткацкий стан, и в свободное от полевых работ время должен заниматься ткачеством и другими рукоделиями. Он отрицательно относится к французским шелковым мануфактурам, где, по его мнению, за

счет 500 и 1 000 человек, добывающих себе «хлеб насущный, обогащаются два-три капиталиста». «Оставим — говорит он Воронцову — ту мысль, что теперь можно заводить мануфактуры на манер французских и английских», достаточно того, что «Лион уже опустел на счет разоряющих безначалием своим рукоделия свои». Пусть-де мол Запад разлагается, мы минуем путь мануфактурного развития и утвердим, как говорили позже народники, широкое народное производство. «Рукоделие всякое — говорит он — если оно его (крестьянина) не отлучает от земледелия, есть весьма полезно... следовательно и самые мануфактуры, фабрики, заводы, звериные промыслы, извозы поелику совершаются в зимнее время, суть весьма полезны, ибо долговременная наша зима, оставляя много праздного времени, не может лучше употреблена быть, как на что-нибудь полезное или нужное».

Таким образом, одной рукой он насаждает необходимые условия для успешного развития буржуазно-капиталистического строя в России, а другой — старается задержать это развитие на ступени домашнего производства и тем самым облегчить тяжелое положение трудящихся. Он искренно убежден, что такая форма производства, раздробляя прибыль между многими мелкими производителями, создает им «довольственное житье» и не обогащает одного за счет тысячи.

Радищев в своей философской работе «вооружается противу материализма», но «он охотнее излагает, чем опровергает доводы чистого афеизма» (Пушкин).

В своем трактате Радищев, исходя из субъективного желания (увидеть после смерти детей), доводами, «почерпнутыми не от разума, а от сердца и чувства», пытался доказать бессмертие души человеческой.

Илимский острог

Временный памятник Радищеву Поставленный в Москве в 1918 г. у Триумфальных ворот.

А между тем, материалисты, доводы которых он признает «блестящими и убедительными», доказывают, что

Нет после смерти ничего, и смерть —
Сама ничто: она пути земного,
Мгновенного, лишь крайняя мечта.

Сенека.

«О, ты желающий жить по смерти... — говорит Радищев устами материалиста — устремляй мысль твою, воспаряй воображение; ты мыслишь органом телесным. Как можешь представить себе, что-либо опричь телесности? Обнажи умствование свое от слов и звуков, телесность явится перед тобою всецела; ибо ты, она, все прочее — догадка». Рай и ад, бог и сатана, воскресение из мертвых и бессмертие души — все это

выдумки, изобретенные самим человеком в боязни перед смертью; плод невежественной толпы. «Верь, — говорит Радищев в конце всех этих размышлений, — по смерти все для тебя минуется и душа твоя исчезнет».

Таковы выводы о бессмертии души из блестящих доводов материалистов.

В соответствии с этими доводами Радищев развивает материалистическую теорию познания и считает, что «чувственный опыт является единственным источником наших знаний».

«При первом шаге, — говорит он, — в область не осязательную, находим мы суждения произвольные... заключение наше о бытии духов не иначе может быть, как вероятное, а не достоверное, а менее того ясное и очевидное».

«Увы — говорит он в другом месте, мы должны ходить ощупью, как скоро вознесемся превыше чувственного опыта».

Радищев сам чувствует неосновательность, ненаучность доводов о бессмертии души. «Рассуждения наши о бессмертии души — говорит он — воображению смежны». «Нелепость идеи, доказывающей возможность; вторые жизни» — для него очевидна, но субъективное желание найти самоутешение у него так велико, что он вопреки здравому смыслу говорит: «Пускай я брежу, но бред мой мое блаженство есть».

Не религиозный экстаз и идеалистическое мировоззрение побудили его доказывать бессмертие души, а желание увидеть детей и найти духовное самоутешение в своем одиночестве.

Социальная трагедия буржуазного идеолога дополнилась трагедией русского материалиста второй половины XVIII века.

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА РОДИНУ

Екатерина II скончалась от апоплексического удара 6 ноября 1796 года. В начале декабря известие о ее смерти дошло до Илимска, несказанно обрадовав Радищева и его семью: оно приносило надежду на скорое освобождение. «Елизавета Васильевна — сообщает Павел Радищев, — тотчас же стала собираться ехать в Петербург... Она хотела броситься к ногам императора Павла Петровича и просить прощения Радищеву», между тем, указ Павла об его освобождении состоялся еще 23 ноября 1796 года. Радищева в начале января уведомили из Иркутска об окончании ссылки.

Получив известие о помиловании, он написал такой экспромт:

Час преблаженный,
Час вожделенный!
Мы оставляем,
Мы покидаем
Илимска горы.
Берлоги, норы!

«Ну, маменька — говорит Радищев в восхищении, — поезжай в Россию! Все маленькое семейство падает на колени и проливает слезы радости, благодарит бога».

В рескрипте от 23 ноября Павел I «всемилоостивейше повелевал: Находящегося в Илимске на житье Александра Радищева оттуда освободить, а жить ему в своих деревнях, предписав начальнику губернии, где он пребывание иметь будет, чтобы наблюдаемо было за его поведением и перепискою».

Влиятельный и настойчивый граф добился освобождения Радищева из Сибири. Это можно было сделать сравнительно легко еще и потому, что Павел I не любил своей матери. Ставши царем, он освобождал всех государственных «преступников», сосланных Екатериной II, а ее любимцев ссылал в Сибирь.

Получив известие об освобождении, Радищев начал собираться в обратное путешествие в Россию.

20 февраля 1797 года он писал в дневнике путешествия из Сибири: «Распродав или раздав все в Илимске, на что употребил я 10 дней, мы выехали при стечении всех почти илимских жителей в 3 часа пополудни».

Тепло и ласково провожали Радищева илимские жители, в глазах которых он пользовался большим авторитетом и искренней любовью. С большинством из них он был близко знаком; оказывал им медицинскую помощь, ходил вместе на охоту и рыбную ловлю живо интересовался их повседневной жизнью. И если он плохо ладил «с отбросами общества» (местным начальством), то с простым народом*, за защиту интересов которого он пострадал, он находил общий язык, несмотря на разницу своего положения и умственное превосходство.

Кроме простого народа его провожало и местное начальство «одни из благопристойности, другие из-за боязни». Вновь назначенный заседатель, который несколько месяцев назад притеснял Радищева как ссыльного, всячески домогаясь взяток, узнав, что он помилован, приехал его проводить, с рабской покорностью кланялся Радищеву в ноги, просил прощения и умолял его пощадить, «он полагал — говорит сын Павел, — что Радищев едет прямо в министры».

Радостным, но преждевременно поседевшим и физически надломленным, Радищев возвращался в Россию. «О, колико возрадовалось сердце наше при отъезде из Илимска». Но временная радость омрачилась неожиданным несчастьем: В Тобольске умерла вторая жена Радищева Елизавета Васильевна. На 48 году своей жизни Радищев второй раз овдовел и был неутешно огорчен потерей своего «мужественного друга».

До последних дней своей жизни Радищев болезненно ощущал тяжесть этой утраты. Ему было несказанно жаль, что «жестокая судьба не захотела, чтобы та, которая помогала выносить мои несчастья, не разделила со мною сладостного удовлетворения возвращения на родину».

Радищев знал, что виной этой невозвратимой потери была самодержавная монархия Романовых. Окруженный несовершеннолетними сиротами, он писал своим старшим сыновьям в Киев: «Да, мои дорогие друзья, мы потеряли эту дорогую мать, которая заботилась о вашем детстве, но мы не могли жить счастливо с нею в вашем отечестве».

В Перми Радищев некоторое время пробыл в доме Пряшникова, с которым он был знаком еще по петербургской службе в сенате. Позже он встретился с ним в Комиссии составления законов при Александре I.

Из Перми Радищев отправился водою, по реке Каме до Волги, а потом Волгой до Н.-Новгорода. От Нижнего до Москвы он ехал на почтовых. Пробыв недолго в Москве, он уехал в сельцо Немцово.

Переезд из Илимска в Немцово продолжался шесть месяцев. В июне 1797 года Радищев вместе с семьей увидел себя, наконец, на «месте своего рождения».

«Ваше превосходительство не может себе представить той почти детской радости, которую я почувствовал видя, что я, наконец, достиг цели: все время, пока я был в дороге, и пока видел своего фельдъегеря со мною, я мнил себя еще в Илимске» — писал он Воронцову по приезде в Немцово.

Немцово досталось Радищеву в наследство от расстроенного имения его отца и находилось в Калужской губернии в 115 верстах от Москвы.

Суровой нуждой, бедностью и заботами о куске хлеба встретила Радищева родина, куда он стремился с таким болезненным нетерпением. Долголетняя ссылка, смерть второй жены, притеснение заимодавцев и бытовая обстановка, лишенная всякого уюта и привлекательности — вот что нашел Радищев по возвращению на родину. «Немцово я нашел в великом расстройстве и можно сказать в разорении!.. Каменного дома развалились даже стены... я живу в лачуге, в которую сквозь соломенную крышу течет, а вчерась чуть; бог спас от пожара; над печью загорелось... Сад вызяб, подсадки не было, забора нет... Немцово заложено в банке и оброк весь идет туда... Мурзино все вырублено, Дуркино продано, Кривское также; а между тем долгу моего не оплачено ни мало. Абладовых долг на мне, банковый на мне, Тухачевских и Кашталинских тоже на мне... Я пишу вам в отчаянии, — продолжал он, — в Илимске я жил милостыней, а здесь чем буду жить не ведаю».

Положение Радищева по приезде в Немцово было настолько тяжелым и безвыходным, что он начинал жалеть об Илимском остроге. «Ах, любезный мой, — писал он Ушакову, — если можешь верить моему слову, то верь, что я несчастливей себя теперь чувствую, нежели, как то я был в Илимске».

Два старшие сына Радищева служили офицерами в кавалерийском полку, находящемся: в то время в Киеве. Узнав о возвращении из ссылки, они подали прошение об отставке; их просьба была удовлетворена, но они не имели денег на проезд. В одном из своих писем Радищев просил Воронцова выслать им 100 рублей, писал, что «находясь в деревне я не нахожу в своем распоряжении столь скромной суммы...», доставшаяся от отца деревня давала ежегодно дохода 800 рублей, сумма едва достаточная для покрытия процентов банка. Радищеву также не удалось получить деньги, отданные на хранение отцу его второй женой.

Положение с каждым годом все ухудшалось, долги стремительно увеличивались; и не было никакой надежды избавиться от докучливых

заимодавцев. Продажей своего дома в Петербурге Радищев думал хоть немного поправить свое тяжелое материальное положение. Но провозвестник буржуазной идеологии был плохой практический делец и до самой смерти не мог выпутаться из долгов.

В удрученном состоянии духа он просил Воронцова «помочь ему еще один, последний раз... от продажи своего дома, за который я должен был получить 10 000 мне не досталось ни одной копейки. 2 000 рублей ушло на содержание продавцов и посредников. Из реальных 8 000 рублей я получил 5 000 векселями, погашаемыми в три года, остальные 3 000 недоброеизвестный покупатель имел ловкость дать векселями на человека, имущество которого находится в опеке. Это повлекло за собой судебный процесс, издержки и пр. В отягощение всех моих несчастий меня заставляют платить за растрату одного продавца соли из Олонеца, в которой я нимало не повинен»¹⁸⁸.

Было отчего притти в удручение. Но Радищев старается с философским равнодушием относиться к повседневным нуждам и заботам, крепится и не падает духом. «Чтобы хоть немного отвлечься от своего тяжелого положения я, — говорит он, — призываю на помощь всю мою философию и риторику; я делаю рассуждения и силогмы всех родов... И увы! вопреки Панглосу, прихожу к выводу, что мы живем далеко не в лучшем из возможных миров... Ах, — продолжал он, — несмотря на всю ясность души, которую философия нам уделяет, несмотря на воспоминания о жизни, которой все превратности могут только быть следствием экзальтированной чувствительности, человек всегда платит дань слабости человеческой и совершенный стоицизм является химерой или по меньшей мере философскою гордостью. Иначе Эмпедокл не бросился бы в Этну, Диоген — оставил бы свою бочку, Марк Аврелий не поставил бы храма Антиною и Руссо не писал бы музыки».

При всем своем до безвыходности тяжелом материальном и моральном состоянии Радищев не теряет присутствия духа и для успокоения себя и Воронцова пишет, что, несмотря на все затруднения... «я живу спокойно и жирею». В своей характеристике он объясняет это странностью своего характера: «Я, — говорит он, — довольно-таки смешное существо... в настоящее время, после того, как я испытал все усталости тела... все пытки духа, я более бодр, более радостен, более светел и смотрю на вещи с их наиболее светлой стороны, тогда как раньше все мне казалось покрытым тенью... Вот каким я был, вот каков я есть: более веселый, когда я чувствую больше страданий, более хмурый, когда я слишком спокоен».

В Немцово к Радищеву приехали его старшие два сына. За семилетнюю разлуку они так изменились, что при первой встрече отец их не узнал и принял за гусаров, наблюдавших за его поведением и перепиской в Немцове [\[22\]](#).

Как и в Сибири, в Немцове Радищев не может сидеть сложа руки. Он производит химические опыты над почвой, изучает экономику окружающих его крестьянских хозяйств, занимается посевом кормовых трав и технических культур.

В своем письме к брату в Архангельск он просит его, через английских купцов достать и выслать ему «семян кормовых трав trefle хороших сортов «пшеницы, да косу косить хлеба и другую траву».

Занимаясь сельским хозяйством! он, вместе с тем, не оставляет литературной работы. В Немцове он написал «Песни исторические», повесть богатырскую «Бова» и экономическую работу «Описание моего владения».

В своих «песнях» Радищев излагает и делает оценку, с точки зрения абсолютного разума и общечеловеческой добродетели, историческим событиям древней Греции и Рима (от израильского царства Моисея до Марка Аврелия).

В пестром историческом калейдоскопе событий, перед нами проходят внутренние государственные перевороты, республиканские заговоры, цареубийства, казни и национальные войны. Монархические герои (Август, Кир, Сулла, Нерон) сменяются мужественными республиканцами (братья Гракхи, Курций, Сцевола, Брут); религиозные жрецы, авгуры [\[23\]](#) и прорицатели — философскими атеистами, учеными астрономами. В беспрерывном историческом круговороте явлений тирания монархов сменяется республиканскими вольностями; во всей истории мы видим «иль неистовство иль зверство»; разум человеческий, по мнению

Радищева, не в силах разгадать этого сфинкса истории. «Во всех повестях народных, — говорит он, — зрим перемены непонятны». История движется в заколдованном кругу повторяемости явлений.

«История всего предшествующего общества есть история борьбы классов».

Для Радищева же не существует деления общества на классы, как самого понятия класс. Вот почему борьбу между монархическими и демократическими республиками он рассматривает не как борьбу между бедными и богатыми, а как борьбу между «добром и злом», «невежеством и просвещением», «эгоизмом и добродетелью».

Вот почему история человечества кажется Радищеву вереницей бессмысленных насилий, происходящих в результате вечной вражды между «добром и злом» и совершающихся в вечно однородном, постоянно сызнова повторяющемся круге. «Из мучительства, — говорит он, — рождается вольность, из вольности — рабство».

Сей был и есть закон природы,
Неизменяемый никогда,
Ему подвластны все народы,
Незримо правит он всегда:
Мучительство, стряся пределы.
Отравы полны свои стрелы,
В себя не ведая, вонзит;
Равенство казнию восставит;
Едину власть, вселясь, раздавит;
Обидой право обновит.

Свобода, явившись в результате чрезмерного угнетения, дойдет до своего совершенства, «несчастных жребий облегчит» и «ярче солнце возблестает», но не надолго.

Но корень благ твой истощится,
Свобода в наглость превратится,
И власти под ярмом падет.

Таковы коротко историко-философские взгляды Радищева. Но с другой стороны, в своей исторической песни, вызывая тени прошлых героев, он одевает их в современный ему наряд. Такова его повесть «Бова». Он, выражаясь словами Маркса, «заимствует у древних имена, боевые лозунги и костюм» для того, чтобы «в освященном древностью наряде разыграть новый акт всемирной истории». «В классически строгих преданиях римской республики — говорит Маркс — борцы за буржуазное общество нашли идеалы и искусственные формы, иллюзии, необходимые им для Я того, чтобы скрыть от самих себя буржуазно — ограниченное содержание своей борьбы, чтобы удержать свое воодушевление на высоте великой исторической трагедии».

В своей статье о Радищеве Пушкин дает такой отзыв богатырской

повести «Бова». «Жаль, — говорит он, — что в «Бове» нет и тени народности, необходимой в произведениях такого рода, но Радищев думал подражать Вольтеру потому, что он вечно кому-нибудь подражал».

Пушкин осуждает Радищева за то, что тот подражал Вольтеру. Между тем, подражание Вольтеру и является ценным в политической сатире, в которой Радищев и не собирался воспевать народного «Бову».

Иносказательно, в аллегорической форме, он хотел высмеять развращенные нравы Екатерининского двора, используя для этого форму популярной народной сказки, наполнив ее новым содержанием. По замыслу Радищева это должен быть «Бова нового покроя».

Вы Бову хотя видали.
Но в старинном то кафтане
Во рассказах няни, мамы
Иль печатного... но дядькин
Бова — нового покроя,
Зане дядька мой любезный
Человек был просвещенный.

В своем вступлении к повести Радищев обращается за помощью к Вольтеру и хочет, чтобы его «Бова» в России сыграл такую же социальную роль, как «Орлеанская девственница» во Франции.

О Вольтер, о муж преславный!
Если б можно Бове было
Быть похожу и кое-как
На Жанету, девку храбру,
Что воспеты; хоть мизинца
Ея стоит, — если б можно,
Чтоб сказали, Бова только
Тоща тень ея — довольно —
То бы тень была Вольтера,
И мой образ изваянный
Возгнездился б в Пантеоне.

Но Радищев боится, как бы его «Бову» не постигла печальная участь романов французской сентиментальной писательницы Жанлисс.

Но боюсь, твоя участь
Будет равная с Жанлиссой
По передним волочиться.

Таков замысел «Бовы», от которого до нас дошло только вступление и план всей повести.

Не меньший политический и научный интерес представляет собой работа Радищева «Описание моего владения».

Разобрав химический состав почвы и способы ее обработки, автор произвел подробные подсчеты годовых затрат крестьян в земледелии и прибыли, получаемой в результате годового оборота капитала и пришел при этом к мрачным выводам относительно состояния «земледелия и земледельцев в своем владении и России вообще».

«Земледельцы и земледельчество — говорит он — находятся в весьма худом состоянии». «Первое неудобство — это «отсутствие порядочного землеустройства» и как результат «чересполосное владение» («чересполосица»). «Огородничество и скотоводство находятся в совершенном упадке и запущении». «Позади селения пространные огороды, а огородных овощей совсем мало». «Лошади опричь месива ничего не знают, а потому бывают тощи, хотя бы и хорошей породы», «скотина вся очень малоросла и нехорошей породы... При худом корме молока дает на самую нужду». «Овец держат не в приборе, отчего и шерсть жестковата». «Двор покрытый — весной и осенью очень грязный».

Земля обрабатывается самыми примитивными и «бесхитростными» орудиями: соха и борона — деревянные, заступ, серп, коса и грабли». Вот почему, говорит Радищев, «если крестьянин не семянист, то он близко до того, чтобы быть нищим». А хуже всего то, что земледелец «всякому новому заведению противится, чему являются причиной и предрассуждения и малые крестьянские капиталы и нерадивость хлебопашцев».

Где же коренится причина тому обстоятельству, что «хлеба родится мало»? Что «малы крестьянские капиталы»? Что «земледелие и землепашцы находятся в весьма худом состоянии»?

Такие «просвещенные» помещики, как Щербатов или Андрей Болотов сказали бы, что причиной этого является «непостоянство, обленчивость и худые нравы самих крестьян, которые больше склонны к разгульной жизни, а не к трудолюбию и стяжательству».

Ученик же Гельвеция и Руссо — Радищев — говорит, что причиной

этого являются помещики-крепостники.

«Если мы рассмотрим состояние земледельца в подробности, — говорит он, — то величайшие его отношения и обязанности состоят против его господина: 1 — сей может его продать оптом или подробно; не шуткою сие сказано, ибо сия подробность может быть такова, что дочь от матери, сын от отца и, может быть, жена от мужа продается. Но с публичного торгу только в розницу продавать запрещено, а оптом. Есть экономы, которые изнузив земледельца работою, продают его остальные силы. 2 — Господин может его заставить работать сколько хочет. Ныне только запрещено работать по воскресеньям и советом: оказано, что довольно трех дней на господскую работу; но на нынешнее время законоположение сие не великое будет иметь действие, ибо (в нем) состояние ни земледельца, ни дворового не определено. 3 — Господин может его наказывать по своему рассмотрению, он судия его и исполнитель своих приговоров. 4 — Господин есть господин его имения и детей его (и то и другое) дает и отъемлет по своей воле. 6 — Распоряжает браками и спаряет, как хочет; следовательно, — заключает он, — земледелец есть раб в сем отношении совершенно... В отношении государства он должен жить на одном месте, отдавать рекрут всякого рода... Но кажется, поскольку селянин платит подать, то он для удовлетворения тому-должен иметь собственность и проч...».

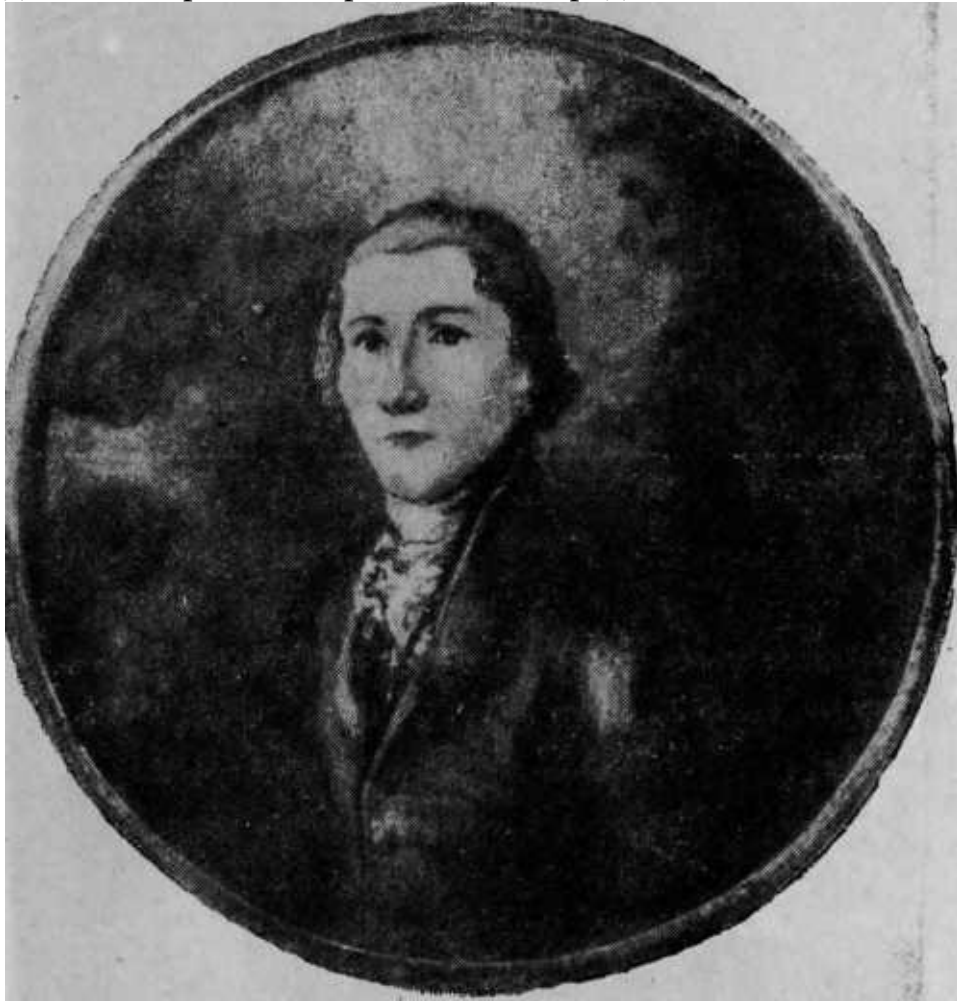
Экономическое и духовное рабство, распространяющееся на имущество и личность крестьянина — вот причина «худого состояния земледелия и землепашцев в России».

Такое заключение тем более важно, что высказано оно Радищевым после ссылки. Но распространяться об этом подробно после пятилетнего пребывания в Илимском остроге опасно. Вот почему Радищев, сказав об этой основной причине как бы мимоходом, продолжает описывать химический состав почвы, «способ возделывания оной».

Литературные работы, написанные в Немцове, — это своеобразная атака Радищева на крепостное право, но не лобовая, прямая и открыто нападающая, какая была в период «Путешествия», а обходная и замаскированная.

Если в «Исторической песне» он вызывает тени давно умерших героев для воодушевления живых на борьбу за новый общественный строй, а в «богатырской повести Бова», укрывшись за безобидной сюжет народной сказки, высмеивает развращенные нравы Екатерининского двора, то в «Описании моего владения» он сухими экономическими расчетами доказывает невыгодность крепостного труда. Но крепостники по-своему

понимали «собственную пользу». Одержав победу в Комиссии сочинения нового уложения (1767), подавив пугачевское восстание, они крепко держались за крепостное право, расширяя его вширь и вглубь. Потребовалось ровно полстолетия для того, чтобы под влиянием непрекращающихся крестьянских восстаний, позорного поражения России в Крымской войне, правительство и помещики убедились в невозможности и невыгодности сохранения крепостных порядков.

Александр Радищев С портрета неизвестного художника конца XVIII века

Напрасно Кутузов, лейпцигский товарищ Радищева, утешал себя надеждой на нравственное перерождение автора «Путешествия» после ссылки. «Теперь, — писал он ему в 1796 году, — может быть многое представится тебе в новом виде и, кто знает, не переменишь ли ты образа твоего мыслить (разр. наша) и не откроешь ли многих истин, о которых ты раньше не имел ни малейшего подозрения».

К политической чести Радищева надо сказать, что и после возвращения его из ссылки, он «не переменял образа мыслить», а крепостнические «истины» по-прежнему казались ему отвратительной ложью.

Все это самым мучительным образом отзывалось на его духовном состоянии, он по-прежнему был одинок в своих политических стремлениях, и не видел той общественной силы, при помощи которой можно добиться освобождения крестьян. Этой силы, как мы уже не раз отмечали, в ту пору и не было. Отсюда: с одной стороны, полунадежды на освобождение крестьян сверху и работа в комиссии составления законов при Александре I, с другой — неверие в такую реформу, пессимизм, переходящий в сознание бессмысленности существования, — «коль все потеряно, когда надежды нет».

До самого конца жизни Радищева в обстановке России ничего существенного не изменилось; в ней не было ничего такого, что по его словам «утешение надежды вливало бы в душу скорбящую»; вот почему надежды у него сменяются сомнением, переходящим в пессимизм, и находят свое выражение, с одной стороны в развитии критического отношения к общественной жизни (разочарование в силе разума и совершенном законодательстве), а с другой — эта критическая деятельность не находит положительного выхода, не находит перспективы и движется в заколдованном кругу своеобразной диалектики, согласно которой «из притеснения рождается вольность, а потом вольность превращается в рабство».

Материальная нужда и приближение преждевременной старости углубили и без того тяжелое положение Радищева.

В своих прошениях к Павлу относительно разрешения посетить родителей в Саратовской губернии, Радищев, превознося милости императора, писал: «На пятидесятом году от рождения я не могу надеяться на долголетие дней моих, ибо горести и печали умалили силы естественные. Взглянув на меня, всяк сказать может, насколько старость предварила мои лета».

И действительно, к этому времени Радищев испил до конца чашу горестей и печали.

В своем послании к неизвестному другу он так характеризует общественный суд над собой:

В одежде дружества злодеи предстояли;
Вслед честолюбию забот собранье шло;

Злодейство — правый суд и судию кляло;
Злоречие, нося бесстрастия личину,
И непорочнейшим делам моим причину
Коварну, смрадную старалось приписать,
И добродетели порочный вид придать.

Письмо Радищева к Павлу I

И вот после такого действительно несправедливого суда и коварного приговора, лишенный друзей и чад, он вынужден был

«Скитаться по лесам в пустынях осужденный
Претящей властью ото всюду окруженный».

Это стихотворение, в котором Радищев не только не признает свою книгу и вею критику самодержавия ошибкой, а наоборот — считает свою деятельность, выражением добродетели в широком смысле этого слова, заканчивается словами, полными пессимизма и разочарования.

На что мне жить, когда мой век стал бесполезен!

Чем меньше утешения и надежды Радищев находил на земле, тем чаще устремлял он свои утомленные взоры на небо.

Любители добра, ужель надежды нет?
Мужайтесь, бодрствуйте и смело протекайте
Сей краткой жизни путь. На он пол * поступайте
Там лучшая страна, там мир во век живет,
Там юность вечная, блаженство там вас ждет

В этом звучит трагизм одинокого человека, поднявшегося над общественным сознанием своего класса и гибнущего из-за отсутствия необходимых социальных связей с этим классом, из-за отсутствия идейной и моральной поддержки.

Эту трагическую ситуацию Радищев разрешил своим самоубийством. Но, прежде чем собственной рукой прервать несносную и ненужную жизнь, он еще раз пытался хоть частично осуществить свои политические идеалы. Это была последняя и роковая остановка на жизненном пути Радищева.

ПОСЛЕДНЯЯ НАДЕЖДА

Павел I — говорит Покровский — был подвергнут той же участи, какую испытал Петр III, его отец».

11 марта 1801 года он был убит гвардейскими офицерами в укрепленном замке, куда он спрятался от кошмарных видений французской революции и внутренних заговоров.

«После сыноубийцы и мужеубийцы, на русском троне оказался отцеубийца». (Покровский).

Непрекращающиеся крестьянские волнения заставили Павла I ознаменовать свое восшествие на престол указом об ограничении трехдневным сроком времени работы крестьян на барщине, о запрещении работать в воскресные дни. Но в этом указе, по выражению Радищева, «состояние ни земледельца, ни дворового не определено». Кроме того, Павел решил провести реорганизацию законодательства, для чего была составлена комиссия под председательством графа Завадовского, приступившая к своей работе только при Александре I. Комиссия начала работать под непосредственным наблюдением самого императора, что давало повод простодушной и наивной публике возлагать на нее преувеличенные надежды.

В. П. Семенников ошибочно считает, что работа комиссии тормозилась «старыми искусившимися в канцелярских делах чиновниками, совершенно неспособными к проявлению какого-нибудь творческого духа».

Беда была, конечно, не в этом. В составе комиссии были такие люди, как Радищев, Сперанский, М. Д. Чулков, у которых было достаточно «творческого духа». Но прогрессивно-буржуазная тенденция парализовалась наличием в комиссии убежденных крепостников типа Завадовского, Ананьевского и др.

Само собой разумеется, что коренную реорганизацию законодательства нельзя было провести, оставляя нетронутым институт крепостного права. Между тем, александровская комиссия, так же как и знаменитая екатерининская (1767 г.), ходила вокруг крепостного права, как кот около горячей каши, я ограничивала свою работу громкими фразами и широковещательными обещаниями.

Если, выражаясь словами Семенникова, в комиссии, по весьма понятным причинам, «не хватило творческого духа» для реорганизации

законодательства, то у нее хватило духа, чтобы похоронить проект реорганизации, предложенный Радищевым, а позже Сперанским.

Итак, после ссылки и пятилетней жизни в селе Немцове Радищев в 1801 году при содействии графа Воронцова, поступает на работу в комиссию сочинения законов.

Председатель комиссии, граф Завадовский, писал Александру I, что: «В комиссии сочинения законов не довольно людей со способностями на сию саму по себе пространную часть, коллежский советник Александр Радищев мог бы в сей работе быть полезен по своим дарованиям, и склонности к письменному труду... Отнюдь не умысел, как известно многим, а неосмотрительность и некое легкомыслие подвергнули его бедам за сочинение, выпущенное не ко времени». Объясняя выпуск «Путешествия» «неосмотрительным легкомыслием», граф при этом уверял Александра, что «избавленный (из ссылки) монаршим помилованием (он) потщится усердною службою оправдать милость» царя и загладить грехи молодости. Радищеву было определено годовое жалованье в 1 500 рублей. Ему возвратили дворянство, знаки и ордена, и в сентябре месяце он приступил к работе.

Надо оказать, что своей работой в комиссии Радищев не оправдал доверия крепостника Завадовского — но зато он оправдал отзыв Сперанского. «Радищев, — писал Сперанский, — может с совершенным успехом составить историю законов, творение необходимое и в коем, по дарованиям его и сведениям, он может много пролить свету на тьму, нас облегающую». Дальше он добавлял, что «в составлении сей истории не худо будет дать ему (Радищеву) особенно заметить, чтоб углубился он розысканиями — каким образом обычай укреплять превратился в право и в каком положении сей род людей (крестьян) был в России при разных ее превращениях... Я не говорю здесь — продолжает он — о высших предметах, как то: об отношении крестьян к помещикам, т. е. об отношении миллионов, составляющих полезнейшую часть империи к горсти захвативших бог знает почему и для чего все права и преимущества... сии предметы относятся более к конституции, хотя нельзя будет пропустить их и в уложении» (речь идет о крепостном праве).

Из записки «о законоположении» и законодательного «проекта» видно, что Радищев «не пропустил» «предметов» крепостного права. Но если Сперанский за свои конституционные попытки поплатился; ссылкой, то Радищеву это стоило жизни.

К работе в комиссии Радищев приступил с ясным сознанием того, что в человеческом обществе нет «единого мнения» и что все известные нам

(общества) «наполнены многими противоречиями во нравах и обычаях, законах и добродетелях. И оттого становится трудным исполнение должности человека и гражданина, ибо нередко они находятся в совершенной противоположности» (в противоречии). Что «когда между народами возникают вражды, когда ненависть или корысть устремляют их друг на друга (тогда), судия их есть меч (а не закон)», что, наконец, «право без силы было; всегда в исполнении почитаемо пустым словом... о чем свидетельствуют примеры всех времен»

Набожный и простоватый член комиссии Ильинский так описывает поведение Радищева в комиссии: «Он как я приметил, на все взирал с, критикую... и когда мы рассматривали сенатские дела и законы, то он при каждом заключении не соглашался с нами, прилагал свое мнение, основываясь при этом единственно на философическом свободомыслии». «Ему — продолжает Ильинский — казалось все недостаточным и не заслуживающим внимания, все обряды и обычаи», нравы и постановления — глупыми и отягчающими народ».

Совершенно очевидно, что Радищев видел всю бесполезность бюрократической работы комиссии, но материальная нужда, преследовавшая Радищева после ссылки ^[24]), заставляла его работать в комиссии, и тем не менее в этой работе он не продал за деньги свои обширные знания и идейные убеждения.

Для более подробного знакомства с европейским законодательством Радищев просил командировать его в Англию, но в поездке было отказано, якобы за неимением специальных ассигнований. Крепостники понимали, что Англия того времени находилась далеко от России не столько географически, сколько политически.

Чем же характерны предсмертные литературные труды Радищева?

Реорганизацию «обветшалого российского законодательства» он хочет провести, учитывая «благоденствие народное» — прежде всего. При этом — говорит он — «необходимо презреть негодование некоторых неистовых самолюбцев для пользы миллионов, необходимо сокрушить неясность прежних узаконений, низвергнуть ненависть чиновостояния разделяющую, воздвигнуть закон для всех единый, в действиях своих неминуемый, в изречениях неумолимый... Тогда блаженство народное не будет задачею отдаваемой на решение одних только любителей человечества».

Разбирая дальше законодательную деятельность Петра I и Екатерины II, он говорит, что они «издавали только частные узаконения, но дело главное и основное всему оставили незавершенным».

«Правила их (Петра I и Екатерины II) были всегда шатки и ненадежны

или же сами по себе противоречащие. Писателю Российской империи — замечает он иронически, — в сем отношении обильная будет подлежать жатва».

Делая перечень разных преступлений, Радищев пишет: «В особой статье должно показать преступление судей и градоначальников. В России зло сие обширный и глубокий пустило корень»... «Сего рода ведомости, хотя и покажут много, но еще больше можно было бы узнать от беспристрастного независимого путешественника, который бы проехал по России, не побоялся сильных мира сего и дал картину преступающих в злоупотреблении властью».

Лучшей картины «злоупотребления властью», которую нарисовал Радищев в своем «Путешествии из Петербурга в Москву» двенадцать лет назад, нарисовать трудно. Мы знаем, как дорого он заплатил за свое литературное «путешествие» и теперь вряд ли бы нашелся еще такой смелый и решительный путешественник. Но важно все-таки заметить, что перед самым концом своей жизни Радищев считает свою книгу не только правильной, но высказывает желание проделать действительное путешествие, чтобы показать, как мало изменилась обстановка за двенадцать лет.

В своей записке «О законоположении» он ставит задачей выяснение тех «причин и побуждений», которые порождают, преступления и ведут к нарушению законов. Коротко их можно свести к следующим основным вопросам: наряду с ведомостями о преступлениях разного рода (частных, гражданских, злоупотребления начальства, — взятки, волокита); о количестве людей в тюрьмах, под стражею, в ссылке; о тяжбах: по движимым и недвижимым имениям; а) по наследству, б) по духовным завещаниям, в) по ложным или неправильным купчим, г) по владениям, захваченным насильно и т. д. и т. д. «Нужно ускорить, — говорит он, — обор сведений о делах межевых, в которых особо следует показать судебные дела, возникающие в связи с чересполосным владением». Дальше идут сведения о делах, подлежащих «духовным правительствам».

«О подрядах по различным наименованиям». О налогах и сборах натурою, по губерниям и округам. (Рекрутские наборы, содержание дорог, полиции и т. д.).

«Из сих ведомостей — говорит он — ясно увидеть можно, что народ терпит не зная точно, что и сколько платить должен». Дальше в записке Радищева идут сведения о количестве народа по губерниям; о количестве земель с указанием, где и какого свойства земля и как «обрабатывается она»; о заводах, рукоделиях и других фабриках; о количестве банков, о

числе монеты и капиталов; о заложенных имениях и сумме предложенных и протестованных векселей, о мерах для сохранения безопасности и тишины, о числе докторов, больниц, аптек, о школах, учителях к методах преподавания, о количестве увеселительных домов, кофеен, трактиров и публичных домов, о типографиях и запрещенных книгах и проч. и проч.

Сведения эти должны охватить отрезок времени с 1700–1802 гг. и разбиваются на четыре периода:

I. С 1700 года до вступления на престол Елизаветы.

II. Царствование Елизаветы.

III. Со времени кончины Елизаветы до кончины Екатерины II, и наконец

IV. Со дня кончины Екатерины до 1802 года.

Словом, эта записка ставила своей целью выяснение настоящего социально-и культурно-бытового состояния страны, эти документы с мест должны показать болезни, нужды и притеснение народа за целое столетие и явиться основой для составления законов в «истинно народном духе».

В проекте гражданского уложения Радищев изложил свои прежние взгляды на крепостное право. Всем своим острием проект натравлен против феодально-крепостнической собственности, против феодального неравенства за буржуазное «равенство».

Естественное право, являющееся теоретической основой проекта, Радищев рассматривает как право крестьян владеть частной собственностью.

Если для князя Щербатова (идеолога крепостников) естественное право — это право «единому дворянству» владеть всеми «естественными богатствами, землей, лесами, рудами и крестьянами», живущими на этой земле, то для Радищева (идеолога буржуазии) естественное право — это право крестьян владеть частной собственностью наравне с дворянами, если даже не исключительное и преимущественное перед дворянами.

«В начале общества — говорит Радищев, — (вероятно до появления частной собственности на земле — М. Ж.) тот, кто ниву обрабатывал, тот имел на владение ею право и обрабатывающий ее (землю) пользовался ею исключительно». «Но насколько мы удалились, — продолжает он, — от первоначального (естественного) положения, относительно овладения. У нас тот, кто естественное к оному (владению) имеет право не токмо от того исключен совершенно, но, работая ниву чужую, зрит пропитание свое зависящее от власти другого» (т. е. помещика). Отсюда настоятельное требование Радищева узаконить буржуазную крестьянскую собственность. В «Проекте гражданского уложения» он прямо пишет, что «собственность

один из предметов, которые человек имел в виду, вступая в общество; собственность стала посредством одного такая гражданина предлежность, что умалить права его на одну было бы истинное нарушение начального общественного договора». Задачи правительства и закона в этом случае сводятся к защите «собственной сохранности граждан и их благосостояния». «Правительство, — говорит он, — это блюститель прав собственности, на начальном договоре основывающихся». Узаконение частной собственности за крестьянами это основное требование проекта. Из него же вытекают и все остальные: равенство граждан перед законом, гражданская свобода для крестьян («быть судимыми себе равными»). Отмена табели о рангах, веротерпимость, задачи государственного и семейного воспитания и проч.

Разбирая вопрос об «удовлетворении за нанесение оскорбления», Радищев говорит, что «удовлетворение за оскорбление телесное закон должен оставить на волю обиженного... Из такого распоряжения в законе выйдет величайшее в некоторых отношениях добро, ибо через оное изведется из унижения и презрения большая часть народа, на которую высшие и богатые состояния взирают всегда с презрением. Всякий обиженный будет судить сам о сделанном ему оскорблении, и от него зависеть может воздать обижающему тем же, чем он его обидел. Намеряющийся учинить обиду простолюдину (мужу от народа) воздержится и не захочет разрушать закона».

Комментарии излишни. Стоит лишь себе представить, что бы значил такой закон на практике для «богатых».

НЕ САМОУБИЙСТВО, А УБИЙСТВО

Своими предсмертными работами в Александровской комиссии Радищев доказал, что значили для него убеждения. Переживши ужасы приговоренного к смертной казни, моральные пытки одиночества в неравной борьбе, долголетнюю ссылку в снежной Сибири, преследуемый нуждой, всеми покинутый, он вместе с тем не отступил от своих убеждений и до последнего дня защищал «страждущее человечество», твердо веря в конечное торжество разума. «Истина, — говорит он, — есть высшее для меня божество и если бы всемогущий восхотел изменить ее образ, являясь не с ней — лицо мое будет от него отвращено».

Самоубийство Радищева было заранее predetermined и обусловлено совокупностью социально-политических обстоятельств, среди которых ему приходилось выступать. Угрозы же графа Завадовского явились лишь последней каплей, переполнившей чашу скорби.

За десять с лишком лет до трагического конца Радищев обосновал необходимость самоубийства. «Если, — говорит он устами крестецкого дворянина, — ненавистное щастие източит над тобой все стрелы свои, если добродетели твоей убежища на земле не останется, если доведена до крайности не будет тебе покрова от угнетения; тогда вспомни, что» ты человек, вспомни величие твое... — умри!».

После ссылки и работы в комиссии для него было очевидно, что в самодержавно-крепостнической России для «общественной добродетели» не оставалось места; зато было место в Петропавловской крепости и сибирском остроге.

Вот почему глотком яда он прервал «несносное и ненужное существование».

Граф Завадовский, ознакомившись с проектом Радищева, пригрозил ему ссылкой в Сибирь. «После этого, — пишет сын его Павел, — он сделался беспокоен, задумчив, недоволен. Напрасно старались его успокоить; он повторял, что на него имеют зло. Наконец, в сильной меланхолии он однажды сказал всем своим детям: «Ну что вы скажете, детушки, если меня опять сошлют в Сибирь?» Это волнение усиливалось в нем со дня на день. Он призвал доктора, но без пользы.

11 сентября в часу 10-м утра... Радищев, чувствуя себя нездоровым... беспрестанно беспокоясь и имея разные подозрения, вдруг берет стакан с

крепкой (острой или царской) водкой и выпивает его разом. Потом, схватив бритву, хочет зарезаться... Часу в первом ночи Радищев скончался».

Так трагически оборвалась жизнь стойкого политического бойца, защитника угнетённых, искреннего поборника общенародного благоденствия и справедливости на земле.

Похоронив его «без церковного пенья, без ладана» как богоотступника и самоубийцу, имя его было проклято с церковного амвона, а над «Путешествием» и одой «Вольность» на целое столетие повисло цензурное гонение.

С точки зрения исторического процесса классовой борьбы самоубийство Радищева символически знаменовало собою победу крепостников над развивающейся промышленной буржуазией России конца XVIII и начала XIX века.

Объективно Радищев своей деятельностью подготавливал торжество буржуазных порядков несмотря на всю свою талантливость, он не смог выйти за пределы, которые ставила ему тогдашняя эпоха, но вместе с тем о нем больше, чем о ком-нибудь другом, можно сказать словами Энгельса: «Люди, — говорит он, — подготовившие торжество буржуазии, сами не были буржуазно ограниченными людьми»...

Наоборот, овеванные возвышенными идеалами, почти все они «живут всеми интересами своего времени, принимают участие в практической борьбе, становятся на сторону той или иной партии и борются, кто словом и пером, кто мечом, а кто и тем и другим, отсюда та полнота и сила характера, которая делает из них цельных людей» (т. XIV, стр. 476).

К оценке деятельности Радищева необходимо подходить с историческим учетом эпохи, в которой ему приходилось выступать. «У нас, — писал Ленин в своей статье «О революционном наследстве», — зачастую крайне неправильно, узко анти-исторично понимают слово буржуа, связывая с ним (без различия исторических эпох) своекорыстную защиту интересов меньшинства. Нельзя забывать, что в ту пору, когда писали просветители XVIII века, (которых общепризнанное мнение относит к вожакам буржуазии), когда писали наши просветители от 40-х до 60-х годов, все общественные вопросы сводились к борьбе с крепостным правом и его остатками. Новые общественно-экономические отношения и их противоречия тогда были еще в зародышевом состоянии. Никакого своекорыстия тогда в идеологах буржуазии не проявлялось, напротив и на западе, и в России они совершенно искренно верили в общее благоденствие и искренне ждали его, искренно не видели, отчасти не могли еще видеть противоречий в том строе, который вырастал из крепостного» (Собр.

сочинений т. II, стр. 332).

Искреннее желание освободить от «унижения и презрения» большую часть населения от «высших и богатых» самолюбцев», помещиков и высокопоставленных тиранов; бескорыстное стремление восстановить крестьян в политических и имущественных правах, освобождение человеческой личности от политических религиозных и бытовых предрассудков; борьба за свободное, всестороннее и ничем не стесняемое развитие человеческой сущности — вот что характерно для субъективных стремлений Радищева.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Август Октавиан. Первый римский император, положивший начало имперских учреждений, охранявших интересы торгово-земледельческой знати. В интересах торгового капитала вел многие войны в Африке, Азии и Европе. Радищев упрекает римского поэта Горация за то, что тот в стихах льстил Августу. (См. Плутарх — Биография Августа).

Аврелий Марк. 121–180). Римский император. Представитель римского «просвещенного абсолютизма». Радищев симпатизировал Марку Аврелию, как просвещенному монарху — с одной стороны, и как представителю философии стоицизма, проповедующему внутренний покой и равнодушие к ударам судьбы — с другой.

Аристид по прозвищу «Справедливый». Афинский политический деятель (род. около 540, ум. в 467 до хр. э.). Вошел в историю, как символ честности, справедливости и неподкупности.

Богданович, Петр Иванович. Писатель и издатель конца XVIII в. В 1796 году он был выслан из Петербурга: «яко беспокойный и упорного нрава человек, не повинующийся начальству».

Безбородко, граф. Александр Андреевич Безбородко, ведавший прошениями, поступавшими на имя Екатерины II, принимал деятельное участие в деле осуждения Радищева, хотя в частных письмах старался свалить вину за выпуск книги Радищева на «свободу типографии и халатность полиции».

Болотов, Андрей Тимофеевич (1738–1833). Агроном, писатель и издатель. Кроме статей и переводов по сельскому хозяйству, оставил после себя записки: «Жизнь и приключения Андрея Болотова», которые представляют собой ценнейший памятник социально-экономической и бытовой истории крепостной России. В противоположность Радищеву, по своему мировоззрению, Болотов был убежденнейший крепостник.

Брут, Люций-Юний, по римскому историческому преданию вождь республиканского восстания против царя Тарквиния Гордого.

Брут, Марк-Юний. Глава республиканского аристократического заговора против Юлия Цезаря и соучастник его убийства.

Вергилий. Римский поэт. Написал поэму «Энеида» и сельские поэмы «Буколики» и «Георгики».

Вольтер, Марк-Франсуа, поэт, философ, историк и публицист; один из

крупнейших представителей французских «просветителей» XVIII в. За сатирические стихи на высокопоставленных лиц сидел в политической тюрьме — Бастилии. Затем эмигрировал в Англию; после этого находился при дворе прусского короля Фридриха II. После разрыва с королем поселился в Швейцарии на границе Франции. Был владельцем больших имений и часовой фабрики. Выразитель идеологии крупной и средней промышленной буржуазии. Вел деятельную переписку с Екатериной II, без меры льстил и восхвалял ее «добродетели», за что получал от нее большие подарки. В своем творчестве Радищев с большой симпатией относится к Вольтеру, как энергичному борцу с политическими и религиозными суевериями.

Гагарин, С. В. Действительный тайный советник. Увлекался сочинениями Гельвеция; вместе с Радищевым работал в комиссии сочинения законов при Александре I. Доказывал, что основные законы не нужны при наличии самодержавной власти царя, который по своей прихоти может отменить любые законы.

Галилей, Галилео (1564–1642). Итальянский физик и астроном. Один из основателей точного естествознания, открыл законы падения тел и колебания маятника. За проповедь учения Коперника о движении земли вокруг солнца, был арестован инквизицией, сидел некоторое время в тюрьме.

Граки, Тиберий и Гай. Политические деятели древнего Рима, вошедшие в историю как республиканские герои. Тиберий прославился попыткой провести аграрный закон о наделении земель крестьян из государственного фонда.

Геллерт, Христиан-Фюрхтегет. Немецкий поэт, литератор, и моралист-педагог. Во времена пребывания Радищева в Лейпцигском университете преподавал словесные науки (поэзию, красноречие и мораль). Будучи либерально настроенным он пользовался большой любовью студентов. Радищев был одним из его любимых учеников.

Генрих IV (1367–1413). Английский король. Отличался особенной жестокостью в преследовании демократических движений среди крестьянства и мелкой буржуазии.

Георги Иоганн-Готлиб (1723–1802 г.). Академик, доктор медицины, ботаник, химик, этнограф, экономист и переводчик. Был приглашен Академией наук из Германии в Россию. В 1772—74 гг. совершил путешествие по Поволжью, Калмыцкой области и Сибири. Выпустил несколько книг описания России.

Грим Фредерик-Мельхиор (1723–1807). Литератор и дипломат; один из

участников кружка энциклопедистов, друг Дидро и Гольбаха за свою корреспонденцию из-за границы к Екатерине II был назван Пушкиным «странствующим агентом французской философии». Встречался с Радищевым во время его пребывания в Лейпциге. К концу XVIII в. резко отмежевался от французской революции. 22-летняя переписка с Екатериной II опубликована Гротом в «Собр. Русск. ист. о-ва», т.т. XXIII, XXXIII и XLIV.

Гораций. Римский поэт эпохи Августа. Сын раба-вольноотпущенника, автор многочисленных стихотворных сатир и од на самые разнообразные темы. По предложению Августа написал юбилейную вещь «Песнь столетия» за что и был прозван Радищевым «льстецом».

Гус Ян (1363–1415). Вождь чешского религиозно-национального движения в XV в. Профессор Пражского университета и проповедник Вифлеемской часовни. За попытку церковной реформации (протест против продажи индульгенций, независимость от папы, создание чешской национальной церкви) был обвинен в ереси и в 1415 г. сожжен, как нераскаявшийся еретик.

Д'Аламбер, Жан (1717–1783). Выдающийся французский математик и один из представителей просветительной философии. Сотрудник «Энциклопедии». Вел переписку с Екатериной II и отказался от ее предложения приехать в Петербург в качестве воспитателя малолетнего Павла.

Дашкова, княгиня Екатерина Романовна (1743–1810), урожденная Воронцова. Президент Академии наук, статс-дама Екатерины II. Много путешествовала за границей и была лично знакома с Вольтером, Дидро, Адамом Смитом и друг. Являясь родной сестрой Александра Романовича Воронцова (покровителя Радищева), Дашкова была отчасти в курсе политических настроений, царивших в доме Воронцова, где часто бывал Радищев. Книгу Радищева назвала «Революционным набатом, призывающим к бунту» и не сочувствовала идеям, высказанным в «Путешествии». Предлагала Радищеву материальную помощь, от которой он отказался. Оставила записки, в которых говорит о встречах с Радищевым. (Напечатаны в Арх. кн. Воронцова, XXI том).

Д'Арк, Жанна, окруженная легендами героиня столетней войны между Англией и Францией.

Диоген. Греческий философ, принадлежавший к школе так называемых «циников». Он жил в глиняной бочке; отрицал частную собственность, брак и гражданские обязанности и проповедывал идею мирового гражданства.

Дэфо, Даниель (1661–1731). Английский писатель, автор популярного романа «Робинзон Крузо». Талантливый буржуазный публицист и памфлетист.

Жанлис, де, Стефани-Фелисите, графиня (1746–1830). Французская писательница. Все ее сочинения переполнены дидактизмом, слезливой сентиментальностью и ханжеством. Произведения Жанлис пользовались большой популярностью в России в XVIII веке.

Калигула (Гай-Цезарь). Римский император, прославившийся большими жестокостями во время своего царствования. Радищев часто приводит имя Калигулы, как образец деспотизма и тирании.

Катилина, Люций-Сергий — глава монархического заговора против римского сената.

Карл XII, король Швеции с 1697 по 1718 г. Два раза вел войну с Россией. Одержав победу над русскими в бою при Нарве, во время Полтавской битвы потерпел полное поражение.

Квинт, Курций-Руф. Римский историк нависавший «Историю Александра Великого» в десяти книгах.

Княжнин, Яков Борисович (1724–1781). Драматург Екатерининской эпохи. Переводил Вольтера, Корнелля и др. Всего им написано 7 трагедий, 4 комедии и 8 комических опер. Последняя трагедия «Вадим» была запрещена цензурой, а сам автор был бит розгами, что по утверждению современников вызвало преждевременную смерть писателя.

Козодавлев, Осип Петрович. Сенатор и министр внутренних дел, член Российской Академии Наук. Товарищ Радищева по Лейпцигскому университету; среди русских студентов слыл за тупицу и невежду.

Крылов, Иван Андреевич (1768–1844). Русский писатель (баснописец). Радищев сотрудничал в издаваемом им сатирическом журнале «Почта духов», все письма «Сильфа Дальновидца» принадлежат Радищеву. Журнал был закрыт правительством за резкие выпады против вельмож.

Линь, принц. Был отправлен австрийским королем с важными поручениями ко двору Екатерины II и находился в свите императрицы во время ее путешествия в Крым, по Днепру.

Лепехин, Иван Иванович (1740–1802). Известный путешественник и ботаник. —

Ломоносов, Михаил Васильевич (1711—1765). Русский ученый, писатель, поэт и историк. Сын крестьянина Архангельской губ. В «Путешествии» Радищев посвятил Ломоносову специальную главу («Слово о Ломоносове»). После кратких биографических данных и перечисления заслуг «русского Ньютона» в области естественных и словесных наук,

Радищев порицает его за пресмыкательство перед царями. «Не завидую тебе, — пишет он, — что следуя общему обычаю ласкати царям, не редко недостойных не токмо, похвалы стройным гласом воспетой, но даже гудочного бряцания; ты льстил в стихах Елизавете. Если бы можно было без уязвления истины и потомства простил бы я то тебе ради признательные твоя души ко благодееанию». (Собр. соч. т. I, стр. 229).

Людовик XVI, французский король. По постановлению конвента был казнен во время Великой французской революции 21-го января 1793 г.

Мария-Антуанетта, французская королева, жена Людовика XVI. За свою расточительность была прозвана «Мадам Дефицит». По постановлению суда Революционного трибунала была казнена 16 октября 1793 г.

Массон, Ару а по приезде в Россию (1786) состоял преподавателем в артиллерийско-инженерном кадетском корпусе. Затем был назначен секретарем великого князя Александра Павловича; в 1786 г. по распоряжению Павла удален за пределы России. В 1803 г. выпустил «Секретные мемуары о России».

Мильтон, Джон, (1608–1679). Английский писатель. В своей поэзии и публицистике был ярким выразителем идей английской пуританской буржуазии. Автор знаменитой поэмы «Потерянный и возвращенный рай» и многочисленных политических памфлетов.

Новиков, Николай Иванович (1744–1818). Общественный деятель, писатель и педагог, издатель и сотрудник многочисленных сатирических и общественных журналов 2-й половины XVIII века. Видный масон и просветитель. В 1792 году был арестован за «вольномыслие» и посажен в Шлиссельбургскую крепость на 15 лет. Павлом I был освобожден. По своей идеологии Новиков примыкает во многих отношениях к Радищеву; в журнале Новикова «Беседующий гражданин» Радищев поместил статью «Что есть сын отечества».

Ром, Жильбер — швейцарец. Был гувернером у графа Строганова. Во время Великой французской революции член Законодательного собрания и Конвента, изобретатель революционного календаря.

Паллас, Пьер-Симон. Путешественник и натуралист. Екатериной II был приглашен в Россию; путешествовал на Кавказ и в Закаспийский край.

Панглос, герой философской повести Вольтера «Кандид». Изображен автором как крайний оптимист. Девизом Панглоса было убеждение: «Все идет к лучшему в этом лучшем из миров».

Плутарх, греческий писатель, автор «Сравнительных жизнеописаний великих людей» (46 т. Биографий знаменитых людей).

Сегюр, Луи-Филипп, французский посол в России во время царствования Екатерины II. Оставил интересные записки о России.

Стародум. Действующее лицо в комедии Фонвизина «Недоросль».

Троян. Римский император. Во время своего царствования покровительствовал наукам, литературе и искусству. Народное предание создало вокруг личности Трояна легенду о «правдивом» и «мягкосердечном» царе.

Цезарь, Гай-Юлий. Римский политический деятель, полководец и писатель. После военных успехов стал диктатором Рима и был убит республиканскими заговорщиками с Брутом и Кассием во главе.

Цицерон, Марк-Тулий. Римский политический деятель, оратор и писатель. В истории античной литературы занимает одно из первых мест, как представитель классического ораторского искусства.

Эйлер, Леонард. Крупнейший немецкий математик и физик. В 1727—40 гг. состоял профессором русской Академии

Эмпедокл, древне-греческий философ, материалист.

СПИСОК ПРОИЗВЕДЕНИЙ А. Н. РАДИЩЕВА

Полное литературное наследство Радищева составляет три объемистых тома. То, что до настоящего времени опубликовано, является далеко не полным. Ниже мы перечисляем произведения, вошедшие в двухтомное собрание сочинений, и не вошедшие, но принадлежащие Радищеву.

Произведения, принадлежность которых Радищеву еще не установлена окончательно, мы оговариваем в каждом отдельном случае.

Для удобства мы разбиваем литературное наследство Радищева на четыре самостоятельных раздела: художественно-публицистические произведения, экономические, философские и переписка, дневники, законопроекты и пр. Разделение это весьма условно.

I. Художественно-публицистические (проза и стихи):

1. Письмо к Другу жительствовавшему в Тобольске по долгу звания своего.
2. Дневник одной недели.
3. Житие Федора Васильевича Ушакова.
4. Путешествие из Петербурга в Москву.
5. Ода «Вольность».
6. «Бова». Повесть богатырская.
7. Песня историческая.
8. Песни древние «Всеглас».

Мелкие стихотворения:

9. Эпитафия.
10. Ответ.
11. Экспромт.
12. Послание.

13. Журавли.
14. Осьмнадцатое столетие.
15. Софические строфы.
16. Идиллия.
17. Песня.
18. «К другу моему» ода.
19. Молитва.

Все вышеперечисленные произведения напечатаны в 1 томе собр. сочинений А. Н. Радищева, под ред. проф. А. К. Бороздина, И. И. Лапшина и П. Е. Щеголева изд. Акинфиева, 1907 г. и в 1 томе собр. сочинений под ред. Каллаша, изд. Саблина, 1907 г.

20. «Что есть сын отечества», напечатано в журнале, издаваемом Новиковым «Беседующий гражданин», ч. III, 1789 г. — декабрь.

21. «Творение мира». Песнесловие, см. В. П. Семенников г «Новый текст путешествия из Петербурга в Москву» Радищева, изд. «Былое», М. 1922 г.

22. «Ангел тьмы» (отрывок из поэмы «Ермак», полн. собр. сочинений т. I, изд. Акинфиева.

Произведения, приписываемые Радищеву:

23. «Отрывок Путешествия в И*** Т***, см. Семенников «Когда Радищев задумал «Путешествие из Петербурга в Москву», изд. А. Э. Бухгейм. М. 1915 г.

24. «Письма Сильфа Дальновид», напечатанные в журнале «Почта духов», Крылова. См. по этому вопросу литературу: Я К. Грот — «Литературная жизнь Крылова», В. Андреев и А. Крылов «Русский инвалид», 1886 № 31, А. Пыпин — Крылов и Радищев «Вестник Европы» 1868 № V (т. III). Суворин «Русский инвалид» (1868 г. № 134), А. Веселовский «Вестник Европы» 1881 № III; И. А. Лященко и А. Крылов «Исторический вестник» 1894 № XI; Майков, Л. — «Историко-литературные очерки», Спб. 1895, В. А. Мякотин — «Из истории русского о-ва», Спб. 1902; Каллаш редакц. вступит, статья с примечаниями к полн. соб. сок. Крылова изд. «Просвещение», Спб. 1904 г. т. II; А. А. Гавриленко — «Радищев до ссылки», «Вести. Европы» 1907 г. VI; П. Е. Щеголев — Из истор. журн. деят. Радищева «Минувшие годы», 1908 № XII, М. 1916 г. и Чучмарев — «Наукови записки», литературн. кафедры, т. II, 1927 г.

II. Экономические произведения:

1. Письмо о китайском торге. Написано в 1782 г. в Иркутске.
2. Сокращенное повествование о приобретении Сибири. Написано в Сибири между 1792–1797 гг.
3. Описание моего владения. Написано после возвращения из ссылки, в селе Немцово, между 1797–1801 гг.

Кроме этих специальных работ к экономическим трудам Радищева отчасти можно отнести всю его переписку и дневники путешествия в Сибирь и из Сибири, которые мы помещаем в IV разделе.

Философские произведения:

1. Филарет Милостивый. Написано в Петропавловской крепости во время судебного следствия в 1790 г.
 2. О человеке, о его смертности и бессмертии, кн. 1–4.
Написано в Сибири в Илимском остроге. Начато в 1792 г.
Время окончания неизвестно.
- Вышеперечисленные произведения напечатаны во II томе упомянутых изданий Акинфиева и Саблина.

IV. Разные произведения (переписка, дневники, записки, законодат. проекты и пр.):

1. Письма графу А. Р. Воронцову во время службы в Петербургской таможне (1782–1787). Всего 12 писем.
2. Письма к графу А. Р. Воронцову из Сибири, села Немцово и саратовской деревни (1790–1800). Всего 63 письма, причем 50 писем на французском языке. Напечатано во II томе собр. сочинений изд. А. Саблина.
3. Письма по возвращению из ссылки, напечатано в журн. «Былое», 1917 г. № II (август).
4. Письмо к родителям. Напечатано «Радуга», — альманах Пушкинского дома.
5. Письмо А. М. Кутузову от 6 декабря 1791 г. Напечатано: Барсков — «Переписка московск масонов XVIII в.» 1915 г.

6. Письмо к Шешковскому из крепости, 1790 г., — собр. соч. т. II, изд. Саблина.
7. Письма к Александру I, собр. соч. т. II, изд. Саблина.
8. Духовные завещания, прошения, ответы на вопросы судебного следствия, напеч. во 2 томе изд. Акинфиева.
9. Примечания к переводу «Размышлений»... напеч. в 1 т. изд. Саблина.
10. Радищев — Записки Путешествия в Сибирь и из Сибири во II томе изд. Акинфиева.
11. «Памятник дактилохореическому витязю», т. II, изд. Саблина.
12. Особые мнения: а) о ценах за людей убиенных, б) об отводе судей, т. II, изд. Саблина.
13. «Записка о законоположении», напечатано «Голос минувшего», 1916 г. № XII:
14. «Проект гражданского уложения». Подлинник находится в Арх. кн. Воронцова, отрывки напечатаны в книге Семенникова о Радищеве. ГИЗ, 1923.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Собрание соч. А. Н. Радищева под ред. Бороздина, Лапшина и Щеголева, изд. Акинфиева 1907 г. тт. I и II.
2. Собр. соч. А. Н. Радищева под ред. Каллаша, изд. Саблина 1907 г: т: II (переписка Радищева с графом А. Р. Воронцовым с 1787–1802 гг.).
3. Семенников — Радищев (Очерки и исследования) ГИЗ 1923 г.
4. Госуд. архив т. XVII. 1766–1775 гг. № 26.
5. Сухомлинов — Монография о Радищеве (Собр. русского языка и словесности Акад. наук т. XXXII № 6.
6. Собр. оставшихся сочинений покойного А. Н. Радищева ч. V. изд. Платона Бекетова 1808–1809 г.) Литературные работы Фед. Вас. Ушакова).
7. Собр. соч. т. II, изд. Акинфиева (Приложение: процесс Радищева официальные материалы и свидетельства современников— замечания Екатерины II на «Путешествие» Радищева и пр.).
8. Я. Л. Барсков — Переписка московских масонов XVIII века в 1780–1790 гг. изд. Акад. наук П. 1915 г.
9. Словарь достопамятных людей русской земли — Бантыш-Каменского.
10. «Вестник Европы», 1868 г. № 5, 42?.
11. Якушкин — «Суд над русским писателем XVIII в.» «Русская старина», 1872 г., № 3.
12. Сборники русского исторического о-ва т. 115, № 72, т. 93 и т. 29.
13. Герцен — Полное собрание сочинений под ред. Лемке т. IX.
14. Павлов-Сильванский — Очерки по русск. ист. XVIII и XIX в.
15. Историческая хрестоматия т. XV, состав. В. Покровский, Москва, 1907 г. (статьи Милюкова, Павлова-Сильванского, Мякотина, Якушкина, Губерти, Каллаша, Пыпина, Грота, Галахова, Шишкина, Стоюнина, Логвинова, Герцена, Туманова. Семевского, П. Н. Радищева (Воспоминания) Сухомлинова, Веселовского и др.).
16. Архив кн. Воронцова, кн. 5 (письма Радищева к графу А. Р. Воронцову и следственные материалы).
17. «Русское богатство», 1907 г., № 1.
18. «Русский архив», № 12, 1 879 г.
19. М. Н. Покровский — Русская история, т. III.
20. Семевский — Крестьяне царствования Екатерины II. Спб. 1881 т. 1.

21. Соловьев — Русская история с древнейших времен (Времена Екатерины II).
22. Ключевский — Русская история, т. IV–V.
23. «Голос минувшего», № 12, 1916 г. (записка Радищева) «О законоположении».
24. А. С. Пушкин — Собр. соч. т. V. изд. Исакова, 1881 (статья о Радищеве).
25. Ленин — Собр. соч. т. I, II, изд. 3-е.
26. Маркс и Энгельс — Собр. соч. т. VIII.,
27. Архив кн. Воронцова, кн. XII, 1877 (Письмо Радищева к графу Воронцову).
28. «Исторический вестник», 1889 г. № 1.
29. Русская поэзия под ред. С. А. Венгерова, т. 1, вып. V, 1895 г.
30. Е. Бобров — Философия в России, 1900 г., вып. III.
31. «Былое», 1917 г., II (август), 3–5 (Письма Радищева по возвращению из ссылки).
32. Памятные записки А. В. Храповицкого — «Отечественные записки» издававшиеся П. Свиным, ч. XX, Спб.).
33. Павел Радищев — А. Н. Радищев (Воспоминания) («Русский вестник», 1858 г. XVIII (декабрь).
34. Записки кн. Е. Р. Дашковой, «Русская старина», 1906 г. № VI.
35. Н. А. Радищев — «Русская поэзия» под ред. С. Венгерова 1895 г. вып. V.
36. Записки Ф. Н. Голицына. «Русский архив». 1874 г.
37. А. Т. Болотов — Памятник протекших времен или краткие исторические записки о бывших происшествиях и о носившихся в народе слухах. Изд. П. С. Киселева, М. 1875, ч. II.
38. Арх. кн. Воронцова, кн. IX, 1876 г.
39. То же, кн. X, 1876 г.
40. Записки Н. С. Ильинского. «Русский архив», кн. XIII, 1879 г.
41. Арх. кн. Воронцова кн. XXIV, 1880 г.
42. В. И. Семевский — Крестьянский вопрос при Екатерине II, «Русская старина», 1882 г.
43. Его же — «Крестьянский вопрос в России в XVIII “и первой половине XIX в. — Спб. 1888 г.
44. Н. А. Добролюбов — Соч. изд. 5 Н. Поповой, Спб. 1896, т. 1 (статья «Русская сатира Екатерин, времен»).
45. В. И. Семевский — Из истории общественного течения в России в XVIII и первой четверти XIX ст.

46. М. Туманов — А. Н. Радищев, «Вестник Европы», 1904 года, т. II.
47. П. Е. Щеголев — Из истории журн. деят. А. Н. Радищева «Минувшие годы», 1908 г. № XII.
48. В. В. Мияковский — Годы учения А. Н. Радищева, «Голос минувшего», 1914 г. № V.
49. Его же — «Учебные годы Радищева», «Голос минувшего», 1914 Г. № V.
50. В. Боголюбов — Новиков и его время, изд. Сабашниковых, М. 1918 г.
51. М. Н. Покровский — Очерк-истории русской культуры, изд. 2-е, Т-во «Мир», М. 1918 г.
52. В. П. Семеннико в — «Новый текст путешествия из Петербурга в Москву», изд. «Былое», М. 1922 г.
53. Г. В. Плеханов — История русской общественной мысли, т. XXI, XXII и XXIII.
54. И. К. Луппол — Трагедия русского материализма XVIII века. «Под знам. марксизма», 1924 г., № VI–VII.
55. Его же — «Русский Гольбакианец конца XVIII в.», «Под знаменем марксизма», 1925 г., № III.
56. А. В. Луначарский — «Литературные силуэты, М. 1923 г.
57. Н. К. Пиксанов — Два века русской литературы, М. 1923 г.
58. А. И. Незеленов — История русской словесности, М. 1914 г.
59. П. Н. Сакулин — Русская литература и социализм.
60. А. Н. Пыпин — Исследов. и статьи по эпохе Александра I, т. III («Огни», 1918 г.).
61. А. Щапов — Социально-педагогич. условия развития русского народа, изд. Полякова, Спб. 1870 г.

Примечания

Описывая деспотические подвиги Бокума, Радищев говорит по адресу Екатерины следующее: «Ведали мы, что власти такой ему дано не было, и всякому известно было, что мягкосердие начинало в России писать законы, оставя все изветы лютости прежних времен».

Этот же образ Грибоедов повторил в «Горе от ума». В своем монологе Молчалин говорит:

Мне завещал отец:
Во-первых, угождать всем людям без изъятия —
Хозяину — где доведется жить,
Начальнику, с кем буду я служить,
Слуге его, который чистит платье,
Швейцару, дворнику, для избежания зла,
Собаке дворника, чтоб ласкова была.

Военный прокурор.

Переписка Радищева с Кутузовым и «История сената» до нас не дошли. Все это он сжег до опубликования.

«Письмо», как и «Путешествие», вышло в печать неподписанное настоящей фамилией автора.

«Путешествие» было издано в год Французской революции.

«Письмо»-было написано по случаю открытия памятника Петру I.

Это было в 1785 году. Интересный эпизод с получением Радищевым ордена передает сын его Павел Александрович. «Екатерина II раздавала сама ордена. Обыкновенно новопожалованный кавалер при получении креста из рук самодержицы, преклонил перед нею колени, хотя это не было предписано. Радищев, принимая от нее владимирский крест четвертой степени, не счел нужным «раболепствовать и не стал на колени». («Русский вестник» за 1850 год).

В 1785 году вышел закон о вольных типографиях, в котором говорилось: «Типографии для печатания книг не различать от прочих фабрик и рукоделий... Позволяется по своей собственной воле заводить типографии не требуя ни от кого дозволения. (М. И. Сухомлинов. — Монография о Радищеве. Сборник русск. язык, и словестности. Акад. Наук, т. XXXII).

Пушки.

Небольшое произведение злободневно-политического характера, критикующее действие какого-нибудь лица или государственный строй.

После подавления Пугачевского восстания Екатерина объявила себя почетной казанской помещицей и издала грамоту о «вольности дворянской».

Британские колонии в западной Африке, расположенные в районе озера Чад.

Военный устав или уложение.

Военное укрепление типа окопа.

Чиновник, исполняющий полицейские обязанности.

Граф Воронцов в своем письме к брату из Ричмонда писал: «Осуждение бедного Радищева причиняет мне крайнее страдание. Какой приговор и какое смягчение за опрометчивость... Что же сделают за преступление и формальное возмущение? Десять лет Сибири хуже смерти для человека, имеющего детей, с которыми он должен разлучиться или же он должен лишиться их образования и службы. Это приводит в содрогание». Арх. кн. Воронцова, т. IX, стр. 181.

По этому поводу сын Радищева Павел сообщает следующее: «Державин, как эгоистически умный человек, умел выпутаться из затруднительного положения. Экземляр, присланный ему (Радищевым) он поднес императрице, отметив карандашом все важнейшие места» («Русский Вестник», 1858, т. 6, стр 430)

На манускрипте «Путешествия», который в знак дружеской благодарности Радищев преподнес Державину, последний написал такой стих:

Езда твоя в Москву со истинною сходна;
Не кстати лишь смела, дерзка и сумасбродна:
Я слышу на коней ямщик кричит вирь, вирь!
Знать, русский Мирабо, поехал ты в Сибирь.

Алябьев, как и Воронцов, был человек либерально настроенный. Он содействовал открытию в Тобольске купцом Корнильевым, в 1759 году, первой в Сибири типографии, в которой печатался ежемесячный журнал под названием «Иртыш, превращающийся в Ипокрену».

Ржевская, урожденная Алымова 1826 г., была ближайшей подругой Елизаветы Васильевны Рубановской по Смольному институту. Она писала ей в Сибирь письма, передавала подарки и воспитала детей, оставшихся после ее смерти.

«Сидя однажды вечером со своими детьми вокруг чайного стола, я видел входящих ко мне двух человек с военной выправкой, я думал сначала, что это гусары, которые мне делают честь очень часто своими визитами... Но я не имел времени, так сказать, ориентироваться, как я был в их объятиях. Это были мои дети...» (Собр. соч., т. II, стр. 536, изд. Саблина).

Гадатели, толковавшие волю богов и значение снов в древнем Риме.

После смерти за Радищевым числилось около 40 тысяч разных долгов. «Английские фактории», — пишет Павел Радищев, — признательные за заслуги, оказанные Радищевым, великим защитником фри-треда, вызвались заплатить его долги. Но предложение, говорит сын Радищева, осталось без последствий» (Семенников — Радищев, стр. 236).